

# LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică  
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat  
Fondator – Agenția Proprietății Publice  
al Republicii Moldova  
Certificat de înregistrare  
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul  
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică  
al Academiei de Științe a Moldovei prin  
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională  
Index Copernicus International (Republica Polonă)

## Categoria C

*Asociați:* Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991  
Nr. 1/2 (337) 2020

Redactor-șef L. Arsene, dr. h. c. mult.

## Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); V. Bujor, doctor în drept, profesor universitar; Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecător la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscova, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:  
Casa presei, et. 5  
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,  
Republica Moldova  
Tel.: 022-233 790;  
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: [publicare@legeasiviata.in.ua](mailto:publicare@legeasiviata.in.ua)  
Index: RM 77030

© Legea și viața  
Pagina web: [www.legeazakon.md](http://www.legeazakon.md)  
[www.legeasiviata.in.ua](http://www.legeasiviata.in.ua)

# СОДЕРЖАНИЕ

Виктор БЕРНАДИН. Особенности административной ответственности специальных субъектов за правонарушения в сфере оборота подакцизных товаров.....	3
Александр БИРКОВИЧ. Роль статутот Великого княжества Литовского в утверждении украинских национальных институтов судоустройства и судопроизводства.....	7
Yaroslav BURIAK. The term “public service” in European Union administrative law: a comparative analysis.....	11
Мария ГАЙДАР. Проблемы обеспечения медицинскими услугами в сельской местности в аспекте объединения территориальных общин в Украине .....	15
Ibrahim S. I. GHANNAM. The State of development issues in science: conceptual understanding of the global transformations in the country’s administration impact .....	19
Эрнест ГРАМАЦКИЙ. Обход закона: позиция доктрины и судебная практика .....	23
Петр ГУЙВАН. Часовые рамки эффективного осуществления регулятивных и охранительных гражданских отношений .....	26
Артем ДАНИЛОВ. Общие черты и различия института субсидиарной ответственности в процедурах банкротства по законодательствам Украины и Республики Молдова.....	31
Евгения ДЕМИДОВА. Понятие «детерминизм»: междисциплинарные и криминалистические проблемы определения.....	35
Владислав ЖЕЛИХОВСКИЙ. Соотношения понятий «нетрадиционные», «альтернативные» и «возобновляемые» источники энергии: теоретические и законодательные аспекты.....	39
Александр ИВАНОВ. Политико-правовые предпосылки включения Казахстана в состав Российской империи (1714–1818 гг.).....	43
Валентина КОЗЫРЕВА, Анна ПОЛЯЦКО. Проблемы правового регулирования банкротства: международный и отечественный опыт .....	48
Ирина КРИЦКАЯ. Арест имущества с целью обеспечения сохранения вещественных доказательств: некоторые спорные аспекты .....	51
Михаил ЛАРКИН. Тактико-криминалистические особенности проведения обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений) .....	56
Nelli LEONENKO. State regulation of development of clustered zones in the sphere of tourism .....	59

Владимир МАЙОРОВ. Административно-правовой статус Национальной полиции Украины как субъекта обеспечения реформ в сфере публичного порядка и безопасности.....	64
Валерий МАЛЫШКО. Правовые основы участия приватиров Британской Ост-Индской компании в войне Англии против Китая (XVIII – первая половина XIX столетия).....	67
Александр МЕНЯЙЛОВ. Этапы трансформации административно-правового статуса судей в независимой Украине .....	72
Владимир ОКИПНЮК. Органы государственной безопасности Молдавской автономии в составе УССР: историко-правовой анализ .....	77
Светлана САБУРА. Защита субъективного права на творчество. Способы и средства защиты субъективного права на творчество .....	80
Оксана СВЕРЛОВИЧ. Правовые и организационные начала обеспечения статуса мигрантов в Украине .....	84
Taras SENYK. Genesis of the institute for trial postponement in the criminal procedural legislation of Ukraine (from the 9th till the end of the 19th century) ...	87

Dmitry SKOVRONSKY. Judicial speech and antiquity speakers.....	92
Liliya TIMOFEYEVA. Criminal liability for violation discipline by prisoners and provision of the convention against torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment .....	95
Руслан ФИЛЬ. Сущность механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины .....	98
Gabriella Eva KHAYRUTDINOVA. The reasons and conditions for the spread of credit crimes.....	102
Анна ШАРАЯ. Понятие системы принципов административно-процедурного права .....	105
Владимир ШЕХОВЦОВ. Концептуализация эколого-геополитических параметров, определяющих развитие фаунистического законодательства Украины.....	110
Вадим ЮРЧЕНКО. Психологические особенности взаимодействия прокурора с потерпевшим во время досудебного расследования уголовных преступлений в Украине .....	114
Максим ЮХНО, Александр ЮХНО. Регулирование права личности на защиту в международно-правовых актах и в законодательстве отдельных зарубежных стран.....	119



УДК 342.9:339.56

## ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ПОДАКЦИЗНЫХ ТОВАРОВ

Виктор БЕРНАДИН,

адъюнкт кафедры публичного управления и администрирования Национальной академии внутренних дел

### АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается состояние административно-правового регулирования в сфере оборота подакцизных товаров, а также формулируются предложения по совершенствованию отдельных направлений деятельности в указанной сфере. Проведен анализ особенностей административной ответственности в сфере оборота подакцизных товаров для таких категорий лиц, как несовершеннолетние, должностные лица и военнослужащие.

**Ключевые слова:** подакцизные товары, акцизная марка, административная ответственность, административное правонарушение, специальный субъект.

## FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF SPECIAL SUBJECTS FOR OFFENSES IN THE SPHERE OF EXCISABLE GOODS

Victor BERNADIN,

Adjunct of the Department of Public Management and Administration of National Academy of Internal Affairs

### SUMMARY

The article examines the state of administrative and legal regulation in the sphere of turnover of excisable goods, and also offers proposals for improvement of certain directions of activity in the specified sphere. The analysis of peculiarities of administrative responsibility in the sphere of turnover of excisable goods of such categories of persons as: minors, officials and servicemen, was carried out.

**Key words:** excise goods, excise duty, administrative liability, administrative offense, special entity.

**Постановка проблемы.** Необходимость стабилизации экономической ситуации в Украине, а также увеличение масштабов сотрудничества со странами ЕС касательно противодействия правонарушениям в сфере оборота подакцизных товаров обуславливает частоту выявления фактов нелегального изготовления или ввоза подакцизных товаров на таможенную территорию Украины. При этом для противодействия угрозе росту нелегального рынка сбыта подакцизных товаров стоит совершенствовать законодательство в направлении постепенной гармонизации ставок акцизного налога и административно-правового противодействия противоправным проявлениям в данной сфере.

Акцизам как составляющей общей налоговой политики любого государства уделяется большое внимание. Они используются для увеличения доходной части бюджета и корректировки прогрессивного подоходного налогообложения, для ограничения негативного воздействия отдельных видов производства на природу и человека, а также для стимулирования спроса на отдель-

ные товары. В связи с этим необходим постоянный мониторинг состояния законодательства в контексте борьбы с нарушениями в данной сфере, а также его усовершенствование.

**Актуальность темы исследования** подтверждается степенью недостаточной разработки темы особенностей административной ответственности в сфере оборота подакцизных товаров ряда специальных субъектов, а именно таких категорий лиц, как несовершеннолетние, должностные лица и военнослужащие. Вместе с тем следует учитывать, что в Украине до сих пор распространено такое явление, как незаконный оборот подакцизных товаров, который выступает реальной угрозой экономической безопасности государства вследствие нарушений прав потребителей и уменьшения бюджетных поступлений от акцизного налога.

**Состояние исследования проблемы.** Вопросам эффективности административно-правового регулирования, а также противодействию административным правонарушениям, в том числе в исследуемой сфере, посвящены работы В.Б. Аверьянова, Д.М. Бахра-

ха, В.М. Бевзенко, И.П. Голосниченко, И.С. Додина, Л.В. Комзюка, М.С. Маллеина, Ю.С. Шемшученка, А.Н. Якубы и многих других.

Однако исследованию особенностей сферы обращения подакцизных товаров как объекта административно-правовой охраны в настоящее время не уделяется должного внимания в науке административного права, но насущная необходимость в этом существует, ведь только благодаря эффективному механизму администрирования в указанной сфере возможно увеличивать поступления в бюджет.

**Целью и задачей статьи** является исследование особенностей административной ответственности в сфере оборота подакцизных товаров ряда специальных субъектов, а также формулировка предложений по совершенствованию отдельных направлений правового регулирования в указанной сфере.

**Изложение основного материала.** Рассматривая вопрос взысканий, налагаемых за совершение административных правонарушений в сфере оборота подакцизных товаров, невозможно



обойти вниманием особенности ответственности отдельных категорий лиц. Как отмечают ученые, исходя из субъектного состава юридической ответственности, можно выделить следующие виды административной ответственности: а) общая; б) специальная, которая включает в себя ответственность должностных лиц, юридических лиц, несовершеннолетних и так далее [1, с. 64].

Поэтому предлагается рассмотреть особенности ответственности за совершение административных правонарушений в сфере оборота подакцизных товаров таких категорий лиц, как несовершеннолетние, должностные лица и военнослужащие (здесь и далее под военнослужащими предлагается понимать военнослужащих, военнообязанных и резервистов во время прохождения сборов, а также лиц рядового и начальствующего составов Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, службы гражданской защиты и Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, полицейских).

Особенностью ответственности несовершеннолетних является то, что при совершении административных правонарушений в сфере оборота подакцизных товаров, ответственность за которые устанавливается Кодексом Украины про административные правонарушения (далее – КУоАП), к ним должны применяться меры, предусмотренные статьей 24-1, а именно: 1) обязательство публично или в иной форме попросить прощения у потерпевшего; 2) предупреждение; 3) выговор или строгий выговор; 4) передача несовершеннолетнего под надзор родителям или лицам, их заменяющим, или под надзор педагогическому или трудовому коллективу по их согласию, а также отдельным гражданам по их просьбе [2].

Одновременно при совершении нарушения правил торговли пивом, алкогольными, слабоалкогольными напитками и табачными изделиями, ответственность за которое установлена ст. 156 КУоАП, несовершеннолетние подлежат административной ответственности на общих основаниях, однако с учетом характера совершенного правонарушения и личности правонарушителя к ним могут быть

применены вышеперечисленные меры воздействия.

В связи с такими особенностями административную ответственность несовершеннолетних ученые предлагают определять как принудительное применение судьями районных, районных в городе, городских или городских районных судов мер воздействия, а в некоторых случаях и административных взысканий, которые влекут за собой для этих лиц обременительные последствия как правило морального характера и накладываются на основаниях и в особом порядке, установленных нормами административного права [3].

Однако при нарушении таможенных правил законодательством не определяются такого рода особенности ответственности. По мнению законодателя, если несовершеннолетний имеет право выступать в качестве декларанта после достижения им 16-летнего возраста [4], то и субъектом административной ответственности за нарушение таможенных правил может быть гражданин, который на момент совершения такого правонарушения достиг указанного возраста. Поэтому к нему может быть применены все виды административных взысканий за нарушение таможенных правил: предупреждение, штраф, конфискация. Фактически в таможенной сфере административная ответственность несовершеннолетних почти не имеет своих особенностей, кроме того, что дела данной категории должны рассматриваться в судебном порядке.

Всего в науке административного права отмечается, что в современных реалиях административная ответственность несовершеннолетних не реализует поставленную цель по противодействию их девиантному поведению. Это связано с тем, что к данной категории лиц за совершение почти всех административных правонарушений, предусмотренных КУоАП, необходимо применять меры воспитательного воздействия, предусмотренные статьей 24-1 указанного кодекса.

Исключение составляет примерно три десятка статей, по которым возможно привлечение несовершеннолетнего к административной ответственности на общих основаниях, с одновременной возможностью применения мер воспитательного воздействия [2]. Толь-

ко за совершение правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 185 КУоАП, несовершеннолетний безальтернативно подлежит административной ответственности на общих основаниях.

Одновременно ученые отмечают, что применение воспитательных мер к несовершеннолетним правонарушителям не дает желаемого результата, поскольку безнаказанность приводит к безответственности [5, с. 12]. Также исследователями этой проблемы отмечается недостаточный уровень нормативной регламентации института административной ответственности несовершеннолетних, поскольку профилактическое значение мер воздействия, применяемых к ним, как показывает практика, незначительное. В связи с этим высказываются предложения определить понятие, цель мер воздействия, применяемых к несовершеннолетним, а также правовые последствия применения каждого из мероприятий, предусмотреть перечень правонарушений, за совершение которых применяются меры воспитательного воздействия, и дать их определение, подробно прописать процедуру применения таких мероприятий, рассмотреть вопрос использования мер педагогического, психологического и медицинского характера [6, с. 129].

Среди возможных шагов по совершенствованию механизма административной ответственности учеными также обосновывается целесообразность снижения возраста административной ответственности до 14 лет, за совершение некоторых видов правонарушений, поскольку несовершеннолетние в таком возрасте уже достигают достаточного физиологического и психического развития, а потому способны понимать суть и последствия своего противоправного поведения [7, с. 58].

Кроме того, высказываются предложения по внедрению более радикальных видов привлечения к ответственности и для родителей несовершеннолетних, совершивших или преступление, или правонарушение, если установлена прямая причинная связь процесса воспитания и совершенного несовершеннолетними правонарушения [8, с. 27].

Также невозможно обойти вниманием то, что даже если к несовер-



шеннолетним применяются административные взыскания на общих основаниях, некоторые из них невозможно наложить на несовершеннолетнего или же они имеют определенные особенности исполнения. Например, в ст. 307 КУоАП отмечается, что в случае отсутствия самостоятельного заработка у лиц в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, совершивших административное правонарушение, штраф взыскивается с родителей или лиц, их заменяющих. Кроме того, выполнение взысканий в виде общественных работ или общественно полезных работ несовершеннолетними не должно превышать двух часов в день, о чем говорится в статьях 31-1, 321-2, 325-2 КУоАП. Такое взыскание, как административный арест, в соответствии со ст. 32 КУоАП, вообще не может применяться к лицам, не достигшим восемнадцати лет [2].

С учетом изложенного, а также позиций ученых, которые приводились выше, можно прийти к выводу, что применение мер воспитательного воздействия почти за все административные правонарушения, которые определяются в КУоАП, является неоправданным. Необходимо пересмотреть доктринальные подходы к определению особенностей административной ответственности несовершеннолетних и рассмотреть возможность использования подходов Таможенного кодекса Украины (далее – ТКУ) к решению данного вопроса.

Следующей категорией являются должностные лица. В соответствии со ст. 14 КУоАП они подлежат административной ответственности за административные правонарушения, связанные с несоблюдением установленных правил в сфере охраны порядка управления, государственного и общественного порядка, природы, здоровья населения и других правил, обеспечение выполнения которых входит в их служебные обязанности [2]. Поэтому в разделе II «Особенная часть» КУоАП ряд статей устанавливают более жесткие санкции за отдельные виды административных правонарушений, когда это касается должностных лиц.

Такой подход представляется вполне оправданным, поскольку, как справедливо отмечают в своих исследованиях ученые, наиболее опасной

разновидностью проступков, субъектами которых являются физические лица, являются проступки, совершаемые должностными лицами. Это объясняется особым правовым статусом такой категории лиц, которая характеризуется наличием организационно распорядительных, административно-хозяйственных полномочий [1, с. 64]. Речь фактически идет о том, что данная категория лиц наделена властными полномочиями, а также представляет государство и выступает от его имени. Поэтому правонарушения, совершаемые должностными лицами, причиняют вред авторитету государства и его интересам, что свидетельствует о большем уровне общественной опасности таких нарушений.

Возможно даже встретить научные определения административной ответственности должностных лиц, которую С.В. Ващенко предлагает определять как разновидность юридической ответственности физических лиц за невыполнение установленных правил как непосредственно, так и за противоправные действия подчиненных лиц, обеспечение выполнения которых входит в их служебные обязанности. Он считает, что это негативная реакция государства в лице уполномоченных органов или должностных лиц на противоправное поведение и нераспорядительность лиц, занимающих руководящие должности в государственных органах, других государственных служащих, на которых законом или иными нормативными актами возложено осуществление организационно-распорядительных функций в сфере государственного управления [9, с. 117].

Одним из главных признаков административной ответственности должностных лиц от других разновидностей является то, что такие лица могут нести ответственность не столько за свои действия, сколько за недостаточную организованность рабочего процесса подчиненных, что является одним из признаков «административности», то есть связанности с осуществлением ими управленческих функций. Поэтому при совершении подчиненными правонарушений на рабочем месте к административной ответственности могут быть привлечены также их руководители [10, с. 283].

Среди исследуемых норм ответственность должностных лиц устанавливается за нарушение правил пользования энергией, водой или газом (ст. 103-1 КУоАП) и установленных законодательством требований о запрете рекламы и спонсорства табачных изделий (ст. 156-3 КУоАП) [2]. Вместе с тем в ТКУ особенности ответственности должностных лиц при совершении таможенных правонарушений, связанных с оборотом подакцизных товаров, не определяются.

Последней категорией специальных субъектов административной ответственности за правонарушения, связанные с оборотом подакцизных товаров, являются военнослужащие. Рассматривая особенности административной ответственности данной категории, В.К. Шкарпицкая пришла к выводу, что единственным основанием для привлечения военнослужащих к административной ответственности является совершение ими административных правонарушений, которые можно разделить на три группы: 1) проступки, предусмотренные ст. 15 КУоАП; 2) военные административные правонарушения, предусмотренные главой 13-Б Кодекса Украины об административных правонарушениях; 3) административные правонарушения, связанные с коррупцией, предусмотренные Законом Украины «О предотвращении коррупции» [11, с. 33].

К первой группе проступков из правонарушений, связанных с оборотом подакцизных товаров, относятся только нарушения таможенных правил.

Такой подход законодателя представляется достаточно спорным, ведь если принимать во внимание положения Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Украины, то в нём определено, что наложение взысканий за дисциплинарные проступки является правом командира (начальника) и используется оно только в случае необходимости (ст. 45 Дисциплинарного устава) [12].

Решение считается принятым начальником в пределах компетенции в таких случаях: а) если должностное лицо, которое накладывает дисциплинарное взыскание, является прямым (или непосредственным) начальником правонарушителя; б) если при





наложении взыскания не превышена дисциплинарная власть.

Окончательное решение о применении дисциплинарного взыскания и его вид зависят от усмотрения командира (начальника), в то время как в отношении других категорий такие решения принимаются должностными лицами или органами, имеющими компетенцию в соответствующей сфере, а взыскание накладывается исключительно в пределах, определенных законодательством.

Кроме того, ученые указывают на ряд существенных недостатков Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Украины, поскольку он не устанавливает общих принципов и критериев назначения дисциплинарных взысканий, процедуры их выполнения. Также отмечается отсутствие понятия воинского дисциплинарного правонарушения, его состав, дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание; обстоятельства, исключающие, смягчающие или отягчающие его, и так далее [13, с. 45–46].

Изложенное совпадает с мнением о том, что действующим законодательством недостаточно четко разграничены основания и юридические процедуры привлечения военнослужащих к дисциплинарной и административной ответственности. В свою очередь, дополнения и изменения КУоАП ясности и однозначной определенности в решении указанного вопроса не добавили [14 с. 203].

В связи с этим возможно отметить нецелесообразность установления для военнослужащих дисциплинарной ответственности вместо административной при совершении почти всех административных правонарушений, которые определены в КоАП. Тем более, что в соответствии с ТКУ данная категория лиц несет ответственность на общих основаниях.

Следует согласиться с целесообразностью существования норм КУоАП, которыми определяется, что к военнослужащим не могут быть применены такие меры, как общественные работы, исправительные работы и административный арест. Однако военнослужащим, военнообязанным или резервистам при прохождении сборов, в случае совершения военного административного правонарушения, может

быть назначено наказание в виде административного ареста с содержанием на гауптвахте.

**Выводы.** Эффективное противодействие правонарушениям в сфере оборота подакцизных товаров возможно при условии принятия системы организационных, социально-экономических, правовых и иных мер противодействия, которые должны охватывать все стороны общественной жизни. Административно-правовые меры должны согласовываться с мерами регулятивного характера и влиять на предотвращение такого общественно опасного и противоправного поведения в комплексе. Одной из таких мер должна стать унификация норм, устанавливающих ответственность в данной сфере.

Поэтому предлагается внесение изменений в КУоАП касательно особенностей административной ответственности несовершеннолетних и военнослужащих. Для этого следует изложить текст ст. 13 КУоАП в следующей редакции:

«Лица в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, совершившие административные правонарушения, несут административную ответственность на общих основаниях.

Наличие смягчающих обстоятельств при совершении административного правонарушения дает возможность применить к таким лицам меры воздействия, предусмотренные статьей 24-1 настоящего Кодекса».

Кроме того, предлагается ч. 1 ст. 15 КУоАП изложить следующим образом: «Военнослужащие, военнообязанные и резервисты во время прохождения сборов, а также лица рядового и начальствующего составов Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, службы гражданской защиты и Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, полицейские несут ответственность за административные правонарушения на общих основаниях. К указанным лицам не могут быть применены такие меры, как общественные работы, исправительные работы и административный арест. Привлечение данной категории лиц к административной ответственности не может быть основанием привлечения их к дисциплинарной ответствен-

ности», в свою очередь, ч. 2 указанной статьи следует исключить.

#### Список использованной литературы:

1. Засулько С.С., Плаз О.М., Волосовський В.В. Сутність та підстави адміністративної відповідальності посадових осіб як суб'єктів адміністративного правопорушення. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія : Юриспруденція*. 2015. Вип. 18(1). С. 59–62.
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 року № 8073-Х. Офіційний веб-портал Верховної Ради України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/80731-10>.
3. Чернецький О.Л. Поняття та особливості адміністративної відповідальності неповнолітніх: теоретико-правові питання. *Форум права*. 2008. № 1. С. 439–444.
4. Митний кодекс України від 13 березня 2012 року № 4495-VI. *Відомості Верховної Ради України*. 2012. № 44–48. ст.552.
5. Горбач О.В. Адміністративна відповідальність неповнолітніх, батьків або осіб, які їх замінюють [Текст] : дис... канд. юрид. наук: 12.00.07. *Київський національний університет внутрішніх справ*. Київ, 2006. 197 арк.
6. Ткаля О. Проблеми та перспективи адміністративного впливу, що застосовується до неповнолітніх. *Підприємництво, господарство і право*. 2017. № 8. С. 125–129.
7. Кукшинова О.О. Особливості адміністративної відповідальності неповнолітніх. *Митна справа*. 2015. № 5. С. 55–63.
8. Муратова Д.Б., Найчук Г.О. Деякі проблемні питання адміністративної відповідальності неповнолітніх. *Науковий огляд*. 2017. Том 6, № 38. С. 20–29.
9. Ващенко С.В. Адміністративна відповідальність посадових осіб: особливості її застосування та проблеми вдосконалення в законодавстві України. *Вісник Запорізького юридичного інституту*. 2001. № 2. С. 109–119.
10. Зубрицький М.І. Особливості адміністративної відповідальності державних службовців. *Науковий вісник публічного та приватного права*. 2016. № 1. Том 1. С. 280–284.



11. Шкарпицька В.К. Адміністративна відповідальність військово-службовців в Україні. *Молодий вчений*. 2018. № 6(1). С. 31–34.

12. Про Дисциплінарний статут Збройних Сил України: Закон України від 24 березня 1999 року № 551-XIV. *Офіційний веб-портал Верховної Ради України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/551-14>.

13. Туркот М. Розмежування адміністративної і дисциплінарної відповідальності військовослужбовців. *Вісник Національної академії прокуратури України*. 2017. № 1. С. 40–47.

14. Ткаченко О. Нормативно-правове регулювання адміністративної відповідальності військовослужбовців Національно гвардії України. *Підприємництво, господарство і право*. 2018. № 12. С. 200–204.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Бернадин Виктор Аркадьевич** – адьюнкт кафедры публичного управления и администрирования Национальной академии внутренних дел;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Bernadin Viktor Arkadyevich** – Adjunct of the Department of Public Management and Administration of National Academy of Internal Affairs;

[mx01@ukr.net](mailto:mx01@ukr.net)

УДК 340.11

## РОЛЬ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В УТВЕРЖДЕНИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА

**Александр БИРКОВИЧ,**

кандидат юридических наук,  
доцент кафедры теории государства и права  
Ужгородского национального университета

#### АННОТАЦИЯ

В статье осуществлен анализ исторических предпосылок формирования права как основополагающей составляющей части судостройства и судопроизводства. Выделено и раскрыто влияние раннего европейского Возрождения и гуманистического течения общественно-политической мысли на формирование юрисдикции правовых основ судебной системы Великого княжества Литовского. Акцентировано внимание на взаимосвязи и влиянии трех основных форм общественного сознания – искусства, морали и права как составляющих новое мировоззрение с его пониманием ценности личности. Сформулированы закономерности и тенденции институционального развития судебной власти Великого княжества Литовского. Установлено что институциональная система судебной власти Литовско-Русского государства сохраняла свою юрисдикцию и в последующий период вплоть до ликвидации Гетманщины на Левобережной Украине.

**Ключевые слова:** Статуты Великого княжества Литовского, Литовско-Русское государство, судебная система, правосознание.

## THE ROLE OF THE STATES OF THE GREAT PRINCIPLE OF LITHUANIA IN APPROVING THE UKRAINIAN NATIONAL INSTITUTES OF LEGAL DEPARTMENT AND LEGAL PROCEEDINGS

**Aleksandr BIRKOVICH,**

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theories and Histories of State and Law of Uzhgorod National University

#### SUMMARY

The article analyzes the historical background of the formation of law as a fundamental component of the judicial system and legal proceedings. The influence of the early European Renaissance and the humanistic course of socio-political thought on the formation of the jurisdiction of the legal foundations of the judicial system of the Grand Duchy of Lithuania is highlighted and disclosed. Attention is focused on the interconnection and influence of the three main forms of social consciousness – art, morality and law as components of a new worldview with its understanding of the value of the individual. The laws and trends of the institutional development of the judiciary of the Grand Duchy of Lithuania are formulated. It was established that the institutional system of the judicial power of the Lithuanian-Russian state retained its jurisdiction in the subsequent period until the liquidation of the Hetman in Left-Bank Ukraine.

**Key words:** Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, Lithuanian-Russian state, judicial system, legal awareness.

**Постановка проблемы.** В украинской историко-правовой науке есть много вопросов, которые вызывают усиленный научный интерес. Одной из таких проблем является система судопроизводства периода вхождения украинских земель в состав Великого

Княжества Литовского. Интерес объясняется тем, что это государство не только заимствовало нормы права Киевской Руси, но и проводило гуманную судебную политику. Сформированные в то время ценностные идеологии нашли свое отражение в последующей



практике судопроизводства на украинских землях.

**Актуальность темы исследования** состоит в том, что в современной юридической литературе недостаточно исследованы существенные национальные характеристики институтов судостройства и судопроизводства, которые обеспечили украинскому, белорусскому и литовскому народам наиболее прогрессивные условия дальнейшего развития всех сфер общественной жизни и правосознания с контекстом судебной справедливости.

**Состояние исследования.** В научной литературе до сего времени продолжают своё существование идеологические взгляды на сущность правовой системы судостройства и судопроизводства в период Литовско-Русского государства. Например, Литовско-Русское государство определяется как феодальное с монархической формой правления. Однако реально существующие исторические факты функционирования товарно-денежных отношений и отсутствие института крепостничества свидетельствуют о том, что в Литовско-Русском государстве не было классического феодализма в понимании марксизма-ленинизма. Г. Вернадский утверждает, что в XIV – XV ст. «Великое княжество Литовское являлось нежесткой федерацией, к которой присоединились Украина и Белоруссия, как и многие автономные единицы. В конце концов, была установлена аристократическая конституция, и таким образом по контрасту с самодержавной Москвой <...> утвердилась аристократическая Украина и Белоруссия» [1, с. 24].

Известный исследователь русского права М. Владимировский-Буданов утверждает, что в Литовско-Русском государстве все институты государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной, строились на основе частного права. «В государстве Литовско-Русском частное право строится по типу государственному: частные вотчинники обладают полными государственными правами суда и управления в своих имениях; права политические зависят от частных: только землевладельцам принадлежит право на государственную службу и деятельность» [2]. И. Лисяк-Рудницкий утверждает, что «конституционно Литовско-Русское государство эволюционировало в направлении феодального парламентаризма» [3, с. 50].

Следует уделить особое внимание тому, что в этот период наметилась тенденция формирования украинского, белорусского и литовского народов под определяющим воздействием права, которое обеспечило развитие автономных территориальных сообществ с их институтами государственной власти.

Тема этого исследования частично представлена работами М. Бедрия [4], И. Бойка [5], Т. Довнар [6], С. Ковалевої [7], П. Музыченка [8], Н. Страхова [9] и других исследователей.

**Целью и задачей статьи** является определение ведущих тенденций институционно-правового развития судостройства и судопроизводства в период действия статута Великого княжества Литовского.

**Изложение основного материала.** Прежде всего, следует отметить широкое применение термина «Литовские статуты». По нашему мнению, эти своды законов являются достоянием украинского, белорусского и литовского народов. Еще в Киевской Руси существовали суд великого князя, суды его наместников, вотчинные суды, суды-верви, церковные суды, которые продолжили свое существование и в Литовско-Русском государстве [10], то есть вывод о заимствовании Великим княжеством Литовским судебной системы Киевской Руси считаем очевидным. Учитывая вышеизложенное, в данном исследовании вместо «Литовские статуты» будем использовать термины с указанием названия государства – Статуты Великого княжества Литовского или Статуты Литовско-Русского государства.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года был следствием длительного периода развития всех сфер общественной жизни под воздействием их рационализации. Рационализм следует понимать, как общественно-политическое течение в европейских странах против засилья религиозного миропонимания и мироощущения. Следует отметить, что в это время в Литовско-Русском государстве доминирующее положение занимала Православная церковь, религиозное миропонимание которой было более гуманным, миролюбивым и толерантным к светским формам бытия и развития светских знаний. В европейских странах того времени рационализм был направлен против католического миропонимания и стремления представите-

лей церковной иерархии подчинять своему влиянию общественно-политическую и государственную жизнь. В этих странах рационализм трансформировался в протестантизм, который способствовал утверждению соответствующей этики мелкой буржуазии. Именно мелкая буржуазия была заинтересована в реформировании существующей системы судостройства и судопроизводства на основе усиления гуманизма и демократизма, а также утверждения рационализма, особенно в производстве всех видов товарной продукции, её обмене и потреблении.

Особое влияние на формирование правовых норм становления институтов судебной власти оказали два течения европейской общественно-политической мысли и культурного возрождения. Итальянское, немецкое и нидерландское Возрождение сняли с института семьи догмат греховности женщины. Искусство Возрождения сформировало в европейских народах качественно новое понимание социальной роли женщины-матери. В мировоззрении под влиянием искусства Возрождения утвердилась идея материнского миролюбия как нравственной основы существования семьи. Одновременно, на смену религиозному пониманию человека как греховного существа, имеющего целью своей жизни умертвлять плоть ради будущей загробной жизни, пришло переосмысление ценности существующей, телесной, мирской жизни человека в семье, обществе с материальным благополучием. Эстетизация семейно-бытовой жизни косвенно отразилась и в правосознании. Возрождение наполнило гуманизмом и человеческие отношения, признавая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей и считая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства – критерием справедливости, человечности, желаемой нормой отношений между людьми. Как пишет А. Уайтхед, «идеалы, взлелеянные в душах людей, отображаются в способе их действий. Эти взаимодействия людей в обществе изменяют законы этого общества» [11, с. 432].

Представители национальной правящей элиты украинского, белорусского и литовского народов, которые входили в состав высшего законодательного института государственной власти –





паны-рады, были существенно заинтересованы в рационализации правовой системы государства на всех землях, при одновременном сохранении унаследованных от Киевской Руси традиционных институтов народовластия в сельских и городских общностях. Принцип «старинны не трогать, нового не вводить» касался именно институтов народовластия в территориальных общинах. Он также касался сохранения национальной идентичности народов, их языка, культуры, религии, гражданских и политических прав и свобод. Рационализация правовой системы, которая нашла своё выражение в Статуте Великого княжества Литовского 1529 года, свидетельствует, что, во-первых, правовые нормы обеспечивали стабилизацию частной собственности и развитие товарно-денежных отношений на ранней стадии формирования буржуазии; во-вторых, обществу и государству необходимы были более-менее стабильные правила, нормы взаимодействия и развития в интересах всех слоёв, которые в то время оформились в три основные структуры: собственники больших земельных угодий с наёмными работниками, средний стан, использующий в основном рабочую силу семьи и частично наёмную сезонную работу, и собственники мелких земельных угодий. Новообразованные социальные структуры были заинтересованы в правовом упорядочении и регулировании коммерческих отношений и налогообложении.

В целом можно утверждать, что основной закономерностью формирования институтов судостроительства и судопроизводства в XV ст. было их развитие на основе принципа справедливости. Заметим, что развитие тут понимается как исторический процесс усовершенствования в пределах всего государства правовых норм в их содержательном значении и охвате всех существующих в обществе форм действия и взаимодействия социальных субъектов. Можем выделить две тенденции в развитии институтов судостроительства и судопроизводства, а именно: системно-творческий подход в их функционировании и комплексность их внедрения с целью регулирования всех сфер общественной жизни. Собственно тенденция понимается как направление исторического развития правовых норм Статутов Великого княжества Литовского в соответствии

с объективной потребностью усиления государственного правового регулирования всех сфер общественной жизни и воздействием на мотивацию всех граждан к правомерному поведению.

В этот период представители высшего института государственной власти Великого княжества Литовского большое внимание уделяли подготовке и расстановке профессиональных и высокоморальных судей, авторитет которых в общественном мнении сельских и городских общностей не вызывал сомнений. В артикуле 21 раздела четвертого Статута Великого княжества Литовского 1529 года сказано, что «воеводы, старосты и все держатели замковые и дворов поветовых должны лично каждый из них на своём округе выбрать человека доброго, шляхтича, в том же повете оселого, присягнувшего, который официально должен будет вместе с властью замковой судить и решать все дела судовые, замку или округу принадлежащие. А если бы были основания подозревать урядников в несправедливости, и будет заявление стороны, которая судится, на таких урядников, как наместника (держателя, воеводу или старосту) и судью замкового, и писаря, и если воевода, староста и держатель поветовый с теми вышеназванными урядниками своими справедливо поступать не хотел, тогда такое решение великокняжеским судом рассматривается, а мы такому обделенному справедливость незамедлительно должны воздать» [12, с. 305].

Следует акцентировать внимание на том, что правовые нормы, нарушение которых влечёт за собой судебное разбирательство, чётко и однозначно выписаны в Статутах Великого княжества Литовского, что в значительной мере облегчало принятие справедливых правосудных решений.

Важной особенностью Статутов Литовско-Русского государства было то, что представители всех народов Великого княжества Литовского объективно в своём историческом развитии были вынуждены изменять содержание своего морального сознания, поскольку за нарушение правовых норм они несли правовую ответственность по решению суда и обязаны были возместить ущерб пострадавшему от неправомерных действий. Статут Великого княжества Литовского 1529 года (первый, или «старый») ознаменовал новую историческую стадию цивилизационно-правовой

культуры в существующем государстве. Право становится необходимым средством формирования высшей формы общественного сознания – правового. Заметим, что возникновение правового сознания стало результатом эволюции сознания общества в целом – от мифологического сознания к логическому, а от логического к правовому, и усилением роли права в процессе регулирования общественных отношений. Связь правового и морального сознания, будучи объективным и закономерным процессом, можно проследить на примере понимания добра и зла, справедливости и несправедливости. Как пишет Дж. Ролз, «принципы права и справедливости принимаются скорее во избежание апелляции к насилию и хитрости» [13, с. 194].

В современной теории государства и права нет чёткого определения места и роли суда в содержании правосознания. По нашему мнению, следует рассматривать правосознание как сложное многомерное явление. В общественном мнении есть понятие справедливого и несправедливого решения суда. Это означает, что такого рода решения имеют противоположное юридическое содержание. Решения суда, соответствующие нормам права, являются правомерными. Следует уточнить понятие «правосознание» дополнением его содержания правосудным контекстом. Правосознание имеет несколько уровней своего существования. Первый – низший – правовосприятие, следующий – правовопонимание, далее высший – правосубъектная практика. Соответственно в каждом из указанных уровней правосознания содержится правосудный контекст, который и определяет в значительной мере цивилизационно-правовую культуру общества и государства на определённом этапе их развития.

Статуты Великого княжества Литовского были началом формирования не только правовых основ судостроительства и судопроизводства, но и формирования в национальном сознании украинского, белорусского и литовского народов правосознания и правовой субъектности, необходимым компонентом которых было осознание судебных институтов как основоположных для контроля за реализацией прав и свобод представителей всех станов общества. Статуты утверждали в правовом сознании и судебной



практике три основополагающих принципа, а именно: принцип презумпции невиновности («никто не должен быть наказан, если его вина не установлена судом» [12, с. 210]), принцип равенства перед законом («все наши подданные, и бедные, и богатые, независимо от того, какого они рода или сословия, одинаково должны судиться» [12, с. 210]), принцип неприкосновенности частной собственности («любые владения и свободы... справедливо установленные... считать неизблемыми во все времена» [12, с. 207]).

Следует отметить особую роль в подготовке Статута 1588 года выдающегося государственного и военного деятеля, представителя белорусского народа Льва Сапеги. Статут был издан на его средства в Виленской типографии братьев Мамоничей, причем без принятых ранее общеземских грамот, поскольку, по мнению Сапеги, не все они были на пользу Великому княжеству. В предваряющих Статут «Посвящении Статута Жигимонту III» и «Обращении ко всем сословиям» Сапега подчеркивает, что основной целью законов является поддержание в обществе такого порядка, чтобы каждый мог сохранить в нерушимости свое доброе имя, здоровье и имущество. Закон не должен допустить использования государственной власти в корыстных целях правителя, а тирания несовместима с требованиями разума и справедливости. Сапега обращает внимание на то, что судьба народа зависит не от личной воли правителя государства, а от системы власти, основанной на подчиненности всех членов общества, какие бы они не занимали должности, закону [14]. Таким образом, предисловие к Статуту 1588 года свидетельствует о том, что Сапега был последовательным сторонником справедливого, правового государства.

В целом Статут являлся не просто сводом законов, содержащим нормы всех отраслей права, но и своего рода конституцией государства, регламентировавшей важнейшие сферы государственной и общественной жизни (систему государственных органов с существенным ограничением власти монарха, права и обязанности разных категорий населения, судебную систему и так далее). По содержанию правовых норм, широте их применения и воплощения принципа справедливости Статут был одним из

лучших в то время в европейских странах.

Статуты Великого княжества Литовского были передовыми для своей эпохи сводами законов. Они утверждали правовой порядок в государстве, идею религиозной толерантности, презумпцию невиновности. «Золотой век» Великого княжества Литовского заложил основы его развития с позиций права, гуманистических ценностей, определил его культурный и экономический рост [15, с. 122–123].

**Выводы.** Вышеизложенное дает основание сформулировать одну из основных закономерностей становления и развития судебной власти в Литовско-Русском государстве. Ее сущность состоит в том, что раннее европейское Возрождение и гуманистическое течение общественно-политической мысли качественно изменили ценностно-мировоззренческие взгляды на место и роль личности в жизни общества и государства, особенно женщины-матери, что повлекло за собой формирование правовой основы защиты прав и свобод человека. Впервые в истории государства и права Украины осуществлена институализация судебной власти в ее организационной структуре и судопроизводстве на правовой основе. Представители судебной власти избирались и осуществляли свои обязанности в судопроизводстве на постоянной профессиональной основе в соответствии с юрисдикцией правовых норм. В контексте этой закономерности можно выявить три тенденции обустройства судебной власти и судопроизводства. Сущность первой состоит в том, что право как основание судебной власти охватывало все формы общественных отношений и все социальные группы. В такой форме право стало юридическим императивом принуждения людей к упорядоченной жизни в интересах всего общества и государства. Сущность второй тенденции состоит в том, что идея гуманизма нашла свое выражение в юрисдикции правовых норм судопроизводства. Третья тенденция характерна тем, что правовые нормы судопроизводства дифференцировались на криминальное право, хозяйственное, семейное, налоговое и другие. Одновременно сформировалась система судов Великого княжества Литовского. К государственным судам

относились, во-первых, Центральный суд, а именно суд великого князя и суды по его поручению (суд паны-рады; суд маршалка; комиссарский суд); во-вторых, региональные суды (суд воевод, старост, наместников; суд по их поручению: суды наместников воевод и старост); в-третьих, домениальные суды. К негосударственным судам относились: церковные суды; суды в городах с магдебургским правом; третейские и полюбовные суды; копные суды; суды иноверцев. После судебной реформы 1564–1566 гг. в системе государственных судов произошли качественные изменения, и она приобрела такой вид: суд великого князя и его разновидности; земский суд; гродский суд; подкоморский суд; домениальный суд [7, с. 42–43]. Появляется институт адвокатуры, которая трансформируется в профессиональную. Следует отметить, что институциональная система судебной власти Литовско-Русского государства сохраняла свою юрисдикцию и в последующий период вплоть до ликвидации Гетманщины на Левобережной Украине.

#### Список использованной литературы:

1. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь : ЛЕАН ; Москва : АГРАФ, 2001. 448 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с. URL: [http://az.lib.ru/w/wladimirskijbudanow\\_m\\_fl/text\\_1886\\_obzor\\_istorii\\_russkogo\\_prava.shtml](http://az.lib.ru/w/wladimirskijbudanow_m_fl/text_1886_obzor_istorii_russkogo_prava.shtml).
3. Лисяк-Рудницький І. Історичні есе : В 2 т. Т. 1. Київ : Основи, 1994. 554 с.
4. Бедрій М. Копні суди на українських землях у XIV – XVIII ст.: історико-правове дослідження. Львів : Галицький друкар, 2014. 264 с.
5. Бойко І.Й. Кримінальні покарання в Україні (IX – XX ст.). Львів : Вид-во ЛНУ ім. І. Франка, 2013. 408 с.
6. Довнар Т.И. Основания и результаты систематизации законодательства в Великом Княжестве Литовском в XVI в. *Актуальные проблемы гражданского права. Сборник науч. трудов*. Вып. второй. Минск : «МИТСО», 2013 С. 65–99.
7. Ковальова С.Г. Судуострій і судочинство на українських землях



Великого князівства Литовського : монографія. Миколаїв : Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. 199 с.

8. Суд і судочинство на українських землях у XIV – XVI ст. / За заг. ред. П. Музиченка. Одеса : Астропринт, 2000. 180 с.

9. Страхов Н. Право в українських землях во время их пребывания в составе Польши, Литвы и Речи Посполитой (конец XIV – первая половина XVII в.). *Право України*. 2013. № 1. С. 189–200.

10. Леонтович Ф.И. Русская правда и Литовский статут, в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права / [приват-доцент Леонтович]. [Київ, 1865]. 92 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/362493>.

11. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. Москва : Прогресс, 1990. 718 с.

12. Статути Великого князівства Литовського: У 3-х томах. Том I. Статут Великого князівства Литовського 1529 року / За ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. Одеса : Юридична література, 2002. 464 с.

13. Ролз Дж. Теорія справедливості / Пер. з англ. Київ : «Основи», 2001. 822 с.

14. Довнар Т.И. Выдающийся европейский памятник права XVI ст. *Право и демократия : сборник научных трудов*. Минск, 2013. Вып. 24. С. 15–27. URL: <http://elib.bs.u.by/handle/123456789/51023>.

15. Российская корона. Князья. Цари. Императоры. Москва : Издательский Дом Ридерз Дайджест, 2010. 320 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Биркович Александр Иванович** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Ужгородского национального университета;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Birkovich Aleksandr Ivanovich** – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theories and Histories of State and Law of Uzhgorod National University;

[official@uzhnu.edu.ua](mailto:official@uzhnu.edu.ua)

УДК 342.9

## THE TERM “PUBLIC SERVICE” IN EUROPEAN UNION ADMINISTRATIVE LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS

**Yaroslav BURIAK,**

Candidate of Law Sciences,

Assistant of the Department of Civil Law and Process  
of Educational and Scientific Institute of Law, Psychology and Innovative Education  
of National University “Lviv Polytechnic”

#### SUMMARY

The article explores the issue of public service in European Union law. It is emphasized that public processes play the role of motivational editor, reflecting the need to control a particular area of public relations in administrative law. It is with the development of theoretical aspects of jurisprudence that the concept of public service is formed as an officially required confirmation of the right to own property or professional skill (accreditation). It is emphasized that the term «public services» in its current sense is relatively new, it appeared as a result of a change in the role of the state in society, the establishment of new values and priorities on the basis of the principle of human centrism.

**Key words:** public service, human-centrism, administrative law, social nature of the state, human rights.

## ПОНЯТИЕ «ПУБЛИЧНАЯ УСЛУГА» В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

**Ярослав БУРЯК,**

кандидат юридических наук,

ассистент кафедры гражданского права и процесса  
Учебно-научного института права, психологии и инновационного образования  
Национального университета «Львовская политехника»

#### АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос публичной услуги в законодательстве Европейского Союза. Подчеркивается, что общественные процессы играют роль мотивационного редактора, отражающего потребность контроля той или иной сферы общественных отношений в административном праве. Именно с развитием теоретических аспектов правоведения формируется представление о публичной услуге как официально востребованном подтверждении права владения имуществом благом либо профессиональным навыком (аккредитацией). Отмечается, что сам термин «публичная услуга» в нынешнем его понимании является относительно новым, он появился в результате изменения роли государства в обществе, утверждения новых ценностей и приоритетов на основе принципа человекоцентризма.

**Ключевые слова:** публичная услуга, человекоцентризм, административное право, социальная сущность государства, права человека.

**Relevance of the topic.** The lack of research on this topic and the need for additional scientific research underline the concept of public service, taking into account the legislation of the European Union countries.

The issue of public service as a category and object of scientific research was investigated by T.V. Seryogina [1], some problems of definition of the term “administrative service” were investigated by V.V. Petyovka [2]; administra-

trative and jurisdictional activity of law enforcement agencies were considered by L.Yu. Ivanova [3]; A.G. Tsyganov considered the questions of the categorical-conceptual apparatus of the legal institute “administrative service” [4]; theoretical and methodological approaches to the definition of the term “administrative service” were investigated by K.A. Fuglevich [5]. But comparatively-legal analysis of the concept of public service with the administrative law of EU countries is practically not explored.



**The purpose and objectives of the article** are to research the administrative law of EU countries regarding the terminological concept of administrative service.

**Results and discussion.** Control and legal regulation is a kind of guarantor of the existence of a legal society with its implementation of legal principles, the construction of rules of law that ensure the stable functioning of the mechanisms of regulation of public relations.

The presence of patterns in the formation of social relations allows civilly to develop the social system within the framework of institutional regulation of legal relations.

The motivational division of individual interests into private and public interests makes it possible to distinguish a category that describes public interests in a more general way, taking into account the position of the majority.

From the point of view of the process of formation of public relations within the rational concept of ensuring the existence of a stable mechanism for their regulation is the result of the need to create a centralized body, which accumulates the functions of control, implementation and information accessibility for all members of the public system. The first prototypes of the form of modern statehood were born. The need to create a state is determined by the need for objective fixation and confirmation of facts, events that have occurred that affect the sphere of relationships between individuals. Relations are increasingly beginning to take the form of public relations with the emergence of the notion of ownership, and the question of recognition and confirmation of rights to the property good arises.

In modern jurisprudence, there is no universal way of accounting for the relations of every participant in the civil turnover, state control violates only the fundamental indicators of the existence of regimes of ownership and accounting of events and objects of property with an attachment to the personal data of the individual.

Public processes play the role of motivational editor, reflecting the need to control a particular area of public relations by public law.

With the development of theoretical aspects of jurisprudence, the idea of a pub-

lic service is formed – in the form of officially claimed confirmation of the right to own property or professional skill (accreditation) [7].

In addition to the term “public services”, the term “public services” is often used in the context, but often both terms are identified, which in turn is related to the synonymous translation into English of the following categories: “public services”, “public services” [8].

Significant differences between the above categories can be distinguished by considering the nature of these relationships [9].

Usually, citizens do not apply to state bodies for obtaining personally beneficial and necessary benefits, the motive is to receive documents or carry out permitting actions against them. These actions are caused not by the interest of the citizen, but by the fulfillment of obligations and are forced actions. For example, a license is of no interest to the citizen as such, he is forced to apply for it, otherwise he will not be able to carry out the licensed activity. Thus, licensing is an action in the public interest and represents its interests to the state. There is no interest of the citizen that has the ultimate purpose in obtaining a license (and not in carrying out a licensed activity). If the state artificially creates this interest by imposing obligations on the citizen or establishing a legal fact without which there will be no legal relationship, then it is possible to impose forced service [10].

Based on the origins of forming the ultimate goal of the citizen, it is possible to determine the need to receive a “compulsory” service from the state authorities.

The term “public services” in its current sense is relatively new, it emerged as a result of changing the role of the state in society, the establishment of new values and priorities. The social purpose of the state, which determines the main directions of its activity, goals and objectives at this stage of development, is at the forefront. In this case, the functions of the state depend on the economic capacity of society, the level of its development, as well as the needs and interests of the population.

State activity in recent years has come to be regarded as providing services to citizens within the concept of a “service state”, which was recognized in Western

Europe, the United States in the 80–90’s of XX century. For example, in Germany this concept was considered within the framework of Ernst Forsthoff’s theory, in Great Britain – it was recognized during the formation of the “new managerialism” under M. Thatcher. The essence of this concept is to acknowledge the possibility of using public administration methods of private business management. In such a situation, the state is seen as a servicer providing public services to citizens. Therefore, the primary purpose of developing such public administration will be to improve the quality of government services.

These provisions formed the basis of the concept of “public management”. The meaning of administrative reform is to move from the idea of serving the community to the idea of delivering services to it. All of this is aimed primarily at increasing the efficiency of the state’s implementation of its functions. Recognition of the basic purpose of the state for satisfying the needs of citizens stems from the universally recognized principle of the priority of human rights and freedoms as the highest value [11].

Due to the great attention to the social essence of the state, there are changes in the scope, content and methods of management. The social sector is becoming the most important for the implementation of the State-Man formula. In such circumstances, the activity of the state acquires a pronounced social orientation: it aims to ensure the guarantee of legal freedom and decent life, to ensure the welfare of society and the prosperity of the state, to support civil peace and social harmony [12].

The proof of the above is the emergence of other constitutional characteristics of the institutions of society and the state. The most important aspects of socio-economic development are given attention in the post-war constitutions and constitutions of the late XX century, such as the constitutions of Portugal, Spain, Czech Republic, Switzerland, Finland of the 70–90’s public services.

Constitutional provisions on human rights, health care and health care are interconnected with the rules on public services. For example, the Swiss Constitution derives the concept of “public service” from the point of view of social goals (art. 41, paragraph 4). Item 2 of art.





92 establishes that the Union takes care of a sufficient and affordable price for the provision of basic postal and telecommunication services in all localities of the country, and that tariffs are imposed on a uniform basis. Item 1 art. 102 is dedicated to the task of the Union in securing the supply of countries with vital goods and services in special cases [13].

Comprehensive concern for man is at the heart of the concept of the welfare state. The social state is defined as the highest evolutionary stage of the development of a democratic and rule of law with a socially oriented market economy, whose main tasks are to ensure a decent life and free development of each person and guarantee his rights and freedoms.

The social nature of the state determines the social inclination of its internal and external functions. Within the framework of social statehood, all its institutions are ultimately focused on a high level of social protection and free development of a person, have a deeply personal meaning. At the same time, an effective welfare state is possible only if the developed structures of civil society are created. And harmonious interaction existing in a single society of the state, local government and civil society is necessary for the consolidation of universal ideals, the revival of faith in the justice of state institutions and their own power, both individuals and their associations [14].

It is important to note that the concept of social statehood is much broader and deeper than the concept of social state. Independent components of social statehood are not only the state itself as the central link, but also its legal system, social system of society, socio-economic rights and freedoms of the economic system, etc. The welfare state actively implements the social function, develops and implements an extensive social policy, as well as guarantees socio-economic rights, including through the provision of public services. Thus, public services are one of the constituent and relevant elements of social statehood today.

In such circumstances, the concept of "service" gradually evolves from understanding only in the civil legal sense to services provided by public authorities, local governments and other structures. Thus, French professor J. Fournier, in his report at a seminar at the Higher School of Economics in 2003 on the topic

"Public services of the state", noted that the former concept of "public authority" gives way to the concept of "public service", which includes all activities that are implemented for the benefit of the whole community. However, not all activities in the public interest are public services. To become so, they must be taken under the auspices of a public authority. This requires a political decision. "To take auspices" does not necessarily mean to "exercise". The provision of public services, where necessary, may be entrusted to a private operator. Then it is about "delegation" of public services.

The Institute of Public Services occupies a rather specific position: on the one hand, the effectiveness of its functioning depends on the efficiency of the work of public authorities, on the other – the development of this institution may affect existing population attitudes related to the transition to new views, more equal style of relations with the state.

The law institute of public services in Ukraine is quite new. There should be no doubt that the theoretical innovations in this field and their normative implementation should take into account the experience of foreign countries, especially those in which the institute under consideration has appeared and has been operating for a long time.

European science has offered completely different interpretations of the doctrine of public services, it is important to say that the French and German approaches can rightfully be considered competing. Therefore, a consistent comparative legal analysis of the concept of public services, their regulatory system, types of public services, subjects and forms of their provision is of interest.

French understanding of the publicly significant activity of the state is connected with the concept of so-called public services (fr. service public), meaning activities dictated by the general interest.

The concept of public services is based on the theory of the emergence of the state from the public contract and is associated primarily with the name L. Dugy, who preferred to abandon the concepts of "sovereignty" and "public power" in favor of the concept of "public service" – the only for him the criterion of the French rule of law.

Contrary to the view then formed that the peculiar character of the state is

embodied in the public power, which is opposed to the citizens, the state should be conceptualized with reference to its "function" as the basis of legality.

Any kind of state activity and state intervention in society under this approach can only be legalized in accordance with the functions of serving the needs of the society ("public services"). Rethinking in science the role of the state in terms of legitimizing the principles of its activity had an unprecedented impact on French theory of law and public law, which led, in particular, to the emergence of the so-called "school of public services". The basic tenets of the concept, however, changed over time, and approach was soon refuted within the school of public services itself. Proceeded from the assumption that the function of the concept of public services was not in limitation of state activity, but rather in making public, public interest a compulsory goal. According to him, only public services of public, public interest should be provided through the use of public services.

By the nature of their activities, public services were initially differentiated from those providing exclusively state interest and economic, social and other services [15].

In 1921, in the jurisprudence to distinguish models of legal regulation of relations between private and public entities introduced the concept of "traditional" public service, which became known as the state administrative service (SPA), and introduced the concept of public service commercial and industrial character (SPIC).

Subsequently, science and, most importantly, law enforcement practices began to assume the possibility of delegating to the non-governmental organizations some of the powers to provide public services (services). Such a trend is highly anticipated, given the targeted and limited nature of funding for public-territorial entities, as well as the wide range of activities the responsibility for which is vested in the state.

However, with the ability to adapt to social, political and other changes, the concept of public services has spread extremely widely and touched virtually all areas of government. As a consequence, there were some difficulties in





differentiating existing legislation, deficiencies in the functioning of different legal structures were identified, especially among public services with a “double face”.

Notes that public service has traditionally been defined by its two components: 1) organizational, which is related to entities performing public service, and 2) material, which is related to the nature of activities carried out for the public benefit.

Thus, “French public services” is a fairly broad concept that includes both the activities of providing, on behalf of the State, services to an indeterminate range of persons and the entities themselves carrying out the relevant activity [16].

According there are currently three main categories of public services in France: 1) public services (sovereignty services) – justice, public finances, national defense; 2) social and cultural services – education, health care, social protection, cultural and sports activities; 3) services of an economic nature (public trade and industrial services).

**Conclusions.** Public services may be provided either directly by the authorities or by using the organizations involved, both subordinate (public institution) and private (outsourcing concessionaire, public interest group).

Regarding the traditional administrative activities of public authorities to meet the needs of individuals (registration of citizens, acts, rights, objects, permitting and providing information, etc.), it falls within the concept of public administration (SPA) and is implemented only public authorities.

#### References:

1. Сербьогіна Т.В. Категорія «публічна послуга» як об’єкт наукового дослідження. *Аспекти публічного управління*. 2018. Т.6. №4. С. 14–19. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/aplup\\_2018\\_6\\_4\\_4](http://nbuv.gov.ua/UJRN/aplup_2018_6_4_4).
2. Петьовка В.В. Окремі проблеми визначення поняття «адміністративна послуга» та шляхи їх вирішення. *Публічне право*. 2013. № 2. С. 99–104. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/pp\\_2013\\_2\\_14](http://nbuv.gov.ua/UJRN/pp_2013_2_14).
3. Иванова Л.Ю. Адміністративна послуга як правова форма адмі-

ністративно-юрисдикційної діяльності органів внутрішніх справ. *Адміністративне право і процес*. 2013. № 1. С. 99–106. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/apip\\_2013\\_1\\_15](http://nbuv.gov.ua/UJRN/apip_2013_1_15).

4. Циганов О.Г. Питання категоріально-понятійного апарату правового інституту «адміністративна послуга». *Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Серія «Політологія. Соціологія. Право»*. 2012. № 2. С. 126–132. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKPI\\_soc\\_2012\\_2\\_25](http://nbuv.gov.ua/UJRN/VKPI_soc_2012_2_25).

5. Фуглевич К.А. Теоретико-методологічні підходи щодо визначення поняття «адміністративна послуга». *Європейські перспективи*. 2013. № 11. С. 35–41. URL: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/evpe\\_2013\\_11\\_8](http://nbuv.gov.ua/UJRN/evpe_2013_11_8).

6. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные. *Журнал российского права*. 2004. № 10. С. 15–23.

7. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления. *Журнал российского права*. 2007. № 6. С. 3–10.

8. Европа: новое начало. Европа и проблема расширения / отв. ред. Ю.А. Борко. Москва : Право, 1994. 64 с.

9. Европейская интеграция / под ред. О.В. Буториной. Москва, 2011. 720 с.

10. Европейская интеграция: правовые проблемы / под ред. Б.Н. Топорнина, А.И. Ковлер, М.М. Славина, И.С. Крылова. Москва, 1992. 350 с.

11. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / под ред. Л.М. Энтина. Москва : Норма, 2005. 939 с.

12. Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского Союза. Москва, 2010. 480 с.

13. Капустин А.Я. Основные принципы институциональной системы Европейского Союза. *Правоведение*. 2000. № 1. С. 21–38.

14. Кашкин С.Ю., Калиниченко П.А., Четвериков А.О. Введение в право Европейского Союза. Москва : Эксмо, 2010. 384 с.

15. Современные международные отношения и мировая политика / отв.

ред. А.В. Торкунов. Москва : Просвещение, 2004. 991 с.

16. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. ; под ред. А.Ю. Соколова. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Buryak Yaroslav Yaroslavovich** – Candidate of Law Sciences, Assistant of the Department of Civil Law and Process of Educational and Scientific Institute of Law, Psychology and Innovative Education of National University “Lviv Polytechnic”;

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Буряк Ярослав Ярославович** – кандидат юридических наук, ассистент кафедры гражданского права и процесса Учебно-научного института права, психологии и инновационного образования Национального университета «Львовская политехника»;

[yaroslavburiak@gmail.com](mailto:yaroslavburiak@gmail.com)



УДК 342.55

## ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМИ УСЛУГАМИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В АСПЕКТЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩИН В УКРАИНЕ

Мария ГАЙДАР,

аспирант Института государства и права имени В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины

### АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ проблем обеспечения медицинскими услугами сельского населения в Украине. Обсуждаются спорные вопросы, связанные с инфраструктурной способностью территориальных общин обеспечить надлежащие условия для оказания медицинских услуг, а также проблемы, связанные с привлечением в медицинские учреждения высококвалифицированных специалистов. Дается оценка медицинской реформе в Украине, анализируется переход к децентрализованной модели регулирования в сфере здравоохранения, которая предполагает клиентоориентированную систему публичного управления. Автором рассматривается роль органов местного самоуправления в медицинской реформе с учетом расширения полномочий объединенных территориальных общин в сфере здравоохранения на законодательном уровне.

**Ключевые слова:** медицинские услуги, объединенные территориальные общины.

## PROBLEMS OF PROVIDING MEDICAL SERVICES IN RURAL AREAS IN THE ASPECT OF TERRITORIAL COMMUNITIES UNIFICATION IN UKRAINE

Mariya GAYDAR,

Postgraduate Student of the V. M. Koretsky Institute of State and Law of National Academy of Sciences of Ukraine

### SUMMARY

The article analyzes the problems of providing medical services to the rural population in Ukraine, the problems associated with the infrastructural ability of the territorial communities to provide appropriate conditions for the provision of medical services, as well as the problems associated with attracting highly qualified specialists to medical institutions; assesses medical reform in Ukraine; It analyzes the transition to a decentralized model of regulation in the healthcare sector, which involves a client-oriented public administration system. The author considers the role of local governments in medical reform, taking into account the expansion of the powers of the united territorial communities in the field of healthcare at the legislative level.

**Key words:** medical services, united territorial communities.

**Постановка проблемы.** С переходом Украины от плановой к рыночной экономике бесплатная медицинская помощь приходит в упадок и качество медицинских услуг, предоставляемых безвозмездно, является неудовлетворительным, что привело к насущной необходимости реформировать систему здравоохранения с учётом реалий нынешнего времени и децентрализационных путей развития в нашей стране.

Начиная с 2014 года большое количество территориальных общин было приобщено к процессу добровольного объединения территориальных общин.

Одним из главных ожиданий от объединенных территориальных общин, которые создаются в процессе модернизации местной публичной власти в Украине, является эффективное предоставление публичных услуг жителям объединенной территориальной общины.

**Целью и задачей статьи** является исследование проблем оказания

медицинских услуг жителям сельской местности и роли объединенных территориальных общин при формировании муниципальной политики в сфере здравоохранения.

### Изложение основного материала.

М. Баймуратов отмечает, что модернизация публичной власти должна происходить в двух взаимосвязанных и взаимодействующих аспектах: с одной стороны, путем создания клиентоориентированной системы публичного управления, которая будет неотъемлемым элементом механизма социально-экономической и социально-политической защиты населения, фактором повышения его социальной и политической активности; а с другой – путем создания эффективной действующей системы муниципальных прав человека, с помощью которой будут реализовываться не только его права, которые являются системно связанными с местным самоуправлением, гарантиями его существования,

функционирования и реализации, но и с реализацией именно системного комплекса конституционных прав, свобод и обязанностей, что естественно реализуются человеком на локальном уровне функционирования социума в пределах территориальной общины [2, с. 10].

Действительно, большинство развитых стран придерживаются клиентоориентированной системы публичного управления, которая направлена на предоставление жителям всех необходимых публичных услуг с соблюдением при этом конституционно гарантированных прав и свобод человека и гражданина.

Система местного самоуправления в Украине на сегодняшний день не удовлетворяет потребностей общества, функционирование органов местного самоуправления в большинстве территориальных общин не обеспечивает создание и поддержание благоприятной жизненной среды, необходимой



для всестороннего развития человека, его самореализации, защиты его прав, предоставления населению органами местного самоуправления, созданными ими учреждениями и организациями высококачественных и доступных административных, социальных и других услуг на соответствующих территориях [4].

Для устранения существующих проблем на местном уровне, связанных с неэффективным местным управлением и отсутствием, особенно в сельской местности, необходимого объема публичных услуг, которые могут получить жители, в государстве началась реформа по децентрализации власти, укрупнение территориальных общин и пересмотр политики государственного финансирования территориальных общин.

Очевидно, что с децентрализацией в Украине формируется новая модель сельского развития с новой системой управления и новыми экономическими отношениями [5].

Новые экономические отношения должны заключаться не в сохранении бесплатной медицины низкого качества, а в помощи со стороны государства и органов местного самоуправления в создании инфраструктуры медицинских учреждений, оснащенных современным оборудованием, в привлечении квалифицированных врачей и медицинского персонала для обеспечения для обычного человека качественных и доступных медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление, лечение, восстановление физического или психического здоровья.

Реформа системы здравоохранения должна предусматривать кардинальные, качественные изменения всех функций системы здравоохранения – управление этой системой, обеспечение её соответствующими ресурсами, финансирование и предоставление производимых этой системой услуг [9].

Сейчас доступность медицинских услуг в Украине является проблемой для определенных местностей, особенно для украинских сёл с небольшим количеством жителей.

Реформа медицины на селе является социально значимой, самой ожидаемой из всех реформ, которые сейчас проводятся. Качественная медицина тожде-

ственна качественной жизни, поэтому реформа должна быть сфокусирована на человеке, который должен получать качественную медицинскую помощь. Путем решения системных проблем в сфере здравоохранения является стратегически ориентирована государственная политика, основной задачей которой является определение здоровья человека приоритетом и обеспечение функционирования новой национальной системы здравоохранения [3, с. 92].

В контексте реализации медицинской реформы реорганизация системы первичной медицинской помощи в сельской местности предполагает, прежде всего, изменение организационной структуры учреждений от фельдшерско-акушерских пунктов, сельских участковых больниц и врачебных амбулаторий в амбулатории семейного врача и групповых практик. Такие изменения взаимосвязаны не только с чисто медицинскими, но и с правовыми, экономическими и социальными аспектами функционирования системы первичной медицинской помощи, учет которых является основой комплексного подхода к реформированию сети сельской медицины [12].

Закон Украины «О государственных финансовых гарантиях медицинского обслуживания населения» был принят парламентом 19 октября 2017 года. Этот закон вводит в Украине практику установления гарантий по медицинскому обслуживанию – программу государственных гарантий медицинского обслуживания населения как перечень и объем медицинских услуг и лекарств, которые оплачиваются из государственного бюджета на основе единых национальных тарифов [7; 6].

Как известно, медицинская система Украины состоит из трех уровней или звеньев оказания медицинской помощи населению: первичной (амбулаторной), вторичной (специализированной) и третичной (высоко или узкоспециализированной). Критериями разделения на эти уровни являются вид медицинской услуги, специфика сложности ее предоставления, уровень квалификации врача и тип специализации медицинской помощи. В частности, первичное, или амбулаторное, звено отвечает за предоставление неотложной помощи населению, а также помо-

щи, оказываемой пациентам врачами общей практики по месту жительства или временного пребывания. К учреждениям первичного уровня медицинской помощи относятся амбулатории, поликлиники и кабинеты семейных врачей. Вторичное звено предусматривает процедуру стационарного лечения с привлечением узкопрофильных специалистов. На этом уровне работают районные и городские больницы городов, поселков городского типа и районных центров. Третичное звено отвечает за предоставление высококвалифицированной медицинской помощи, а именно: проведение диагностики сложных заболеваний и нетипичных отклонений, патологий и осложнений. На этом уровне работают исследовательские институты, узкоспециализированные больницы и госпитали [10, с. 39].

В сельской местности основной единицей, которая может оказывать медицинские услуги первого уровня является амбулатория. Фельдшерско-акушерский пункт – это удаленное подразделение амбулатории, которое не может существовать отдельно. В городе могут быть как амбулатории, так и отдельные практикующие врачи. В то же время фельдшерские пункты организуются в селах от 300 человек. В селах с населением свыше 1 200 человек должны быть амбулатории с врачами.

Рекомендуемое количество пациентов, которых может обслуживать один врач по предоставлению первичной медицинской помощи (или одна команда по оказанию первичной медицинской помощи, которая состоит из 1 врача и 1–2 медсестер), составляет 1 800–2 000 человек. В зависимости от социальных, возрастных, количественных характеристик населения территории, где субъект оказания первичной медицинской помощи осуществляет свою деятельность, или других условий, количество пациентов, которых может обслуживать один врач по оказанию первичной медицинской помощи (одна команда по оказанию первичной медицинской помощи), может быть больше или меньше, чем рекомендуемое количество.

Важно понимать, что вследствие увеличения количества прикрепленного населения уменьшается доступность



медицинской помощи. В результате этого пациенты не могут попасть к врачу в удобное для них время, возникают очереди; пациенты откладывают визиты к врачу, что приводит к увеличению количества случаев, требующих неотложных действий; медицинский персонал занимается исключительно острыми состояниями и у него не остается времени на профилактическую работу и предупреждения обострений у пациентов с хроническими заболеваниями. Большая нагрузка приводит к профессиональному выгоранию медицинских работников и снижению качества их работы. С другой стороны, уменьшение нагрузки ниже рекомендуемого уровня будет приводить к уменьшению дохода от медицинской практики, соответственно – к снижению зарплаты персонала.

О. Худоба определяет критерии способности сети оказания первичной медицинской помощи по следующим показателям:

1) предельная мощность сети оказания первичной медицинской помощи составляет в среднем четыре визита к месту оказания первичной медицинской помощи в год на одного жителя соответствующей территории планирования. Целевая нагрузка на одну рабочую смену составляет двадцать четыре посещения;

2) доступность первичной медицинской помощи для жителей населенных пунктов в виде фактического наличия, физической доступности для людей с инвалидностью, финансовой доступности, удобства графика работы, коммуникационной приемлемости;

3) транспортная доступность, которая учитывает наличие транспорта общего пользования и соответствующих маршрутов для транспортировки пациентов к местам оказания первичной медицинской помощи [11, с. 140].

Большинство критериев связаны с отсутствием инфраструктуры в территориальных общинах. В то же время процесс, в результате которого общины могут получить инфраструктурные решения своих проблем, связанных с доступностью качественной первичной медицинской помощи, выглядит так:

1) парламент принимает законы о медицинской реформе;

2) Министерство здравоохранения издает подзаконные акты (Порядок ока-

зания первичной медицинской помощи и другие, предусмотренные законами) и обеспечивает общины методологическими установками (Операционное пособие, тур с семинарами)

3) территориальные общины используют предоставленные им методологические материалы, а также знание собственной специфики для того, чтобы спланировать перспективную финансово устойчивую сеть учреждений первичной медицинской помощи на своих территориях;

4) используя картографические данные, полученные от общин, правительство осуществляет финансирование строительства объектов медицинской инфраструктуры в рамках субвенции из государственного бюджета местным бюджетам на реализацию мероприятий, направленных на развитие системы здравоохранения в сельской местности;

5) общины постепенно (в течение примерно 2 лет) переходят к новой финансово устойчивой сети учреждений первичной медицинской помощи.

Н.А. Артёменко и Т.Л. Петрище исследовали направления стратегического развития здравоохранения Республики Беларусь на 2011–2015 гг. и определили, что приоритетность первичной медицинской помощи заключается в следующем: увеличение доли финансовых вложений до 45% от общего объема финансирования здравоохранения; повышение качества и эффективности медицинской помощи, предоставляемой первичным звеном здравоохранения, путем улучшения инфраструктуры; разработка эффективных медицинских технологий и внедрение системы экономического стимулирования за достижение наилучших показателей в обеспечении населения медицинской помощью [1, с. 197].

Для регулирования отношений, связанных с обеспечением повышения доступности, эффективности и качества медицинского обслуживания в сельской местности, был принят Закон Украины «О повышении доступности и качества медицинского обслуживания в сельской местности» [8].

Мероприятия по повышению доступности и качества медицинского обслуживания в сельской местности осуществляются соответствующими органами государственной

власти, органами местного самоуправления, обеспечивающих формирование и реализацию государственной региональной политики здравоохранения, что обусловлено их полномочиями [11, с. 138].

Частью 5 ст. 5 Закона Украины «О повышении доступности и качества медицинского обслуживания в сельской местности» установлен ряд полномочий органов местного самоуправления, которые имеют целью повышение доступности и качества медицинского обслуживания в сельской местности.

Отдельно следует отметить, что Законом Украины «О повышении доступности и качества медицинского обслуживания в сельской местности» была дополнена ч. 2 ст. 34 Закона Украины «О местном самоуправлении», которой предусмотрено, что к ведению исполнительных органов сельских, поселковых советов, кроме полномочий, указанных в пункте «б» части первой этой статьи, относится также решение вопросов о предоставлении работникам образования, культуры, здравоохранения и другим категориям граждан, работающих в сельской местности, установленных законодательством льгот, а также о дополнительном финансовом поощрении и обеспечении служебным жильем и служебным транспортом работников здравоохранения, работающих в сельской местности.

**Выводы.** Дополнение полномочий органов местного самоуправления является очень важным моментом в формировании муниципальной политики в сфере здравоохранения, в частности в вопросах стимулирования врачей и медицинского персонала работать в сельской местности и предоставлять жителям территориальных общин качественные медицинские услуги. С таким правовым регулированием именно на органы местной власти возлагаются обязанности по обеспечению надлежащего управления сферой охраны здоровья.

Из анализа приведенных предписаний законодательства во взаимосвязи с нормами Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» следует, что органы местного самоуправления (в том числе и объединенные территориальные общины) наделены кругом полномочий по управлению





учреждениями здравоохранения, организации их материально-технического и финансового обеспечения, организации медицинского обслуживания и питания в коммунальных оздоровительных учреждениях, обеспечение в пределах предоставленных полномочий доступности медицинского обслуживания на соответствующей территории, а также развития медицинского обслуживания, повышению квалификации специалистов.

Законодательные новеллы являются прогрессивным шагом на пути к децентрализации, к улучшению качества медицинских услуг, к обеспечению эффективного управления объединенными территориальными общинами в сфере здравоохранения и улучшения здоровья жителей на всей территории Украины.

#### Список использованной литературы:

1. Артёменко Н.А., Петрище Т.Л. Историко-генетический анализ деятельности врачей в системе первичной медицинской помощи. *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. 2012. № 2. С. 189–199.
2. Баймуратов М. Децентрализация публичной власти та права людини в місцевому самоврядуванні: питання взаємозв'язку та взаємообумовленості. / Михайло Баймуратов. Децентралізація публічної влади в Україні: здобутки, проблеми та перспективи [Текст] : матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції за міжнародною участю (15 березня 2019 р., м. Львів) / за наук. ред. проф. П. Гураля, проф. О. Сушинського. Львів : ЛПІДУ НАДУ, 2019. 148 с.
3. Децентралізація влади: порядок денний на середньострокову перспективу. Аналітична доповідь. Авт.: Жаліло Я.А., Шевченко О.В., Романова В.В. та ін. Національний інститут стратегічних досліджень. Київ : 2019. 115 с.
4. Кавунець А.В. Особливості об'єднання територіальних громад в Україні (регіональний аспект). А.В. Кавунець, В.В. Дорох. Видання 2-ге, доповн. 2016. URL: <http://www.barrda.gov.ua/upload/file/Metodposibnuk.pdf>.
5. Пальчук В. Пріоритет 2018 року – реформування сільської
6. Програма медичних гарантій: впровадження в Україні. URL: [https://moz.gov.ua/uploads/0/3798-programa\\_medicnih\\_garantij\\_vprovadzenna\\_v\\_ukraini.pdf](https://moz.gov.ua/uploads/0/3798-programa_medicnih_garantij_vprovadzenna_v_ukraini.pdf).
7. Про державні фінансові гарантії медичного обслуговування населення : Закон України від 19.10.2017 р. № 2168-VIII. *Відомості Верховної Ради України* від 02.02.2018 – 2018 р., № 5, стор. 5, стаття 31.
8. Про підвищення доступності та якості медичного обслуговування у сільській місцевості : Закон України від 14.11.2017 р. № 2206-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2206-19>.
9. Про схвалення Концепції реформи фінансування системи охорони здоров'я : розпорядження Кабінету Міністрів України від 30.11.2016. № 1013-р. URL: <https://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1013-2016-%25D1%2580>.
10. Розвиток соціальної сфери територіальних громад в умовах адміністративно-фінансової децентралізації / ДУ «Інститут регіональних досліджень імені М.І. Долишнього НАН України» ; за ред. С.Л. Шульц. Львів, 2018. 140 с.
11. Худоба О. Розвиток сільської медицини Львівської області в контексті медичної та адміністративної реформ. *Децентралізація публічної влади в Україні: здобутки, проблеми та перспективи* [Текст] : матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції за міжнародною участю (15 березня 2019 р., м. Львів) / за наук. ред. проф. П. Гураля, проф. О. Сушинського. Львів : ЛПІДУ НАДУ, 2019. 148 с.
12. Як організувати систему надання первинної медичної допомоги на місцевому рівні. Операційне керівництво / Баценко Д., Брагінський П., Бучма М. та ін. Міністерство охорони здоров'я України, Проект USAID «Реформа ВЛЛ-послуг у дії», ТОВ «Агентство «Україна». Київ, 2018. URL: [http://moz.gov.ua/uploads/0/4992-phc\\_operational\\_manual\\_apr\\_2018\\_fin\\_web1.pdf](http://moz.gov.ua/uploads/0/4992-phc_operational_manual_apr_2018_fin_web1.pdf).

#### ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

**Гайдар Мария Егоровна** – аспірант Інститута державства и права имени В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Gaydar Mariya Egorovna** – Postgraduate Student of the V. M. Koretsky Institute of State and Law of National Academy of Sciences of Ukraine;

*mariagaidar111@gmail.com*





UDC 351

## THE STATE OF DEVELOPMENT ISSUES IN SCIENCE: CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF THE GLOBAL TRANSFORMATIONS IN THE COUNTRY'S ADMINISTRATION IMPACT

Ibrahim S. I. GHANNAM,

Postgraduate Student of Interregional Academy of Personnel Management

### SUMMARY

The article analyzes the state development issues in science in the context of a conceptual understanding of the global transformations in the country's administration impact. According to the results of the analysis, it was found that the influence of global megatrends on public administration can be divided into three large areas: megatrends that affect a person – a citizen; megatrends affecting the country's economy; megatrends that affect the environment. Depending on the degree of influence these global megatrends, we can observe the polarization of countries and the emergence of highly developed countries and countries that did not take place. This can cause a polarization of the world and an increase in social tension. For public administration, it is important to take into account the influence of global megatrends as an objective reality when developing scientifically based management decisions.

**Key words:** science, global transformation, impact of global transformations, management, public administration.

## СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ В НАУКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА УПРАВЛЕНИЕ СТРАНОЙ

Ибрагим С. И. ГАННАМ,

аспирант Межрегиональной академии управления персоналом

### АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано состояние проблемы развития науки в контексте концептуального понимания влияния глобальных трансформаций на управление страной. По результатам проведенного анализа установлено, что влияние глобальных мегатрендов на публичное управление можно разделить на три больших направления: мегатренды, влияющие на человека – гражданина; мегатренды, влияющие на экономику страны; мегатренды, влияющие на экологию. В зависимости от степени влияния указанных глобальных мегатрендов можем наблюдать поляризацию стран, а также появление высокоразвитых стран и стран, которые не состоялись. Именно это может вызвать поляризацию мира и увеличение социального напряжения. Для публичного управления важно учитывать влияние глобальных мегатрендов как объективную реальность при разработке научно обоснованных управленческих решений.

**Ключевые слова:** наука, глобальная трансформация, влияние глобальных трансформаций, управление, государственное управление.

**Problem setting.** In the context of globalization and rapid scientific and technological progress, values change, and the behavior of people must change as well as public administration mechanisms. Globalization is an objective phenomenon that directly influences governmental decision-making, their correction through the coordination of decisions by international organizations, integrated groups, and interstate agreements. At the same time, there are objective trends that affect countries regardless of their level of development or geographical location, such as technology development, ecology, migration, and more. Therefore, it is necessary to define a conceptual understanding of the impact of global transformations on governance.

**The state of the study.** The article has analyzed the scientific principles, materials and documents of leading organizations regarding the impact

of globalization, global transformations on the country's governance.

**Purpose of the article** is an analysis the state of development issues in science and determining the impact of global transformations on governance.

**Article main body.** The most important for the future governments and their primary area of responsibility is to ensure economic prosperity, security, social stability and environmental protection. In this context, the Mowat Center's research at the School of Public Policy and Public Administration at the University of Toronto identifies the nine global megatrends that are [1]. These megatrends are presented in fig. 1.

The impact of global megatrends on public governance can be divided into three broad areas:

- megatrends that affect a person – a citizen;
- megatrends affecting the country's economy;

– megatrends that affect the environment.

Increasing life expectancy and decreasing fertility leads to an increase in the population structure of older people, who are less effectively involved in GDP creation, and need more health and pension spending. The demographic factor is manifested in the increase in life expectancy, which is very positive in itself, but it poses two problems for the government at once: how to provide an increasing number of older people and where to find jobs for young people. By 2030, it is projected that in the United States there will be a ratio of one retiree to just over two employees [1]. Therefore, an aging society needs to raise taxes, collecting savings from fewer children at the expense of working people and giving them to the elderly. Progress in education, technology and health provides unlimited opportunities for personal development,

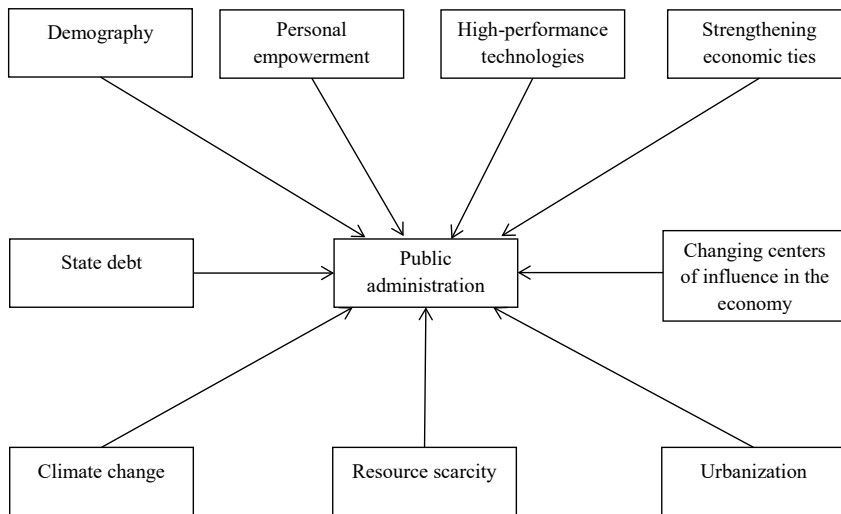


Fig. 1. Global megatrends

which in turn requires governments to be transparent and public in their decision-making. The development of information technology gives more opportunities for cooperation at the level of governments, local authorities and communities. The development of information and communication technologies influences the transformation of the labor market, the requirements for ensuring national security, the speed of decision making. Personal empowerment and technology development make people more flexible in choosing a place of living based on quality of life rather than job creation.

The need for governments to provide spending on health and retirement services leads to an increase in budgetary imbalances, which drives up the debt burden. The growth of public debt is characteristic of most developed countries. Countries such as the USA, China, Japan, Germany, France, the United Kingdom, and others are developing at the expense of credit. Therefore, it is important to decide how debt will be repaid and how to avoid default in the future. Changing centers of influence in the economy and strengthening economic ties need to be taken into account when developing economic development strategies. There will be further growth in the interconnected global economy at the level of international trade and capital flows; however, unless the international treaty base is strengthened, progress and the optimum benefits of this growth may not be realized. The growth of emerging economies is freeing millions of people

from poverty, with an increasing impact on the global economy. With the changing centers of influence in the global economy, both international agencies and national governments will have to pay greater attention to transparency and completeness of information.

Climate and resource scarcity are forcing mechanisms to develop state incentives for the development of resource-saving technologies. In addition, the impact of climate change is reflected in changing living conditions and specialization of countries in foreign trade. According to scientists [1], by 2030, nearly two-thirds of the world's population will live in cities, which requires new approaches to infrastructure planning, urban management, implementation of SMART-city technology, and e-government. Urbanization creates significant opportunities for socio-economic development and a more sustainable life, but it also puts pressure on infrastructure and resources, including energy. Climate change is something that imperceptibly influences and manifests itself in increased numbers of abnormal phenomena, reduced soil fertility, and yields. Therefore, it is extremely important in public policy to provide mechanisms for protection and insurance against extreme weather conditions. The combined pressure of these factors leads to a scarcity of resources, which is why a balanced management of the country's resources should be the focus of government.

Depending on the degree of these global megatrends influence, we can

observe the countries polarization and the emergence of highly developed and non-developed countries [2]. This can cause polarization of the world and increase social tension. Research by Oxford scientists has shown a sharp decline in the middle class in developed countries due to de-industrialization. Therefore, public management should consider the impact of global megatrends as an objective reality when developing management decisions. The described global megatrends influence the need to redefine the paradigm of public management, when economic growth should not be the focus. More important is the quality of economic development, sustainability and balance. All this requires a review of the organizational and financial mechanisms of public administration, as well as the effective building of a partnership between the authorities – the community – business.

Scientific achievements in the study of competition and competitiveness are quite powerful, in particular a number of works by M. Porter, V. Vorotin, I. Degtyaryova, V. Kuybida, O. Marchenko, N. Chala, O. Chervyakova. Sociological surveys and ranking of cities by level of comfort, value of real estate and more are extremely popular. At the same time, there is a significant gap between research and popular rankings that shape the image of the country.

The beginning of the study of the global transformations impact on government policy and public management can be considered the study of D. Meadows, J. Randers, D. Meadows [3], which was the beginning of the sustainable development theory. Based on these theoretical developments, petroleum exporting countries (OPECs) have increased oil prices fourfold, which has accordingly impacted energy costs and decision-making in public administration. This scientific work underpins the development of the UN Sustainable Development Goals.

Adoption of the UN Sustainable Development Goals has led to the need for harmonization of decisions between countries, which increases the interdependence between them.

The polarization of the world, the spread of poverty are leading to a loss of trust in governments, an increase



in armed conflict and migration. And the existence of powerful multinationals, which have annual budgets larger than the budgets of individual countries, put pressure on investors to make decisions. E. Weizsaecker, A. Wijkman [4] show that, since the 1980s, the development priorities of countries, regions and the world as a whole have shifted to maximize income and later to increase revenue through speculative transactions.

The uncertainty dynamics of world development processes, the strengthening influence of transnational capital increase the uncertainty of the world economic dynamics and ambiguously influence the prediction of the results and consequences of the state administrative decisions implementation. Global liberalization economies negates the effectiveness of applying traditional methods in the direct government management. I. Wallerstein, who believes that the state ceases to be “the main center of decision-making”, evidences such views in the research. Z. Brzezinski’s work states that globalization “stimulates contradictory processes that lead to erosion of traditional state sovereignty”, “threatens the loss of national control over basic economic and social values”.

K. Omay believes that by increasing globalization trends, states not only lose the ability to control the exchange rate and protect their currencies, but also do not perform real economic activity without being the main actors in the world economy. A. Galchinsky notes the disappearance of the industrial society state and the birth of the post-industrialism state. Thus, world scientific opinion proves that globalization leads to the formation of a single environment for the implementation of production, economic, financial and management operations, which is governed by the conditions of the global level. This, to a certain extent, blurs the boundaries of national social systems and may significantly violate their organization principle.

One of the debates on globalization and governance is the issue of global governance. Since the creation of the UN since 1945, the idea of uniting countries and coordinating their actions has been intensified by creating a transnational global organization with powers that in some cases will outweigh the powers of nation states. In most cases, global

governance consists of specific tasks. Within the UN system, these tasks consist of specific activities such as local peacekeeping interventions, trade rules, lending and assistance programs from the United Nations Development Program and the World Bank, or a WHO infectious disease company. At the same time, it is impossible to talk about the existence of strict regulations of global governance, but rather recommendations and “mix-ups”.

The German scientist G. Knies [5] proposed a model of global governance. This model is based on the idea that states should voluntarily organize collaborations and make co-ordinated decisions. This concept implies certain restrictions on the sovereignty of nation-states and departs from the traditional rivalry between countries. G. Knies offers a model consisting of 5 steps:

1) establishment of an Intergovernmental Council on the Fitness of the Planet for Long Life, which should prepare a global treaty;

2) establishment of National Ministries for Global Co-operation in each country to implement global solutions at national level;

3) holding International Conferences on Conciliation that seek to coordinate different national policy decisions;

4) transformation of nation-states from rivals into cohabitants by transferring military spending to environmental spending;

5) global governance based on principles of mixing.

Another concept of global governance is the concept of “global leadership” proposed by P. Kuenkel [6]. The model’s insistence on the importance of striking a balance between the involvement of interested and official representatives. This model consists of four stages and its important feature is the involvement of civil society, in particular:

– stage 1 is about generating an idea through dialogue, understanding the context and launching a multilateral initiative;

– stage 2 is about reforming the goal, clarifying resources, creating a structure for the initiative, and agreeing on an action plan. As a result, the second stage envisages the establishment of an agreed implementation plan, budget and amounts of future financial

contributions from the interested industry, as well as the allocation of roles between stakeholders;

– stage 3 requires regular reinforcement of the potential consequences of non-conflict-free stakeholder meetings;

– step 4 translate the collaboration on a systematic, sustainable basis using approved rules and standards.

The traditional research direction on the impact of global transformations on public administration is to analyze the competitiveness of a country and its participation in international organizations, that is, its success in attracting investment and foreign economic activity. In the global economic space, the mechanism of reconciling the individual elements activities as a whole is due to the existence of international organizations, whose activity sphere may relate to the global problems of a particular industry or of the world community as a whole. The management system is determined by international rules, recommendations, customs, traditions. National governance systems are influenced by the need to harmonize national rules (legislation) and harmonize policies. The most significant impact on economic development in Asia, such as Hong Kong, South Korea, and Singapore, was caused by the interaction with the environment. However, the processes of globalization that have given rise to rapid growth in these countries have also posed new challenges. For other countries, such as Africa, Latin

America, the impact of the environment has not been the driving force behind economic development and growth. The development of the global economic space contributes to the development of specialization of producers, and competition in the world market contributes to the improvement of product quality. In this way, we can observe market regulation of supply and demand globally. However, as well as at the state level, the functioning of the market mechanism has certain disadvantages, for which leveling regulatory bodies are created. For trade, this is the World Trade Organization, UNCTAD (United Nations Conference for Trading and Development), the International Chamber of Commerce.

Each officially recognized country participates in the activities



of at least one international organization. The most powerful world organization since the Second World War, the United Nations, has 192 member countries. The organizational structure of the association is quite extensive (the total number of Secretariat staff worldwide is 40 000) and includes, in addition to the central governing body, a large number of structures divided by major world issues and regions (e. g. the Economic Commission for Africa, European Economic Commission, etc.). UN committees have developed most of the world rules, standards and norms for the basic spheres of human activity (security of existence, development, human rights, humanitarian issues, international law) in different periods of its operation, which imposes significant restrictions on the use of certain mechanisms and instruments of public policy.

The different states that objectively exist and cooperate have different levels of development, and therefore the tasks they face are different. At the same time, regardless of their level of development, in order to ensure their organic existence, they need common goals of activity, interaction of particular spheres and industries, harmonization and implementation of rules and norms of behavior. Therefore, there is an objective need to build an effective management mechanism capable of providing all this. Experience in the world of solving individual problems through the World Bank, the International Monetary Fund, the United Nations, the World Health Organization has been translated into standard guidelines and other regulations. Accordingly, when governments are faced with such problems, they receive these recommendations in the form of prescriptions, thereby generating scientific discourse on global governance. This raises the problem of defining the limits of intervention and taking into account such recommendations, as well as developing effective internal public governance mechanisms. The essence of which is determined by their subjects, but largely depends on the goals and technologies of their implementation.

**Conclusions.** It is established that the impact of global megatrends on public governance can be divided into three broad areas: megatrends that

affect a person – a citizen; megatrends affecting the country's economy; megatrends that affect the environment. Depending on the degree of impact of these global megatrends, we can observe the polarization of countries and the emergence of highly developed and non-developing countries. This can cause polarization of the world and increase social tension.

Public administration should take into account the impact of global megatrends as an objective reality when developing science-based management decisions. The described global megatrends influence the need to redefine the paradigm of public administration, when economic growth should not be the focus. More important is the quality of economic development, sustainability and balance.

Account must also be taken of the global transformations impact on government policy and public administration, as evidenced by the research by D. Meadows, J. Randers, D. Meadows, which was the beginning of the development of sustainable development theory. And despite the debating issues of globalization and governance, the existence of different models, concepts of global governance in the world, the mechanism of reconciling the individual elements activities into a whole as a whole through the existence of international organizations may be traditional in the sphere of activity, which may be covered by global problems of a particular industry or the world community as a whole. The management system is determined by international rules, recommendations, customs, traditions. National governance systems are influenced by the need to harmonize national rules (legislation) and harmonize policies.

#### References:

1. Future State 2030: Global megatrends that influence governments. URL: [https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2014/09/Future\\_State\\_2030-UA\\_v3.pdf](https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2014/09/Future_State_2030-UA_v3.pdf).
2. Forecast of the World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports>.
3. Meadows D., Randers J., Meadows D. Limits to Growth. The 30-Year Update. London, 2018. 338 p.
4. Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-

termism, Population and the Destruction of the Planet. New York : Springer-Verlag, 2017. 276 p.

5. Knies G. Model of a Viable World for 11 Billion Humans and Future Generations (2016).

6. Kuenkel P., Schaefer K. Shifting the way we co-create. How we can turn the challenges of sustainability into opportunities (The Collective Leadership Institute, 2013).

7. Regional competitiveness and regional assessment of business climate in Ukraine. URL: <http://competitiveness.icps.com.ua/>.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Ibrahim S. I. Ghannam** – Postgraduate Student of Interregional Academy of Personnel Management;

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Ибрагим С. И. Ганнам** – аспирант Межрегиональной академии управления персоналом;

*ibrahim2020email@gmail.com*





УДК 341.947

## ОБХОД ЗАКОНА: ПОЗИЦИЯ ДОКТРИНЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Эрнест ГРАМАЦКИЙ,  
кандидат юридических наук,  
доцент кафедры гражданского права юридического факультета  
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

### АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы отдельные теоретические и практические проблемы места института обхода закона в международном частном праве. Особое внимание обращается на позицию представителей доктрины международного частного права касательно соотношения обхода закона и принципа автономии воли. Исследовано значение института обхода закона, проанализирована национальная судебная практика применения последствий обхода закона при регулировании частноправовых отношений, составляющих предмет отрасли международного частного права.

**Ключевые слова:** обход закона, принцип автономии воли, судебная практика, институт обхода закона, последствия обхода закона.

### EVASION OF LAW: POSITION OF LEGAL DOCTRINE AND JUDICIAL PRACTICE

Ernest GRAMATSKIY,  
PhD in Law, Associate Professor of Civil Law Department of  
Law Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv

### SUMMARY

Certain theoretical and practical aspects of the place of evasion of law institute in private international law are analyzed. Particular attention is paid to the position of representatives of private international law doctrine regarding the relationship between evasion of law and the party autonomy principle. The significance of evasion of law institute is investigated, national judicial practice of application of the consequences of evasion of law in regulation of private law relations, which are the subject to private international law.

**Key words:** evasion of law, party autonomy principle, judicial practice, evasion of law institute, consequences of evasion of law.

**Постановка проблемы.** На сегодня имеет место процесс увеличения видов, качественных изменений и распространения частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, которые составляют предмет отрасли международного частного права. Это связано как с объективными, так и с субъективными факторами. Невозможно не упомянуть активные евроинтеграционные процессы, в которых участвует Украина в результате подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом от 27.06.2014 года, сближение Украины с Европейским сообществом и, как следствие, повышение влияния на правовую систему Украины *jus commune europe*, что оказывает существенное влияние на развитие международного частного права.

Любая гармонизация законодательства в сфере международного частного права так или иначе касается не только вопросов согласования позиций по регулированию тех или иных правоотношений, но и оснований для неприменения норм права иностранного государства. Одним из таких институтов следует считать обход закона.

**Актуальность темы исследования.** Несмотря на довольно значительный научный задел в области изучения обхода закона в международном частном праве, наукой, к сожалению, не разработаны общие подходы относительно места и значения обхода закона в системе оснований для неприменения норм права иностранного государства, отсутствуют исследования национальной судебной практики по этому вопросу. В условиях активного развития и распространения частноправовых отношений, составляющих предмет отрасли международного частного права, исследование национальной судебной практики по применению института обхода закона является актуальным и требует детального изучения.

**Состояние исследования.** Отметим, что анализом обхода закона как института общей части международного частного права занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как В.И. Кисиль, А.С. Довгерт, Г.А. Майданик, Л.А. Лунц, В.В. Луць, В.В. Балдинюк, В.Л. Чубарев, М.М. Богуславский, И.В. Мироненко, С.Г. Кузьменко, А.Н. Васильев, Ф. Ландольт, М. Вольф, Л. Лене, М. Лаб-

бе, И. Лусуарн, В. Магнус, А. Багифоль, П. Лагард, Дж. Стори и другие.

**Целью и задачей статьи** является анализ отечественной судебной практики на предмет применения института обхода закона в международном частном праве и его последствий.

**Изложение основного материала.** Перед тем, как начать анализ судебной практики на предмет применения института обхода закона, считаем необходимым проанализировать доктринальные и законодательные подходы к определению правовой природы института обхода закона.

Так, В.И. Кисиль, А.С. Довгерт обращают внимание на то, что хотя институт обхода закона возник прежде всего для регулирования брачно-семейных отношений, сегодня он активно применяется в сфере наследования, регулирования трудовых и связанных с ними отношений, деятельности юридических лиц в оффшорных зонах и тому подобное [2, с. 234–236].

Исследователи отмечают, что по своей природе институт обхода закона является чрезвычайно сложным и в определенной степени





противоречивым, ведь он вступает в существенный конфликт с принципом автономии воли сторон в случае регулирования договорных отношений. Взвешенной представляется позиция, что обход закона не следует рассматривать как исключение из общего правила автономии воли сторон, ведь понимание обхода закона в материальном праве и международном частном праве существенно отличается по своей правовой природе и последствиям. Как следствие, В.И. Кисиль, А.С. Довгерт подчеркивают, что институт обхода закона в международном частном праве больше тяготеет не к основанию для недействительности сделки, а к последствиям злоупотребления правом.

Подобную позицию поддерживает А.М. Шульга. Ученый отмечает, что злоупотребление правом условно может быть классифицировано на правомерное и неправомерное. Основная разница между ними заключается в том, что последнее является правонарушением, за которое законом предусмотрена юридическая ответственность, а правомерным злоупотреблением правом следует считать такое поведение лица, которое формально не содержит состава правонарушения. Отмечая, что обход закона по своей правовой природе является ярким примером правомерного злоупотребления правом, А.М. Шульга предлагает определять это понятие как умышленное правомерно злоупотребление правом путем использования субъектом права недостатков законодательства с целью легального достижения конкретного блага или избегания негативных для него последствий [9, с. 13–14].

В целом соглашаясь с классификацией обхода закона через категорию злоупотребления правом, считаем необходимым отметить, что согласно ст. 13 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) не допускаются действия лица, совершаемые с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. При осуществлении гражданских прав лицо должно придерживаться моральных основ общества. В случае несоблюдения лицом при осуществлении своих прав требований ст. 13 ГК Украины суд может обязать его прекратить злоупотребление своими правами, а также применить другие последствия, установленные законом.

Однако, по нашему мнению, не каждый случай обхода закона следует рассматривать как правомерное злоупотребление правом, которое запрещено в силу ст. 13 ГК Украины. Тем более что ч. 3 ст. 13 ГК Украины сформулирована таким образом, что запрещает любые формы злоупотребления правом независимо от факта нанесения этим вреда другим участникам гражданских правоотношений.

По мнению В.В. Балдынюка, возникновение института обхода закона связано с существованием принципа автономии воли лиц, без которого международное общение в сфере правового регулирования частнопроводных отношений, осложненных иностранным элементом, было бы вообще невозможным. Содержание обхода закона по В.В. Балдынюку заключается в том, что в случае наличия сомнений в добросовестности действий участников частнопроводных отношений, которые входят в предмет международного права, касательно выбора права, подлежащего применению к правоотношениям, при наличии соответствующих доказательств суд уполномочен признать недействительным такой выбор и определить право на основании коллизийной нормы, подлежащей применению [1, с. 28].

В то же время следует обратить внимание на то, что слишком широкое толкование и распространенное применение института обхода закона окажет негативное влияние не только на динамику существования международных частнопроводных отношений, но и на режим взаимности как один из принципов международного частного права [10, с. 181].

Проанализируем положения Закона Украины «О международном частном праве». Так, в Законе отсутствует легальное определение понятия обхода закона, что в определенной степени оправдано, ведь закрепление дефиниций любого понятия из сферы частного права только приводит к поиску исключений из этой дефиниции. Согласно ст. 10 Закона, которая закрепляет последствия обхода закона, отмечается, что сделка и другие действия участников частнопроводных отношений, направленные на подчинение этих отношений праву иному, чем то, что определяется в соответствии с этим Законом, в обход его положений, являются ничтожными. В этом случае

применяется право, подлежащее применению в соответствии с нормами Закона Украины «О международном частном праве» [7].

Общие положения о сделках, требования к сделке, основания и последствия ее недействительности определены в главе 16 ГК Украины. Так, согласно ст. 215 ГК Украины основанием недействительности сделки является несоблюдение в момент совершения сделки стороной (сторонами) требований, установленных ч. 1–3, 5, 6 ст. 203 ГК Украины. Недействительной является сделка, если ее недействительность установлена законом (ничтожная сделка). В этом случае признание таковой сделки недействительной судом не требуется.

Так, в ст. 203 ГК Украины закреплено, что содержание сделки не может противоречить ГК Украины, другим актам гражданского законодательства, а также интересам государства и общества, его моральным устоям. Лицо, совершающее сделку, должно иметь необходимый объем гражданской дееспособности. Волеизъявление участника сделки должно быть свободным и соответствовать его внутренней воле. Сделка должна быть направлена на реальное наступление правовых последствий, обусловленных ею. Сделка, совершаемая родителями (усыновителями), не может противоречить правам и интересам их малолетних, несовершеннолетних или нетрудоспособных детей [8].

Анализ ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве» позволяет сделать вывод, что основанием для ничтожности сделки по выбору права является нарушение требования к сделке, закрепленного в ч. 1 ст. 203 ГК Украины, относительно соответствия сделки другим актам гражданского законодательства, которым, безусловно, является Закон Украины «О международном частном праве».

Перейдем к вопросу исследования практики национальных судов по применению последствий обхода закона. Изучение отечественной судебной практики позволяет сделать вывод, что национальные суды редко применяют положения ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве». В то же время сложившаяся судебная практика, по нашему мнению, является интересной и требует исследования.



Так, прежде всего, следует обратить внимание на п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 24.10.2008 № 13 «О практике рассмотрения судами корпоративных споров», согласно которому деятельность акционерного общества, зарегистрированного в Украине как юридического лица, отношения между обществом и акционерами, между акционерами общества о его деятельности, а также корпоративного управления регулируются исключительно законами и другими нормативно-правовыми актами Украины. В случае заключения акционерами – иностранными юридическими или физическими лицами соглашения (сделки) о подчинении отношений между акционерами, а также между акционерами и акционерным обществом иностранному праву, такая сделка является ничтожной в силу статьи 10 Закона Украины «О международном частном праве» [6].

Учитывая вышесказанное, считаем необходимым проанализировать постановление Высшего хозяйственного суда Украины от 12 июня 2012 года по делу № 58/383 [4]. Так, предметом рассмотрения по данному делу являются требования истца о признании недействительными договоров, по которым от ответчика-1 к ответчикам 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 перешло право собственности на ценные бумаги – простые именные акции ПАО «Всеукраинский Акционерный банк», поскольку ответчик-1 в нарушение п. 6.2.1 Договора акционеров не предложил свои акции для приобретения другим акционерам.

Анализируя условия Договора акционеров, коллегия судей посчитала необходимым отметить, что хозяйственными судами также было исследовано п. 11.7 Договора акционеров, в котором предусмотрено, что договор регулируется и толкуется в соответствии с законодательством Англии, без учета конфликта положений этого законодательства. В соответствии с подпунктом б) пункта 11.7 любой спор, возникающий из или в связи с настоящим договором, должен решаться исключительно в соответствующих судах Лондона, Англия.

Суд подчеркнул, что в ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве» установлено, что сделка и другие действия участников частноправовых отношений, направленные на подчинение этих отношений праву

иному, чем то, что определяется в соответствии с этим Законом, в обход его положений, являются ничтожными. В этом случае применяется право, подлежащее применению в соответствии с нормами этого Закона. Согласно ч. 2 ст. 215 Гражданского кодекса Украины, недействительной является сделка, если ее недействительность установлена законом (ничтожная сделка). В этом случае признание такой сделки недействительной судом не требуется.

При таких обстоятельствах пункт 11.7 Договора акционеров является ничтожным в силу ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве».

Судами предыдущих инстанций ошибочно было указано на ничтожность Договора акционеров от 25.10.2005 в целом, поскольку наличие в сделке ничтожных условий не приводит к недействительности сделки в целом или иных ее частей.

Учитывая вышеизложенные установленные хозяйственными судами предыдущих инстанций обстоятельства, указывающие на отсутствие правовых оснований для признания спорных договоров недействительными, коллегия судей Высшего хозяйственного суда Украины соглашается с решениями судов предыдущих инстанций об отказе в иске.

В то же время правильной и заслуживающей анализа является практика национальных судов о неприменении слишком широкого подхода к пониманию обхода закона. Так, согласно постановлению Высшего хозяйственного суда Украины от 15 апреля 2013 по делу № 07/5026/1561/2012 спор возник в связи с тем, что, по мнению истца, ответчик нарушил свои обязательства по договору уступки (купли-продажи) долей в уставном капитале ООО «Маяк-Худяки» от 26.03.2009 по осуществлению второго платежа за проданную ему продавцом долю в уставном капитале ООО «Маяк-Худяки» [5].

Пунктом 7.2. договора уступки (купли-продажи) долей в уставном капитале ООО «Маяк-Худяки» от 26.03.2009 предусмотрено, что в случае возникновения какого-либо спора между продавцом и покупателем, они должны приложить все усилия для урегулирования любых разногласий путем добросовестных переговоров на дружеской основе. Если продавец и покупатель не могут на

дружеской основе решить любой спор, возникающий из настоящего договора или нарушения, прекращения действия или недействительности этого договора, спор окончательно решается путем арбитража Международной торговой палатой в соответствии с ее арбитражным регламентом без обращения в суды общей юрисдикции. Местом арбитража является Париж, Франция. Арбитраж состоит из одного или нескольких арбитров. Язык арбитражного производства – английский. Пунктом 7.1. указанного договора определено, что этот договор регулируется и толкуется в соответствии с законодательством Украины, без учета каких-либо принципов коллизионного права.

Из содержания приведенных положений договора следует, что правом, которое будет применяться к отношениям, возникающим из настоящего договора, стороны определили право Украины.

Учитывая изложенное, коллегия судей считает ошибочным выводы суда апелляционной инстанции на основании нормы ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве» о ничтожности сделки по основаниям ее подчинения иностранному праву, так как речь идет о закреплении в договоре арбитражной оговорки.

**Выводы.** На сегодня проблемы обхода закона, его соотношения с принципом автономии воли сторон и злоупотребления правом являются объективно сложными и неоднозначными. Изучение отечественной судебной практики позволяет сделать вывод, что национальные суды редко применяют положения ст. 10 Закона Украины «О международном частном праве». В условиях активного развития и распространения частноправовых отношений, составляющих предмет отрасли международного частного права, исследование национальной судебной практики по применению института обхода закона является актуальным и требует дальнейшего изучения, а сложившаяся судебная практика – дополнительного исследования.

#### Список использованной литературы:

1. Балдинюк В.В. Питання обходу закону в кодифікаційних актах



з міжнародного приватного права. *Підприємництво, господарство і право*. 2007. № 5. С. 28–30.

2. Довгерт А.С., Кисіль В.І. Міжнародне приватне право. Загальна частина: підручник. Київ, 2012. 376 с.

3. Пільков К.М. Теорія і практика доказування у міжнародному комерційному арбітражі : монографія. Київ, 2016. 240 с.

4. Постанова Вищого господарського суду України від 12 червня 2012 року у справі № 58/383. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/24692423> (дата звернення: 09.12.2019).

5. Постанова Вищого господарського суду України від 15 квітня 2013 року у справі № 07/5026/1561/2012. URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/30738456> (дата звернення: 05.12.2019).

6. Постанови Пленуму Верховного Суду України від 24.10.2008 № 13 «Про практику розгляду судами корпоративних спорів» URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0013700-08> (дата звернення: 08.12.2019).

7. Про міжнародне приватне право: Закон України від 23.06.2005 р. *Відомості Верховної Ради України*. 2005. № 32. Ст. 422.

8. Цивільний кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. *Відомості Верховної Ради України*. 2003. № № 40-44. Ст.356.

9. Шульга А.М. Обхід закону як вид зловживання правом. *Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ*. 2010. №3. С. 11–20.

10. Landolt P. Arbitrators' Initiatives to Obtain Factual and Legal Evidence. *Arbitration International*. 2012. №28. 178–199 р.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Грамацкий Эрнест Мирчевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Gramatskiy Ernest Mirchevich** – PhD in Law, Associate Professor of Civil Law Department of Law Faculty of Taras Shevchenko National University of Kyiv;

[emg@gramatskiy.com](mailto:emg@gramatskiy.com)

УДК 347.4

## ЧАСОВЫЕ РАМКИ ЭФФЕКТИВНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

**Петр ГУЙВАН,**

кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины, профессор Полтавского института бизнеса

#### АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правовому анализу временных факторов осуществления отдельных регулятивных и охранительных субъективных прав лица. Отмечается принципиальное различие сроков реализации полномочий носителя в регулятивном режиме и при защите нарушенного права. Уделено внимание проблематике определенности реализации норм права во временном аспекте. Отмечена специфика правового регулирования обязательств в пользу третьего лица. В работе изучены правовая характеристика и сроки совершения действий третьего лица для приобретения прав кредитора. Изучены особенности регулирования отношений в связи с изменением срока действия обязательства, как регулятивного, так и охранительного. Установлено, что своевременное исполнение гражданского обязательства обеспечивает эффективность права, тогда как неоправданное затягивание и просрочка сводит на нет применение самой справедливой нормы права. Проанализированы доктринальные и практические подходы к гарантиям эффективности юридических актов. Представлены предложения по совершенствованию соответствующего юридического инструментария.

**Ключевые слова:** эффективность права, темпоральная определенность, сроки реализации права и исполнения обязательства.

#### HOURLY FRAME OF EFFECTIVE IMPLEMENTATION OF REGULATORY AND PROTECTIVE CIVIL RELATIONS

**Petr GUYVAN,**

PhD in Law, Honored Lawyer of Ukraine, Professor of the Poltava Institute of Business

#### SUMMARY

The article is devoted to the legal analysis of temporary factors of the implementation of individual regulatory and protective subjective rights of a person. A fundamental difference is noted in the terms for exercising the powers of the carrier in a regulatory regime and in protecting violated rights. Attention is paid to the problems of certainty of the implementation of the rule of law in a temporary aspect. The specificity of the legal regulation of obligations in favor of a third party is noted. The paper studies the legal characteristics and terms of a third party to acquire creditor rights. The features of regulation of relations in connection with a change in the duration of the obligation, both regulatory and protective, are studied. It is established that the timely fulfillment of a civil obligation ensures the effectiveness of the law, while unjustified delay and delay negates the application of the fairest rule of law. The doctrinal and practical approaches to guaranteeing the effectiveness of legal acts are analyzed. Proposals for improving the relevant legal tools are presented.

**Key words:** effectiveness of law, temporal certainty, terms of the implementation of the law and fulfillment of an obligation.

**Введение.** Правоотношения создают субъектам права конкретные социальные возможности для удовлетворения их определенных потребностей своими собственными действиями либо действиями других субъектов и представляют собой предусмотрен-

ное гипотезой юридической нормы идеологическое общественное отношение, которое выражается во взаимных юридических правах и обязанностях субъектов права. При этом материальное право, которое опосредует данные отношения, должно соответствовать



критериям ясности, ожидаемости, определенности и эффективности. Изменение идеологии приводит к необходимости внедрения в национальную правовую культуру новых идеалов и ценностей, обуславливающих реформирование отечественного законодательства. В этих условиях возникает потребность в разработке современных методологических подходов, которые бы позволили рассматривать право как один из важнейших элементов человеческого бытия [1, с. 4]. Вопрос эффективности правовых предписаний является весьма актуальным для Украины. Эффективность права как общественного явления включает весь комплекс вопросов, начиная от правопонимания, правотворчества, функций права, и заканчивая фактическим действием права и его прогнозированием.

В темпоральном измерении важными факторами, обеспечивающими надлежащую эффективность правовой нормы, является ее определенность, предсказуемость и своевременность. Ведь к негативным социальным последствиям может привести как запоздалое урегулирование законодательными предписаниями общественных отношений, которые давно имеют место, так и преждевременное закрепление в нормативных регулятивных актах отношений, которые еще не приобрели актуальность. Важно, чтобы концепт права был направлен своими смысловыми векторами в будущее. Для этого следует максимально ограничить обратное действие правовых норм во времени, гарантировать осведомленность общественности об их содержании (применять только обнародованные акты), обеспечить их справедливое правоприменение. Эффективность права – это соответствие фактических результатов реализации нормы права задекларированной цели [2, с. 369].

Обеспечение интересов и потребностей человека является главным назначением права, измерением его эффективности. Необходимость развития права реализуется на основе его взаимодействия с принятыми в обществе духовными ценностями и идеалами. А это возможно только при условии, если право соответствует социально-психологическим и культурно-историческим устоям общества [3, с. 48]. Общественная жизнь регла-

ментируется путем издания правовых актов и контроля за их реализацией. основополагающие правовые принципы реализуются, конечно, в системе правотворчества, но их эффективность проявляется в правоприменительной деятельности. Принципы права отражают правовые идеи. Именно через надлежащее применение правовых предписаний эти правовые идеи приобретают свою реализацию. Следовательно, понятие эффективности правовых норм связывается, прежде всего, с результативностью их применения. При этом эффективность тесно связана с критериями и условиями такого правоприменения. Так происходит как при практическом осуществлении регулятивных правоотношений, так и в пределах охранительного отношения. При этом значение последнего заключается в том, что защита нарушенного субъективного материального права происходит в рамках новых отношений, которые не существовали до правонарушения. Поэтому здесь особенно важными факторами являются прогнозируемость и предсказуемость охранительного реагирования лица на нарушения.

Собственно, в научной литературе была высказана мысль, что правовое регулирование сложившихся отношений обречено приобретать признаки эффективности. Неэффективное регулирование в принципе лишено смысла: нужно всеми способами стараться, и на уровне правотворчества, и на уровне правореализации, способствовать выработке действенных, эффективных механизмов правового воздействия. Масштабные катастрофические события прошлого века доказали реальность вреда, наносимого человеку вследствие тотального контроля со стороны власти, попытки государства регулировать не только социальное поведение, но и внутреннее, духовное в жизни личности. Причиненный ущерб иллюстрирует то, что эффективность права может иметь антиправовой характер и даже противоречить главной цели самого права – реализации принципов справедливости и гуманизма в общественной жизни [4, с. 40–41]. В свое время Гегель ввел определение «не права» как категории, противоположной праву. Под данным явлением он понимал волю властного субъекта,

направленную на демонстрацию произвольной власти, которая значительно дистанцируется от общественной воли и права. Поэтому «не право» формулировалось как видимость сущности, которая определяет себя как самостоятельное явление [5, с. 88–89]. Следовательно, вопрос эффективности права пересекается с проблематикой качества законодательства в контексте его направленности на обеспечение идей свободы, гуманности, справедливости и, в конце концов, на достижение необходимого баланса между положительным и моральным правом. В этом проявляется качество права и его тесная связь с эффективностью регулирования общественных отношений. Результативность правового воздействия определяется положительными последствиями для развития конкретной личности и общества в целом. Эффективность правового регулирования – это практическая сторона проявления категории «качество права». Реальное бытие норма права получает в процессе осуществления, взаимодействия с конкретными общественными отношениями. Вне практики эффективность правовой нормы не выявляется. Итак, эффективность права и его реальных свойств может рассматриваться как внешнее проявление качества права.

**Цель статьи.** Эффективность правового регулирования является достаточно важным показателем надлежащей и справедливой правовой системы. Вопрос эффективности юридического обеспечения тех или иных социально-правовых отношений рассматривали такие ученые, как В.А. Бачинин, Н.И. Козюбра, В.В. Завальнюк, С.А. Жинкин, Л.И. Петражицкий, Д.Гриценко, Л. Фуллер, А.Ф. Скакун, В.С. Нерсесянц, А.И. Хорошильцев и другие. Вместе с тем, целостной концепции по данной проблематике не наработано. Кроме того, в темпоральном аспекте вопрос эффективности законодательных положений практически не исследовался. Итак, целью и задачами статьи является изучение современных концепций об эффективности права, с акцентированием внимания на правоприменительной деятельности украинской системы. Понятие эффективности нормативных предписаний как социально-правового регулятора общественной жизни





оценивается в контексте их четкости, непротиворечивости, доступности и устремленности в будущее, что обеспечивает стабильность правового регулирования. Для более основательного познания предмета исследования анализируется правовой инструментарий, согласно которому органы государственной власти ограничиваются в своих действиях заранее установленными и объявленными правилами, которые дают возможность предсказать с большой точностью меры, которые будут применены представителями власти в той или иной ситуации, с учетом чего индивид может уверенно планировать свои действия.

В практике применения гражданско-правового института сроков был выявлен ряд спорных вопросов. В первую очередь, это касается проблем их исчисления, юридических последствий истечения отдельных периодов, порядка применения неопределенных сроков и тому подобное. Для их решения нужно применить общие концептуальные основы, наработанные цивилистической теорией, при этом учитывая реальную сущность фактических взаимоотношений. Такой подход позволит устранить противоречия и главное – искусственность правового регулирования отдельных отношений, не соответствующего их юридическому содержанию. Научное исследование темпоральных измерений реализации юридической возможности, заложенной в субъективном праве, составляет цель данной работы.

**Методы и использованные материалы.** В литературе юридический срок квалифицируется как объективно существующая взаимосвязь между явлениями правового порядка, которая проявляется в определенном количестве качественных изменений правовых явлений, выраженных в величинах календарного времени, всплывающих в определенной последовательности, и изменений, как результата взаимодействия правовых явлений друг с другом [6, с. 25]. По нашему мнению, такое определение имеет тот недостаток, что в нем происходит смешение понятий срока как правовой категории с теми последствиями, к которым приводит его истечение или наступление.

Гражданские правоотношения, субъективные права и обязанности их

участников также образуются, развиваются и прекращаются в течение определенного времени. Это время определяется либо в нормативном порядке, либо самими участниками отношений. Но в любом случае продолжительность тех или иных явлений, имеющих юридическое значение, отражает общественную потребность относительно проявления влияния времени на их существование. Действие гражданских прав и обязанностей во времени весьма существенно влияет на поведение участников отношений. Предоставляя субъективному праву или юридической обязанности темпоральную определенность, сроки тем самым способствуют упорядочению материальных взаимоотношений, ответственности и дисциплинированности их участников. Именно подобное регулирующее влияние времени на деятельность физических и юридических лиц обеспечивает его значимость и приемлемость.

Основным критерием эффективности правовой нормы является действенность ее практической реализации правоприменительными органами, следовательно, реальную эффективность определяют факторы, которые находятся в сфере правоосуществления. Сюда можно отнести обеспеченность тех или иных предписаний материальными и организационными ресурсами, соответствие норм общественной мысли, четкую работу правоприменительных органов и так далее [7, с. 30-31]. Собственно, эффективность юридического акта определяется его способностью влиять на общественные отношения в полезном для социума направлении. Иначе говоря, эффективность права определяется его осуществимостью, которая, в свою очередь, обусловлена общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью (например, беспрепятственностью связей материально-правовых и процессуальных норм), соответствием социальных целей норм и юридических средств их достижения, обеспеченностью права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов [8, с. 93]. В темпоральном смысле эффективность права достигается за счет надлежащего знания и владения методикой правовых процессов, которая позволяет ожидать надлежащего правоприме-

нения, прогнозировать результаты его, а значит, и будущее состояние правовой системы, предупредить негативные последствия, уменьшить возможные риски.

Итак, исходя из разграничения сфер правотворчества и правоприменения, происходит разрешающая оценка эффективности вынесения и реализации юридического акта. Каждое правовое предписание есть лишь возможность, которая должна реализоваться в той или иной степени. Следовательно, эффективность – это не особенность правового регулирования, а объективная возможность, которая для своего превращения в действительность требует соблюдения ряда правил. В процессе правотворчества можно говорить только о прогнозируемой, потенциальной эффективности. При осуществлении соответствующей нормы проявляется ее реальная эффективность. Она может быть выше прогнозируемой (при этом на эффект, произведенный нормой, влияют обстоятельства, действие которых законодатель не учел или недооценил). Впрочем, на практике чаще действительно эффективность правовой нормы ниже той, к которой стремился правосоздатель [9 с. 58]. В практической плоскости принцип эффективности права получил широкое воплощение в практике Европейского суда по правам человека. Отстаиваемый ЕСПЧ принцип эффективности права состоит в том, что стороны по делу имеют право представить замечания, которые они считают важными. Это право можно считать эффективным только при условии, что замечания были «заслушаны», то есть соответственно рассмотрены судом. Так что «суд» должен проводить надлежащее рассмотрение представленных документов и доказательств, а также приведенных сторонами аргументов (дело “*Kraska v. Switzerland*” (Краска против Швейцарии) [10, п. 30]. Следовательно, вопрос реализации принципа справедливости судебного разбирательства является достаточно сложным и дискуссионным, при этом следует четко разграничивать вопросы справедливости судебного процесса и правильности или ошибочности судебного решения [11, с. 360].

Нарушение этих требований справедливого процесса как следствие при-





водит к принятию незаконного решения. Так, в решении ЕСПЧ по делу «Бендерский против Украины» установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 года в связи с тем, что национальные суды не рассмотрели ссылки заявителя на показания врача, который наблюдал за ним после операции на мочевом пузыре, хотя последние были важными для правильного разрешения дела по иску заявителя к частной больнице о расторжении договора о предоставлении медицинской помощи и возмещения вреда, причиненного в результате операции, проведенной ответчиком. Как указывает Суд, такое нарушение заключается в том, что определенный довод истца был если не решающим, то по крайней мере, очень важным для разрешения спора и требовал, таким образом, особой и четкой реакции судов. При отсутствии какой-либо реакции на такой аргумент Суд считает, что украинские судебные органы не обеспечили заявителю право на справедливое судебное разбирательство в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции, таким образом, имело место нарушение этого положения [12 п. 46, 47]. Следовательно, отказ суда принять во внимание фактические обстоятельства дела, которые были значимыми в разрешении спора, может повлечь нарушение статьи 6 п. 1. К сожалению, украинские суды достаточно часто пренебрегают указанными принципиальными основами. Скажем по делу № 553/1254/16-ц суды, как местный, так и апелляционный и кассационный, не приняли во внимание показания многочисленных свидетелей факта, что нарушение Правил пользования электрической энергией истцом (самовольное подключение к сети) продолжалось один час. В то же время суды без каких-либо доказательств признали истинность утверждений ПАО «Полтаваоблэнерго», что самовольное открытое подключение продолжалось 339 дней [13]. Жаль, что последнее решение по данному делу недавно принял вновь созданный Верховный Суд. Как видим, данному органу также характерно игнорирование европейских принципов определенности и эффективности права.

В плоскости темпорального регулирования справедливого судопро-

изводства эффективность правовой нормы связана с разумной продолжительностью судебного разбирательства и исполнения окончательных судебных вердиктов. Требуя соблюдения принципа разумности сроков процесса, Конвенция о защите прав человека и основных свобод интерпретируется Европейским судом, как инструмент, который подчеркивает, что правосудие не справляется с опозданием, способным скомпрометировать его эффективность и правдоподобие [14 п. 38]. При этом указанный принцип охватывает не только инструментарий осуществления своевременного правосудия, но и применяется для регламентации соответствующих поступков участников процесса. К примеру, в решении ЕСПЧ по делу «Пономарев против Украины» указано, что стороны в разумных интервалах времени должны принимать меры, чтобы узнать о состоянии известного им судебного производства. Если ответчик надлежащим образом уведомлен судом о времени и месте рассмотрения спора с его участием, считается, что он реализовал свое право на непосредственное участие в судебном заседании. И у него было достаточно времени для представления доказательств и обоснования его возражения и опровержения иска [15, п. 41].

Необходимо отметить, что украинская правоприменительная система в данном отношении достаточно уверенно воспринимает отдельные европейские принципы. В частности, сейчас урегулирован вопрос, который еще недавно был весьма актуальным по срокам обращения в суд для прокурора. Ранее считалось, что давность для искового заявления прокурора должна исчисляться с момента, когда он сам лично узнал о нарушении права лица, для защиты которого он обращается в суд. Сейчас подход изменился, и общие процессуальные требования признаются обязательными для всех участников процесса, следовательно, положение закона о начале течения срока обращения в суд распространяется и на обращения прокурора в суд для защиты интересов лица. Принимая постановление № 6-178цс15, Верховный Суд Украины применил к спорным правоотношениям статьи 256, 261 ГК Украины, статью 361 Закона Украины «О прокуратуре» и пришел

к выводу, что прокурор, участвующий в деле, исполняет обязанности и пользуется правами стороны, кроме права на заключение мирового соглашения. Поэтому положения закона о начале течения исковой давности распространяются и на обращение прокурора в суд с заявлением о защите государственных интересов. Принимая решение по делу, суд предыдущей инстанции не учел положения закона и пришел к ошибочному выводу о начале течения исковой давности со дня обнаружения прокурором нарушений земельного законодательства при осуществлении прокурорской проверки [16].

А вот с подготовкой дела к рассмотрению, проведению процесса и выполнению окончательных решений в разумный срок украинское правосудие справиться никак не может. Суды должны готовить гражданские дела к судебному разбирательству и рассматривать их в установленные для этого сроки. Верховный Суд Украины обращал внимание судей на необходимость повышения личной ответственности за своевременное и качественное рассмотрение судебных дел, имея в виду, что полное, всестороннее и объективное рассмотрение дел с соблюдением установленных законом сроков является их обязанностью [17, п. 1]. В тех случаях, когда законом установленный срок рассмотрения дела исчисляется со дня поступления заявления, подготовка дела должна быть закончена с таким расчетом, чтобы оно было рассмотрено в этот срок с соблюдением правил о сроках вручения повестки о вызове в суд, если иное не вытекает из закона. К сожалению, де-факто сегодня практически все судебные дела рассматриваются со значительным превышением установленных для этого сроков, иногда годами, причем большинство таких проволочек являются неоправданными.

Следует отметить, что ЕСПЧ последовательно указывает на невозможность применения необнародованных правовых актов. Подобное их использование будет неэффективным, потому что нарушается принцип ожидаемости и предсказуемости, что делает невозможным прогнозирование своего поведения лицом. При этом следует учитывать и моральные обязанности законодателя относительно обнародования своих актов. Об этом указывает



в своей работе «Нравственность права» Лон Фуллер. «Например, обычай может определять, какого типа обнародование законов ожидается, одновременно оставляя неясным, какими последствиями будет сопровождаться отступление от принятого способа публикации. Предоставление официальной формы требованиям публичности имеет несомненные преимущества над усилиями, не направленными в определенное русло, даже если они прилагаются разумно и добросовестно. Формализованный стандарт промульгации не только говорит законодателю, где публиковать законы; он также сообщает лицу (или юристу, который представляет его интересы), куда надо обращаться, чтобы узнать о содержании закона. Можно предположить, что принципиальные требования, которые осаждают законы с обратной силой, могут очень легко приобрести официальную форму простого правила, по которым ни один такой закон не будет приниматься или не будет введен в силу. Однако такое правило сделало бы медвежью услугу делу законности. Интересно, что одно из якобы очевидных требований законности – норма, принятая сегодня, должно регламентировать то, что будет происходить завтра, а не то, что происходило вчера, – превращается в одну из самых сложных проблем всей внутренней морали права» [18, с. 47–48].

Действительно, нетрудно признать серьезность проблемы эффективности реализации норм права при применении законодательства «задним числом». ЕСПЧ указывает, что ретроспективность гражданского законодательства категорически не запрещена нормами Конвенции. Тем не менее, когда вопрос касается эффективного средства правовой защиты, это средство должно существовать с достаточной степенью определенности. Учитывая это Суд считает, что применение обратного во времени гражданского процессуального законодательства будет нарушать принцип юридической определенности и несовместимым с нормами закона, если он лишает лицо доступа к средствам правовой защиты, которые должны быть эффективными согласно положениям п. 1 статьи 35 Конвенции [19 п. 28-30]. Подобный подход применяется и тогда, когда принятие соответствующего акта в течение конкретного процесса лиша-

ет производства юридической силы. Законы должны быть изданы к началу производств или после их завершения. В любом случае нормативный акт должен иметь переходный адаптационный период.

Из изложенного можем сделать определенные **выводы**. Если субъективное право – это предоставленная гражданским законом мера возможного поведения уполномоченного лица (право на собственные действия) и право требовать конкретного поведения от других лиц, то социальная ценность такого права проявляется в реальности его осуществления для удовлетворения потребностей правообладателя. Сложившаяся цивилистическая традиция определяет указанное понятие «мера» не как количественный показатель, характеризующий объем правомочий лица, а как обозначение границ, в которых может действовать уполномоченный субъект. Учитывая это, приведенное классическое определение субъективного права, по нашему мнению, должно учитывать все предусмотренные законом критерии правомерного поведения личности и, в частности, установленные сроки для совершения соответствующих действий. Следовательно, как важный вывод, осуществление субъективного права возможно лишь при условии, что оно происходит в пределах установленных для этого сроков. Итак, главное назначение гражданско-правовых сроков заключается в том, что они призваны обеспечить определенность отношений, в первую очередь по отношению к объему полномочий или обязанностей субъектов в тот или иной период или момент. И именно благодаря такой определенности у носителя права или обязанности появляется стимул к конкретным материально значимым действиям.

#### Список использованной литературы:

1. Завальнюк В.В. Антропологічне осягнення правової реальності: юриспруденція на перетині епох : [моногр.]. Одеса : Юрид. л-ра, 2012. 208 с.
2. Рабинович П.М. Эффективність права. Юридична енциклопедія: у 6 т. / за ред. Ю. С. Шемшученка [та ін.]. Київ.: Укр. енцикл, 1999. Т. 2. С. 369–370.

3. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис ... докт. философ. наук. Ставрополь, 2003. 377 с.

4. Завальнюк В.В. Эффективність права: антропологічний та євро інтеграційний аспекти. *LEX PORTUS*. 2017. № 1(3). С. 39–49.

5. Гегель Г.В.Ф. Основы философии права, або Природне право і державознавство ; пер. з нім. Р. Осадчука та М. Кушніра. Київ : Юніверс, 2000. 336 с.

6. Щербаков О.В. Понятие юридического срока и его процессуальный режим. Проблемы совершенствования законодательства Украины и практики его применения. Краткие тезисы докл. и науч. сообщ. межрегиональной научной конференции молодых ученых и соискателей. Харьков : УЮА, 1991. С. 22–26.

7. Жинкин А.В. Некоторые проблемы видов эффективности норм права. *Журнал российского права*. 2004. №2. С. 30–33.

8. Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. Москва : ИКД «Зерцало-М», 2002. 288 с.

9. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : Издательство ленинградского университета, 1973. 115 с.

10. Решение ЕСПЧ от 19 апреля 1993 года по делу «Краска против Швейцарии» (Kraska v. Switzerland), заявл. № 13942/88, URL: <http://echr.ketse.com/doc/13942.88-en-19930419/>.

11. Трегубов Е.Л. Право на справедливый суд у практиці європейського суду з прав людини. *Форум права*. 2010. № 1. С. 358–363.

12. Решение ЕСПЧ от 15 ноября 2007 года по делу «Бендерский против Украины», заявл. №22750/02, URL: [http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/974\\_313](http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/974_313).

13. Дело № 553/1254/16-ц. Архив Ленинского районного суда г. Полтава за 2016 год.

14. Решение ЕСПЧ от 20 февраля 1991 года по делу «Вернилло против Франции» (Vernillo v France), заявл. № 11889/85. URL: <http://echr.ketse.com/doc/11889.85-en-19910220/>.

15. Решение ЕСПЧ от 3 апреля 2008 года по делу «Пономарев про-



тив України», заявл. № 3236/03.  
URL: [http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/974\\_434](http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/974_434).

16. Постанова Верховного Суду України від 1 липня 2015 року у справі № 6-178цс15. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/46301621>.

17. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про строки розгляду судами України кримінальних і цивільних справ» від 01.04.94. №3. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0003700-94>.

18. Fuller L. The Morality of Law. Yale University Press, 1969. 262 p.

19. Решение ЕСПЧ от 28 марта 2006 года по делу «Мельник против Украины», заявл. № 23436/03, URL: [http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/974\\_037](http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/974_037).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Гуйван Петр Дмитриевич** – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Украины, профессор Полтавского института бизнеса;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Guyvan Petr Dmitriyevich** – PhD in Law, Honored Lawyer of Ukraine, Professor of the Poltava Institute of Business;

[lawjur01@rambler.ru](mailto:lawjur01@rambler.ru)

УДК 346.93:347.962.3 (477)

## ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ ИНСТИТУТА СУБСИДАРИЙНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМ УКРАИНЫ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

**Артем ДАНИЛОВ,**

адвокат, арбитражный управляющий,  
аспирант кафедры хозяйственного права и процесса  
Национального университета «Одесская юридическая академия»

#### АННОТАЦИЯ

Институт субсидиарной ответственности в процедурах несостоятельности (банкротства) является важнейшим правовым инструментом, призванным обеспечить защиту прав и имущественных интересов кредиторов неплатежеспособного должника. Надлежащее правовое регулирование данного института является необходимой предпосылкой его эффективного использования субъектами правоприменительной деятельности (судами, арбитражными управляющими, кредиторами). В данной работе проведен сравнительный анализ института субсидиарной ответственности в процедурах банкротства в Украине и Республике Молдова, основываясь на общности исторических предпосылок развития, структур и источников права, сходства понятийно-юридического аппарата обоих государств.

**Ключевые слова:** несостоятельность, банкротство, субсидиарная ответственность, арбитражный управляющий.

## GENERAL FEATURES AND DIFFERENCES OF THE INSTITUTION OF SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS UNDER THE LAWS OF UKRAINE AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA

**Artem DANILOV,**

Lawyer, Arbitration Manager,  
Postgraduate Student of the Department of Economic Law and Process  
of the National University "Odessa Law Academy"

#### SUMMARY

The Institute of Subsidiary Liability in insolvency (bankruptcy) procedures is an important legal instrument designed to protect the rights and property interests of creditors of an insolvent debtor. Proper legal regulation of this institution is a necessary prerequisite for its effective use by law enforcement entities (courts, arbitration managers, creditors). In this work, a comparative analysis of the institution of subsidiary liability in bankruptcy procedures in Ukraine and the Republic of Moldova is carried out, based on the common historical background of development, structures and sources of law, the similarity of the conceptual and legal apparatus of both states.

**Key words:** insolvency, bankruptcy, subsidiary liability, arbitration manager.

**Введение.** Предметом исследования настоящей статьи является правовое регулирование института привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства по законодательству Украины и Республики Молдова, их сравнительная характеристика. Объект исследования – комплекс правоотношений, возникающий вследствие привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства.

**Цель статьи.** Основной целью данной работы является исследование порядка привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с законодательством о банкротстве Украины и Республики Молдова. При сравнительном анализе законодательств обоих государств ставится цель – выявить положительные черты и недостатки в регулировании механизма привлечения к субсидиарной ответственности



в судебных процедурах банкротства и на этом основании разработать обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства о банкротстве.

**Методы и использованные материалы.** При написании статьи использованы следующие теоретические методы исследования: диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой, теоретико-прогностический. Также использовались нормативно-правовые акты Республики Молдова и Украины, которыми регламентирован порядок привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах несостоятельности (банкротства).

Вопросы, связанные с привлечением лиц к субсидиарной ответственности в процедурах несостоятельности, на территории Республики Молдова урегулированы Законом Республики Молдова «О несостоятельности» № 149 от 29.06.2012 г. [1] (далее – ЗНРМ). ЗНРМ выделяет три вида субсидиарной ответственности: 1. за умышленное доведение должника до несостоятельности (ч. 1 ст. 15 ЗНРМ); 2. за неподачу (несвоевременную подачу) в суд искового заявления об открытии процедуры несостоятельности (ст. 14 ЗНРМ); за не передачу временно управляющему финансово-хозяйственной документации (ст. 27 ЗНРМ).

Кодексом Украины процедур банкротства № 2597-VIII от 18.10.2018 г. [2] (далее – КПБ), которыми урегулированы правоотношения в сфере неплатежеспособности юридических и физических лиц, также установлена юридическая ответственность применительно ко всем вышеописанным ситуациям, однако с некоторыми отличиями. Так, при несвоевременном обращении должника с заявлением в суд об открытии процедуры банкротства в случае наступления угрозы неплатежеспособности руководитель должника привлекается к солидарной ответственности (ч. 6 ст. 34 КПБ). За не передачу имущества и финансово-хозяйственной документации должника предусмотрена административная ответственность в виде штрафа от пятисот до одной тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан (ст. 166-16 КУоАП [3]).

Следует отметить, что привлечение виновных лиц к административной

ответственности не препятствует возможности привлечения к субсидиарной ответственности при наличии для этого оснований, предусмотренных КПБ. Данное утверждение основывается на том обстоятельстве, что в соответствии со ст. 61 Конституции Украины [4] за совершение одного правонарушения не допускается привлечение к ответственности одного вида. Не углубляясь в вопрос о том, является ли субсидиарная ответственность самостоятельным видом юридической ответственности, наряду с классически выделяемыми юридической наукой дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной, отметим лишь то, что постановление суда о привлечении к административной ответственности за незаконные действия в банкротстве может иметь преюдициальное значение при рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности, поскольку последним уже установлена вина субъекта в совершении противоправных деяний.

ЗНРМ дифференцирует круг лиц, в отношении которых в процедурах несостоятельности может ставиться вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности, в зависимости от характера допущенного ими правонарушения. Так, согласно ст. 10, ч. 4 ст. 14 ЗНРМ на должника возлагается обязанность обратиться в суд с иском о несостоятельности должника (общее основание); 2. чрезмерной задолженности должника в случае, если должник является юридическим лицом, ответственность которого по требованиям кредиторов ограничена его имуществом (особое основание); 3. если полное удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов, срок исполнения которых наступил, может привести к невозможности полного удовлетворения требований других кредиторов при наступлении срока их исполнения; 4. в ходе ликвидации юридического лица, осуществляемой в соответствии с другими законами, становится очевидно, что оно не имеет возможности полностью удовлетворить требования кредиторов.

В случае нарушения должником вышеуказанной обязанности, к субсидиарной ответственности могут быть

привлечены следующие категории лиц: 1. лицо, обладающее в соответствии с действующим законодательством правом представления должника; 2. пайщики с неограниченной ответственностью; 3. ликвидаторы должника (ч. 4 ст. 14 ЗНРМ).

Наряду с этим, в случаях установления факта умышленной несостоятельности должника к субсидиарной ответственности могут быть привлечены: 1. учредители (члены) должника; 2. члены исполнительного органа должника; 3. другие лица, имеющие право давать указания, обязательные для исполнения должником, либо могущие иным способом оказывать влияние на действия должника (ч. 1 ст. 15 ЗНРМ). В последнем случае к субсидиарной ответственности виновные лица привлекаются в качестве солидарных должников.

Примечательно, что основания привлечения к субсидиарной ответственности двух вышеуказанных категорий лиц в процедуре несостоятельности могут иметь место одновременно. Например, в случае довольно распространенной на практике ситуации, когда несостоятельность должника возникла вследствие умышленных действий учредителей и директора, а назначенный ими впоследствии ликвидатор не предпринял своевременных действий по обращению в суд с иском о несостоятельности, преследуя цель исключить возможность оспаривания заключенных должником сделок в подозрительный период по основаниям истечения срока для их оспаривания.

В связи с этим возникает вопрос о распределении между виновными лицами бремени и размере имущественной ответственности перед кредиторами, поскольку, неся субсидиарную ответственность, часть этих лиц является солидарными должниками, а часть таковыми не является. Применительно к указанному выше примеру это означает, что если в процедуре несостоятельности нанесенный кредиторам ущерб взыскивается за счет ликвидатора, последний не приобретает права регрессного требования возмещенных убытков к учредителю и директору, поскольку в соответствии с положениями ст. 544 Гражданского кодекса Респуб-





блики Молдова [5], таким правом наделяется исключительно солидарный должник по отношению к остальным солидарным должникам.

Отметим, что указанные в ст.ст. 14, 15 ЗНРМ квалифицирующие признаки лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, носят довольно общий характер, ввиду чего допускают смешение обеих категорий. Например, согласно ст. 61 Гражданского кодекса Республики Молдова члены исполнительного органа должника наделяются правом представления должника, что в равной степени позволяет отнести их как к категории лиц, указанных в ч. 4 ст. 14 ЗНРМ, так и к категории лиц, указанных в ч. 1 ст. 15 ЗНРМ.

Украинское законодательство предусматривает возможность привлечения к субсидиарной ответственности следующих категорий лиц: 1. учредители (участники, акционеры) должника; 2. руководитель должника; 3. иные лица, имеющие право давать обязательные для должника указания, либо имеют возможность иным образом определять его действия (ст. 61 КПБ). Определяющими критериями, позволяющими рассматривать вопрос о привлечении конкретных лиц к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства, будет: а. наличие возможности определять действия юридического лица; б. доказанность вины лица в доведении должника до банкротства. В качестве исключения можно назвать диспозицию ч. 4 ст. 31 Закона Украины «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» [6], согласно которой вина членов исполнительного органа общества в причинении убытков кредиторам презюмируется, кроме случаев, если они докажут, что своевременно выполнили возложенную на них законом обязанность проинформировать общее собрание участников об ухудшении финансовых показателей общества.

В ряде случаев законодательство Украины не наделяет учредителей правом принимать участие в управлении созданным ими юридическим лицом (ч. 1 ст. 101 Гражданского кодекса Украины [7], ч. 7 ст. 7 Закона Украины «О гражданских объединениях» [8]). Общеизвестны и распространены в практике случаи, когда фактическое управление предприятием осуществ-

ляется лицами, не состоящими с ним в каких-либо правоотношениях. В связи с этим представляется, что основополагающим критерием, в соответствии с которым должна определяться возможность привлечения лица к субсидиарной ответственности, является именно возможность такого лица влиять (определять) действия юридического лица, независимо от его правового статуса (бенефициар, участник, акционер, член исполнительного органа и т.п.). Данная возможность традиционно определяется посредством использования понятия «контроль», широко применяемого как в национальном законодательстве Украины в области конкурентного [9], банковского [10], корпоративного [11] законодательства, так и в актах Европейского союза [12] и его институций [13].

В связи с этим, с целью соблюдения принципа правовой определенности, представляется целесообразным введение в законодательство о банкротстве понятия «контролирующие должника лица», которое консолидирует в себе признаки всех групп лиц, в отношении которых в процедурах банкротства может ставиться вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности.

Согласно ЗНРМ правом инициировать привлечение виновных лиц к субсидиарной ответственности наделяется управляющий/ликвидатор (ст. 66 ЗНРМ). На него же закон возлагает обязанность изучения деятельности должника, в отношении которого возбуждается процесс несостоятельности, в соотношении с фактической ситуацией и составление подробного отчета о причинах и обстоятельствах, приведших к несостоятельности, с указанием лиц, которым эти причины и обстоятельства могут вменяться в вину, и предпосылок для привлечения данных лиц к ответственности в предусмотренном законом порядке, представление этого отчета судебной инстанции, рассматривающей дело о несостоятельности, в установленный ею срок. Размер ответственности виновных лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, определяется как разница между стоимостью имущества и размером требований кредиторов (ст. 15 ЗНРМ).

Схожий порядок установлен и КПБ, в соответствии с которым пра-

вом предпринимать меры по привлечению лиц к субсидиарной ответственности наделяется управляющий санацией (ст. 50 КПБ) и ликвидатор (ст. 61 КПБ). Следует отметить, что законом достаточно не двузначно определено право ликвидатора заявлять требования к третьим лицам, которые в соответствии с законодательством несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника в связи с доведением его до банкротства. Не так однозначно выглядит ситуация с полномочиями управляющего санацией. Из буквального содержания ч. 6 ст. 50 КПБ следует, что управляющий санацией обязан осуществлять меры по взысканию в пользу должника дебиторской задолженности, а также задолженности с лиц, которые в соответствии с договором или законом несут с должником солидарную или субсидиарную ответственность.

Используемое в диспозиции данной нормы словосочетание «несут с должником солидарную или субсидиарную ответственность» описывает ситуацию, при которой должник и иные лица являются солидарными или субсидиарными должниками по отношению к третьим лицам. Однако такая интерпретация абсурдна, поскольку возлагает на управляющего санацией обязанность взыскивать задолженность в пользу должника с неких лиц, обязательства которых действуют в отношении третьих лиц, а не должника.

По всей видимости, в данном случае имеет место недостаток законодательной техники, и на самом деле законодатель предполагал иной смысл данной правовой нормы. Более вероятно, что данные правовые положения следует толковать таким образом, что управляющий санацией должен взыскивать в пользу должника дебиторскую задолженность с его контрагентов, а также с иных лиц, которые вместе с такими контрагентами несут солидарную или субсидиарную ответственность перед должником.

Однако и при таком толковании отличие используемых в ст. 50 и ст. 61 КПБ формулировок не позволяет сделать однозначный вывод о том, можно ли отнести лиц, виновных в доведении должника до банкротства, к категории лиц, которые в соответствии с законом несут субсидиарную



ответственность с должником, либо указанные правовые нормы предполагают различные категории лиц. Таким образом, выяснить вопрос о возможности управляющего санацией инициировать вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, виновных в банкротстве должника, из буквально-го содержания ст. 50 КПБ не представляется возможным.

При решении данного вопроса следует исходить из того, что установленный ч. 2 ст. 51 КПБ перечень способов восстановления платежеспособности должника, которые может предусматривать план санации, не является исчерпывающим, на что указывает словосочетание «иные меры по восстановлению платежеспособности должника». В связи с этим обосновано будет предположить, что планом санации может быть предусмотрено в качестве одной из мер по восстановлению платежеспособности должника привлечение к субсидиарной ответственности лиц, виновных в доведении должника до банкротства. При таких обстоятельствах представляется целесообразным определить полномочия управляющего санацией, указанные в ч. 5 ст. 50 КПБ в части привлечения к субсидиарной ответственности, идентично полномочиям ликвидатора, указанным в ст. 61 КПБ. А именно, необходимо предусмотреть право управляющего санацией заявлять требования к третьим лицам, которые в соответствии с законодательством несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника в связи с доведением его до банкротства.

Немаловажным фактором успешной реализации института субсидиарной ответственности является наличие материальной заинтересованности арбитражного управляющего. Необходимым условием этого может быть установление в законе такого механизма распределения средств, вырученных в результате привлечения к субсидиарной ответственности, при котором арбитражный управляющий получал бы определенный процент от взысканных средств. В противном случае работа по привлечению виновных лиц к субсидиарной ответственности будет просто игнорироваться арбитражным управляющим. Следует обратить внимание также на возможные риски

коррупционного характера, связанные с нелегальным материальным стимулированием заинтересованными лицами за неподачу арбитражным управляющим в суд заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, либо подачу заведомо необоснованных заявлений, не подкрепленных надлежащими средствами доказывания.

В этом контексте следует отметить несовершенство как украинского, так и молдавского законодательства о банкротстве, которыми не предусмотрено каких-либо материальных стимулов, позволяющих сделать эффективным процесс привлечения виновных лиц к субсидиарной ответственности. Более того, в ч. 2 ст. 61 КПБ предусмотрено ограничительное условие, в соответствии с которым взысканные в порядке привлечения к субсидиарной ответственности суммы включаются в состав ликвидационной массы и могут быть использованы исключительно для удовлетворения требований кредиторов. Очевидно, что такой подход не обеспечивает надлежащего стимулирования арбитражного управляющего к проведению эффективных мер по привлечению виновных лиц к субсидиарной ответственности.

**Выводы.** Исходя из проведенного исследования, представляются перспективными следующие направления усовершенствования законодательства в части регулирования процедуры привлечения к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве:

1. Введение в закон определения понятия контролирующих лиц, которое бы содержало признаки и характеристики, объединяющие в одну категорию лиц, в отношении которых в процедурах банкротства может ставиться вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности;

2. Перенос бремени доказывания вины в доведении должника до банкротства с арбитражного управляющего на контролирующих лиц (прежде всего собственника, бенефициара, членов исполнительного органа и иных лиц, которые в силу правоотношений, основанных на представительстве, имеют возможность действовать от имени должника и/или определять его поведение);

3. Установление презумпции вины контролирующих должника лиц

в заключении сделок в подозрительный период, которые были в последующем признаны недействительными в процедуре банкротства по специальным, либо общегражданским основаниям;

4. Разработка и включение в закон действенных правовых механизмов выявления и привлечения к субсидиарной ответственности бенефициаров юридического лица, управление которым осуществляется посредством номинальных акционеров (офшоров, трастов);

5. Установление в законе материальных стимулов для арбитражного управляющего, гарантирующих частичное распределение средств, вырученных от привлечения к субсидиарной ответственности в пользу арбитражного управляющего.

#### Список использованной литературы:

1. Закон Республики Молдова «О несостоятельности» № 149 от 29.06.2012 г. URL: <http://lex.justice.md/ru/344788/>.
2. Кодекс Украины процедур банкротства. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2597-19>.
3. Кодекс Украины об административных правонарушениях № 8073-X от 07.12.1984 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.
4. Конституция Украины от 28.06.1996 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
5. Гражданский кодекс Республики Молдова № 1107 от 06.06.2002 г. URL: <http://lex.justice.md/ru/325085/>.
6. Закон Украины «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» № 2275-VIII от 06.02.2018 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2275-19>.
7. Гражданский кодекс Украины № 435-IV от 16.01.2003 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.
8. Закон Украины «О гражданских объединениях» № 4572-VI от 22.03.2012 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4572-17>.
9. Закон Украины «О защите экономической конкуренции» № 2210-III от 11.01.2001 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2210-14>.
10. Закон Украины «О банках и банковской деятельности»



№ 2121-III от 07.12.2000 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2121-14>.

11. Закон Украины «Об акционерных обществах» № 514-VI от 17.09.2008 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/514-17>.

12. Директива 2006/48/ЕС Европейского парламента и Совета об учреждении и осуществлении деятельности кредитных учреждений от 14.06.2006 г. URL: [https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994\\_862/ed20090916/find?text=%CA%EE%ED%F2%F0%EE%EB%FC](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_862/ed20090916/find?text=%CA%EE%ED%F2%F0%EE%EB%FC).

13. Стандартные положения и условия Европейского банка реконструкции и развития февраль 1999 г. URL: [https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/985\\_001/ed19990201/find?text=%CA%EE%ED%F2%F0%EE%EB%FC](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/985_001/ed19990201/find?text=%CA%EE%ED%F2%F0%EE%EB%FC).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Данилов Артем Иванович** – адвокат, арбитражный управляющий, аспирант кафедры хозяйственного права и процесса Национального университета «Одесская юридическая академия»;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Danilov Artem Ivanovich** – Lawyer, Arbitration Manager, Postgraduate Student of the Department of Economic Law and Process of the National University “Odessa Law Academy”

УДК 343.98: 122

## ПОНЯТИЕ «ДЕТЕРМИНИЗМ»: МЕЖДИЦИПЛИНАРНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

**Евгения ДЕМИДОВА,**

кандидат юридических наук,

доцент кафедры криминалистики

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

#### АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие и признаки детерминизма. Сформулировано его авторское определение. Обосновано, что зависимость следует признавать обобщающим признаком детерминации исключительно в причинно-следственных отношениях. Установлено, что наличие зависимости между явлениями не является гарантом наличия детерминации. В работе утверждается, что детерминация характеризуется таким обобщающим признаком, как «связь» между явлениями или процессами, которая может быть односторонней, двусторонней или многосторонней. При этом причинно-следственным отношениям присуща, как правило, двусторонняя связь (зависимость) между причиной и следствием.

**Ключевые слова:** детерминизм, детерминационное отношение, зависимость, случайность, возможная зависимость.

#### THE CONCEPT OF “DETERMINISM”: INTERDISCIPLINARY AND CRIMINALISTIC PROBLEMS OF DEFINITION

**Evgeniya DEMIDOVA,**

Candidate of Law Sciences,

Associate Professor of the Department of Criminalistics  
of Yaroslav Mudryi National Law University

#### SUMMARY

The concept and features of determinism are considered in the article. The author's definition is formulated. It is substantiated that dependence should be recognized as a generalizing feature of determination exclusively in causal relationship. It is established that the existence of a dependence between phenomena is not a guarantee of the presence of determination. Determination is characterized by such a generalizing attribute as a “connection” between phenomena or processes, which can be one-sided, two-sided, or other multilateral. Moreover, no less than a two-way relationship (dependence) between cause and effect are inherent, as a rule, to causal relationships.

**Key words:** determinism, determination relation, dependence, accident, possible dependence.

**Постановка проблемы.** На протяжении нескольких веков среди философов, физиков, математиков, криминалистов и представителей иных наук и дисциплин продолжается дискуссия относительно понятия «детерминизм» и понимания его содержания. Особую актуальность приобретает этот вопрос в условиях научно-технического прогресса и появления новых или модернизированных преступлений, необходимости усовершенствования криминалистических знаний при расследовании преступлений и установлении связи происшедших, происходя-

щих, а также прогнозируемых явлений и процессов (событий).

**Актуальность темы исследования.** Детерминизм, признаваемый важнейшим мировоззренческим учением, в условиях научно-технического прогресса остается актуальной проблемой многих наук и дисциплин, в том числе предметом (составной частью предмета) которых является расследование преступлений и установление связи происшедших, происходящих или прогнозируемых явлений и процессов (событий). Вместе с тем, до сих пор отсутствует общепринятое восприятие



понятий «детерминизм», «детерминация» с присущей им терминологической неоднозначностью и многовариантностью понимания, в том числе детерминационного отношения.

**Состояние исследования.** Понятие детерминации считают одним с наиболее спорных в неклассической и постклассической философии [1, с. 189; 190]. Исследователями в сфере других наук и дисциплин предлагаются различные трактовки детерминизма и его признаков, что требует их рассмотрения и анализа с целью наращивания, а также углубления научных знаний относительно парадигмы детерминизма.

**Цель и задача статьи** состоит в рассмотрении различных научных позиций относительно понятия «детерминизм» и формулирование его определения в авторском понимании.

**Изложение основного материала.** Преступление как таковое невозможно исследовать без учета таких философских категорий, как детерминизм и причинность [2, с. 165]. При этом помним, что первые представления о связи между явлениями и событиями базируются на повседневной жизни людей, отраженной в древнем изречении: ничто не возникает из ничего и не превращается в ничто, то есть все происходящее представляется детерминированным, обусловленным.

Однако, подчеркивая важность детерминизма для расследования преступления, некоторые криминалисты подменяют детерминизм понятием причинности. Так, О.П. Грибунов напоминает, что детерминизм означает всеобщую обусловленность явлений и процессов, в основе которой лежит причинная производительность, где одно событие порождает другое [3, с. 53]. Является ли обоснованным такое понимание взаимосвязи детерминизма и причинности? Ответ на этот вопрос попытаемся сформулировать в процессе проведенного исследования.

В публикациях философов представляются такие определения детерминизма: «существование универсальной взаимосвязи и отрицание существования каких-либо явлений и вещей вне этой универсальной взаимосвязи» [4, с. 8]; «отношение, выражающее зависимость вещей (свойств вещей, отношений между ними, событий, процессов, состояний) в их суще-

ствовании и изменении от любых факторов» [5, с. 44, 45].

Исходя из того, что для абстрактных объектов вместо сущности естественнее говорить о некоторой совокупности основных признаков, И.В. Шаталович видит под содержанием идеи детерминизма совокупность (систему) признаков, восходящих к категориям: необходимости, причинности, обусловленности, определенности, закономерности, связанности. А для оперирования указанным множеством признаков он выделяет обобщающий признак – «зависимость» [1, с. 191, 192]. В качестве дополнительной аргументации признания зависимости обобщающим признаком детерминизма В.И. Шаталович приводит определение этого понятия другими исследователями: детерминизм является философским учением о зависимости вещей, событий, процессов, состояний от тех факторов, которыми они определены в своем существовании и изменении, которые ответственны за характеризующие их признаки (Я.Ф. Аскин с уточненной его позицией, приведенной выше); детерминация – это реально существующая система зависимостей явления от каких-либо факторов объективного или субъективного порядка. Эти факторы обуславливают, ограничивают, служат основанием данного явления или производят его (Л.А. Микешина). Однако приведенное понимание детерминизма с такими обобщающими признаками, как «зависимость» или «взаимосвязь», не представляются бесспорными.

**Признак «зависимость».** Такой признак, на наш взгляд, является обобщающим именно для причинной детерминации во всех ее проявлениях. И именно о причинной детерминации идет речь в приведенных суждениях В.И. Шаталович, Я.Ф. Аскина и Л.А. Микешина. Такой вывод подтверждается и положением из другого источника. Так, в книге «Теория организации» авторы разъясняют, что «зависимость – отношение одного явления к другому как следствия к причине» [6]. Хотя далее, применительно к целям своей научной работы, ими предлагаются такие виды зависимостей, которые требуют критического осмысления.

Разновидностями зависимостей в приведенной выше теории органи-

зации признаются: 1) объективные (формируются независимо от воли и желания людей) и субъективные (вырабатываются руководителем или специалистом на ограниченное время для реализации целей организации); 2) кратковременные (зависимость сверхурочной производительности труда) и долговременные (зависимость заработной платы работника от его личной производительности); 3) моральные (связаны с соблюдением в обществе норм поведения) и аморальные (связаны с обычаями, которые нарушают международные права человека); 4) общие и частные; 5) детерминированные и вероятностные [6]. Как видно, при таком понимании видов зависимости детерминированные зависимости отделены от вероятностных.

Анализ обозначенных подходов толкования зависимостей свидетельствует о презентации авторами наличия не только причинно-следственных отношений, а и их деление на детерминированные и вероятностные зависимости. Такое разделение зависимостей требует теоретического и практического осмысления применительно к конкретным ситуациям. Так, может иметь место корреляционная зависимость – это вероятностная зависимость между величинами, которая возникает тогда, когда одна из величин зависит не только от данной второй, но и от ряда случайных факторов, или когда среди условий, от которых зависят та и другая величины, имеются общие для них обоих условия. Такая вероятностная зависимость может быть детерминированной, но вопрос в том, можно ли соответствующее отношение назвать причинно-следственным?

Рассмотрим сформулированную гипотезу применительно к ситуациям совершения преступления. Например, С. совершил выстрел из пистолета в область сердца П., после чего наступила смерть потерпевшего, вызванная разрывом аорты и окончательной остановкой сердца. При констатации таких фактов в заключении судебно-медицинской экспертизы есть основания утверждать о наличии отношения причинно-следственной связи с детерминированной зависимостью.

Вместе с тем, корреляционная вероятностная зависимость может иметь место в случае наступления смерти





П. от стрессовой ситуации, созданной С., применившего огнестрельное оружие и создавшего угрозу для жизни П. В таком случае порождающим фактором, вызвавшим смерть потерпевшего, будет не попадание пули в область сердца, а, к примеру, обширный инфаркт миокарда, порожденный имевшим место до совершения преступления заболеванием сердца у П., а также перенесенным потерпевшим стрессом. В таком случае смерть П. наступила именно от инфаркта, а стрессовая ситуация «выступила» своеобразным «катализатором» для ее наступления. Зависимость между действиями С. и смертью П. имеет место, однако она корреляционная, вероятностная (наличие обстоятельства в виде заболевания сердца у потерпевшего представляет собой необходимое, но недостаточное, условие для наступления смерти такого лица). Можно сказать, что имеет место «неполная» (необходимая, но недостаточная) детерминация, охватываемая понятием «вероятностная зависимость», выходящая за пределы детерминации.

Подводя некий промежуточный итог наших рассуждений, можем предположить, что зависимость является обобщающим признаком детерминации, рассматриваемым в пределах причинно-следственных отношений. При этом (а) вероятностная зависимость, в том числе корреляционная, может быть и не детерминированной. Кроме того, (б) наличие зависимости между явлениями не предопределяет наличие детерминации.

*Признак «взаимосвязи»*, применяемый в некоторых определениях детерминизма, также означает наличие взаимной зависимости явлений и процессов в отношениях. Однако при таком подходе к пониманию детерминации случайные факторы (обстоятельства), порождающие последствия и поэтому обусловленные ими, находятся вне пределов детерминированного отношения. Это значительно ограничивает содержание понятия «детерминизм» и в криминалистической плоскости может привести к ошибочным гипотезам, неполному расследованию преступления и такому прочему.

Слово «детерминизм» происходит от латинского *determinare* – «определять», «выделять». На этом этапе

исследования представляется верным понимание того, что детерминизм представляет собой учение об общей обусловленности явлений и событий [7].

В научной литературе указывается, что современное представление о детерминизме выражается в: принципе общей взаимосвязи явлений и событий; принципе причинности; принципе разнообразия форм детерминации; принципе закономерности [7]. Как далее акцентирует О.Н. Стрельцов, принцип взаимосвязи явлений носит общий характер и выражает неизolatedность явлений и событий друг от друга. Уточняем, более аргументированным представляется понимание детерминизма с помощью *принципа общей связи*, а не принципа общей взаимосвязи. Ибо принцип общей взаимосвязи проясляется при наличии двухсторонних или более многосторонних отношений.

В свою очередь, принцип причинности, по мнению исследователя, устанавливает, что между всеми явлениями и событиями существуют отношения причин и следствий. При этом в современности детерминизм-причинность – лишь один из многих типов связи между явлениями [7]. И на этом этапе исследования с такой презентацией детерминизма соглашаемся, потому что идет речь именно о связи, а не о взаимосвязи, что было бы некорректным в контексте определения общего понятия детерминизма.

Как подчеркивает философ-исследователь О.Н. Стрельцов, механистический детерминизм неверно отождествлял два понятия – причинность и необходимость, несмотря на случайность. Современный детерминизм признает объективный характер случайности. Причинно-обусловленными являются не только необходимые, но и случайные явления. Случайные события могут произойти или не произойти, это зависит от целой совокупности условий [7]. Уточним, что такие условия находятся, на наш взгляд, вне причинно-следственного отношения и представляют собой обособленные от причины условия, хотя такие условия могут представлять собой причину, но в ином причинно-следственном отношении. Более детальное рассмотрение вопроса о случайности выходит за пределы предмета этого исследования.

Одним из критериев, отличающих детерминизм и причинность, можно рассматривать принцип многообразия форм детерминации (исходя из представляемых рассуждений О.Н. Стрельцова), означающий следующее: (а) все многообразие взаимодействий между явлениями неправильно сводить только к отношениям причина – следствие; (б) в не причинных отношениях отсутствует отношение порождения; (в) это могут быть:

– функциональные связи, при которых явления и события сосуществуют во времени, связь между ними необходима, но отношения генетического порождения нет. Примером функциональной связи является отношение между массой и энергией, которое выражается известной формулой  $E = mc^2$ . Ни масса, ни энергия не порождают друг друга, но между ними установлена общая и закономерная связь;

– связи между различными состояниями одного и того же объекта, которые определяют друг друга, но не порождают, как в случае с причинами;

– условная детерминация, при которой изменения происходят не только в силу определенных причин, но и благодаря сопутствующим обстоятельствам, при изменении условий следствия, вызванные одной и той же причиной, могут быть другими, кроме того, условия могут препятствовать действию причины и появлению следствия;

– вероятностная детерминация в отличие от причинной не является однозначной, то есть в каждый момент существует несколько вариантов развития ситуации, реализуются только те возможности, для которых сложились необходимые условия;

– целевая детерминация – особый тип детерминации в обществе и в культуре, связанный с деятельностью человека, когда появляется обратное действие следствия на причину, а общей причиной изменений становится предыдущая и порождает не причину, а цель, к которой стремится человек.

Понимание детерминации в широком смысле с признанием причины только лишь одной из категорий детерминации характерно многим философам и правоведам. Одна из первых классификаций отношений детерминации была представлена М. Бунге. Он считал: «Все, что требуется для



отстаивания детерминизма в общем смысле, – это придерживаться гипотезы, что события происходят одним или несколькими детерминированными путями, что такие пути становления не произвольны, а закономерны и что процессы, при помощи которых каждый предмет приобретает свои характерные черты, развиваются из предсуществующих условий» [8, с. 26]. М. Бунге предлагает следующий примерный перечень таких категорий. Количественная самодетерминация: детерминация последующего предшествующим; причинная детерминация, или причинение: детерминация действия посредством действующей (внешней) причины; взаимодействие (взаимная причинность, или функциональная взаимозависимость): детерминация следствия взаимным действием; механическая детерминация последующего предшествующим, обычно с прибавлением действующих причин и взаимных действий; статистическая детерминация конечного результата объединенным действием независимых или почти независимых сущностей; структурная детерминация частей целым и наоборот; телеологическая детерминация средств целями и задачами; диалектическая детерминация (или качественная самодетерминация) всего процесса внутренней «борьбой» и последующим конечным синтезом его существенных противоположных компонентов [9, с. 485, 486]. Правда М. Бунге подчеркивает, что указанные типы детерминации несводимы друг к другу, связаны между собой и образуют некоторую иерархию, в которой, однако, не выявлены отношения субординации [10].

Представляется справедливым заключение В.П. Огородникова о том, что «причинная детерминация – основа процесса реализации возможности, его главный детерминирующий фактор, но было бы большой ошибкой свести всю систему детерминаций к одному причинному фактору, отождествить детерминацию с причинностью» [11, с. 80, 81].

Из приведённого следует подтверждение многозначности форм детерминации, где причинность представляет одну из них или другие из них, если причинность является альтернативной либо составной частью иной формы детерминации. При этом детерминация может быть: (а) причинной, (б) вероят-

ностной (альтернативность вариантов причинной и беспричинной детерминации) и (в) иной беспричинной.

**Выводы.** Изложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы и перспективы:

1. Нашло подтверждение понимание детерминизма как учения в виде совокупности научных знаний об общей причинной и беспричинной обусловленности явлений и процессов.

2. Понятие «детерминация» представляет собой связь явлений и процессов причинной (порожденной), беспричинной (случайной) и смешанной (вероятностной) с наличием альтернативных вариантов причинной и беспричинной детерминации. При этом признано некорректным определять детерминацию с использованием слова «*общая взаимосвязь*», а также словосочетания «*общая взаимосвязь*».

3. Зависимость является обобщающим признаком детерминации, рассматриваемая в пределах причинно-следственных отношений. При этом (а) вероятностная зависимость, в том числе корреляционная, может быть и не детерминированной, а (б) наличие зависимости между явлениями не является гарантирующим признаком детерминации.

4. Детерминация характеризуется таким обобщающим признаком, как «связь» между явлениями или процессами, которая может быть одно-сторонней, двухсторонней или иной многосторонней. При этом причинно-следственному отношению присуща, преимущественно, не менее чем двухсторонняя связь (зависимость) между причиной и следствием.

Понятие детерминизма многогранно и его исследование будет продолжено в отношении случайностей, временных отношений, детерминированного хаоса и других актуальных вопросов.

#### Список использованной литературы:

1. Шаталович И.В. Понятие детерминизма: к проблеме определения и классификации. *Культурологічний вісник Нижньої Наддніпряниці*. 2014. С. 189–196.

2. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.

3. Грибунов О.П. Философские и криминологические аспекты теории причинности. Причинность в криминологии : сборник научно-практических статей / под общей редакцией проф. И.М. Комарова. Москва : Юрлитинформ, 2018. 248 с.

4. Кедров Б.М. Научная концепция детерминизма. Советский детерминизм, законы природы. Москва : Мысль, 1973. С. 8–10.

5. Аскин Я.Ф. К вопросу о категориях детерминизма. Современный детерминизм и наука. Т. 1. Новосибирск, 1975. 704 с.

6. Парахина В.Н., Федоренко Т.М., Шацкая Е.Ю. Теория организации / за заг. ред. В.Н. Парахиной. Москва : Литагент «Кнорус». URL: <https://wm-help.net/lib/b/book/2343932157/49>.

7. Стрельник О.Н. Основы філософії. [Детермінізм і індетермінізм. поняття причинності]. URL: [https://stud.com.ua/57187/filosofiya/determinizm\\_indeterminizm\\_ponyattya\\_prichinnosti](https://stud.com.ua/57187/filosofiya/determinizm_indeterminizm_ponyattya_prichinnosti).

8. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. Москва : изд. иностр. лит., 1962. 512 с.

9. Бунге М. Спектр категорий детерминации. Хрестоматия по философии / Сост. Алексеев П.В., Панин А.В. Москва : Проспект, 1997. 576 с.

10. Безпрозванный Д.Б. Детерминация правовых предписаний. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/determinatsiya-pravov-h-predpisanij.pdf>.

11. Огородников В.П. Познание необходимости. Детерминизм как принцип научного мировоззрения. Москва, 1985. с. 80–81.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Демидова Евгения Евгеньевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Demidova Evgeniya Evgenyevna** – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminology of Yaroslav Mudryi National Law University;

*D.e.e@ukr.net*



УДК 342.9

## СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «НЕТРАДИЦИОННЫЕ», «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ» И «ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ» ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Владислав ЖЕЛИХОВСКИЙ,  
аспирант кафедры публичного управления и администрирования  
Национальной академии внутренних дел

### АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование существующих теоретических и законодательных подходов к соотношению понятий «нетрадиционные», «альтернативные» и «возобновляемые» источники энергии. Осуществляется анализ научных позиций ученых в сфере юриспруденции и технических наук, посвященных указанным понятиям, их определениям и основным характеристикам. Рассматриваются текущие законодательные подходы Украины и международного законодательства к определению данных источников энергии. Проводится сравнительный анализ указанных подходов с целью выявления ключевых отличий и наиболее подходящего определения возобновляемых источников энергии.

**Ключевые слова:** энергия, нетрадиционные источники энергии, альтернативные источники энергии, возобновляемые источники энергии, энергетика, возобновляемая энергетика.

## CORRELATION OF CONCEPTS “NON-TRADITIONAL”, “ALTERNATIVE” AND “RENEWABLE” ENERGY SOURCES: THEORETICAL AND LEGISLATIVE ASPECTS

Vladislav ZHELIKHOVSKIY,  
Postgraduate Student of the Department of Public Management and Administration  
of the National Academy of Internal Affairs

### SUMMARY

The article investigates the existing theoretical and legislative approaches to the correlation of the concepts of “non-traditional”, “alternative” and “renewable” energy sources. The analysis of the scientific positions of scientists in the field of jurisprudence and technical sciences devoted to these concepts, their definitions and basic characteristics is carried out. The current legislative approaches of Ukraine and international legislation to the definition of these energy sources are considered. A comparative analysis of these approaches is carried out in order to identify key differences and the most appropriate definition of renewable energy sources.

**Key words:** energy, non-traditional energy sources, alternative energy sources, renewable energy sources, energy industry, renewable energy.

**Постановка проблемы.** В современных условиях, учитывая нехватку ископаемых источников энергии и их влияние на экологию, все больше стран увеличивают объемы использования возобновляемой энергетики. Указанная тенденция требует создания соответствующего правового регулирования для обеспечения государственной поддержки и энергетической безопасности как части национальной безопасности государства.

**Актуальность темы исследования** заключается в том, что при создании правовой базы для регулирования возобновляемой энергетики не было определено основной категориальный аппарат данного явления, следствием чего стали многочисленные дискуссии среди ученых и неопределенность законодательства по определению и характерным признакам этого вида энергетики, а также перечня источников энергии, которые в него включаются.

**Целью и задачей статьи** является анализ существующих подходов к пониманию понятий «нетрадиционные», «альтернативные» и «возобновляемые» источники энергии в действующем законодательстве Украины и юридической доктрине с целью определения их особенностей и соотношений для формирования единого подхода к определению и характеристике данного вида энергетики.

**Состояние исследования.** Научный анализ проблемы определения и соотношения понятий «нетрадиционные», «альтернативные» и «возобновляемые» источники энергии исследовался многими зарубежными и отечественными учеными, в частности М.М. Кузьминой, Н.Д. Рабиновичем, С.А. Кудрей, М.И. Сиротюком, В.М. Синеглазовым, А.В. Прокопом, С.С. Девяткиной и другими.

**Изложение основного материала.** Наиболее распространенным и в то же

время наиболее дискуссионным среди ученых является разделение источников энергии на возобновляемые и невозобновляемые. В данной классификации отсутствует единый четкий критерий распределения, как отсутствует и единый подход к используемой терминологии – встречается деление на возобновляемые и невозобновляемые, новые и старые, альтернативные и традиционные источники энергии. Среди ученых отсутствует единство относительно необходимости использования указанных понятий как тождественных или их различия, аналогичная ситуация существует и на уровне национального и международного законодательства. Одним из первых было использовано деление на новые и обычные источники энергии. Понятие «новые источники энергии» было впервые использовано в резолюции Экономического и социального совета ООН 1956 года [1, с. 137]. К новым источникам относились все те,



которые становились доступны вследствие технического развития в противовес обычным источникам энергии, которые использовались на протяжении веков, то есть классификация основана на использовании исторического критерия. После данного распределения началось распространение использования понятий «нетрадиционные источники энергии», «возобновляемые источники энергии» и «альтернативные источники энергии».

Изначально в отечественной доктрине наиболее распространенным было понятие «нетрадиционные источники энергии», что использовалось как тождественное понятию «возобновляемые источники энергии». Такая позиция основана на подходе Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике, который в 1975 году утвердил комплекс программ по исследованию и разработке технологий использования традиционных и возобновляемых источников энергии. В дальнейшем эта позиция была поддержана Государственным комитетом Украины по вопросам науки, техники и промышленной политики в программе № 05.21.04. «Нетрадиционные источники энергии, в том числе солнечные, ветровые, электрохимические и другие» [2, с. 29]. После обретения Украиной независимости и все большей доступности достижений мировой науке в отечественной доктрине постепенно происходит выделение понятий «возобновляемые источники энергии» и «альтернативные источники энергии» от нетрадиционных, однако большинство ученых, как в технических областях, так и в юриспруденции, продолжают пользоваться термином «нетрадиционные источники энергии» как наиболее общим, включающим в себя как возобновляемые, так и невозобновляемые источники энергии, отличные от нефти, газа, угля и ядерной энергии. Стоит отметить, что на нормативном уровне отождествления указанных выше понятий хранилось еще достаточно долгое время, в частности ДСТУ 2275-93 «Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии. Термины и определения» от 1993 года и ДСТУ 3569-97 «Энергосбережение. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии. Основные положения» от 1999 года, несмотря на

название, не разделяют нетрадиционные и возобновляемые источники энергии ни по определению терминологии, ни по классификации источников энергии, рассматривая их единственное нераздельное явление.

Указанная проблематика по разделению в доктрине на нетрадиционные и традиционные источники энергии продолжает существовать и сейчас, несмотря на отсутствие четкого критерия по определению «традиционности» того или иного источника. Наиболее распространенными критериями для распределения источников энергии на традиционные и нетрадиционные является длительное (многoletнее) время использования источника энергии и уровень его использования. При этом в доктрине отсутствует конкретизация указанных критериев, в частности о том, насколько длительным должно быть использование определенного источника. По этому критерию к традиционным источникам энергии можно отнести использование гидроэнергии, ветровой энергии, биомассы и так далее [3, с. 12], ведь указанные источники энергии использовались человечеством на протяжении многих веков. Кроме того, нет единства относительно того, насколько интенсивным должно быть использование источника (учитывая этот критерий, перечень традиционных источников энергии будет зависеть от страны и региона, в частности к традиционным в Украине по этому критерию можно отнести большую гидроэнергетику) [2, с. 29]. Указанная неопределенность является причиной того, что каждый из ученых, используя разделение источников энергии на традиционные и нетрадиционные, предлагает свое видение распределения указанных источников, без указания аргументации относительно применения критерия разделения к конкретному источнику. Отсутствие четко определенных границ указанных критериев позволяет слишком расширить рамки традиционных источников энергии, включая в них, кроме классических ископаемых источников (нефти, газа и угля) и ядерной энергии, также торф, сланец, гидроэнергетику и т.п., что вызывает длительные дискуссии среди ученых. Учитывая вышесказанное, считаем целесообразным выделить классификацию источников энергии на

традиционные и нетрадиционные как отдельное распределение, основанный на критерии распространения использования конкретных источников энергии в исследуемом регионе.

Следующим проблемным вопросом является соотношение распределения источников энергии на альтернативные и возобновляемые. Толкование слов «альтернативный», «альтернатива» определяет их как «необходимость выбора меж двумя или несколькими возможностями, исключаящими друг друга. // Каждая из этих возможностей» [4]. В юридической доктрине данный термин относительно источников энергии обычно используют в качестве заменителя так называемым «традиционным» источникам энергии, а именно ископаемым видам топлива: нефти, газа, угля, и ядерной энергии. Представляется, что таким заменителем может выступать любой, отличный от традиционных, источник энергии, несмотря на наличие или отсутствие таких признаков, как восстанавливаемость или экологичность, хотя в целом среди ученых к альтернативным источникам энергии относят именно возобновляемые источники. А. Бородин предлагает определять альтернативные источники энергии как «возобновляемые источники, к которым относят энергию солнечного излучения, ветра, морей, рек, биомассы, тепло Земли и вторичные энергетические ресурсы, которые существуют постоянно или возникают периодически в окружающей среде» [5, с. 90]. Авторский коллектив издания «Энергетика: история, современность и будущее» предлагает к нетрадиционным (альтернативным) относить «возобновляемые источники энергии (ВИЭ), которые используют потоки энергии Солнца, энергию ветра, тепла Земли, биомассы, морей и океанов, рек, существующих постоянно или периодически в окружающей среде и практически неисчерпаемых в будущей перспективе» [6, с. 10]. Указанные подходы, отождествляющие возобновляемые и альтернативные источники энергии, не являются оправданными ввиду отсутствия в понятии «альтернативный» каких-либо признаков возобновляемости и возможности использовать это понятие лишь в контексте сопоставления нескольких источников энергии. Кроме того, широкий под-





ход к определению термина «альтернативные источники энергии» может включать любой источник энергии, как традиционной, так и нетрадиционной, который может рассматриваться как замена любому другому источнику энергии.

При этом указанного подхода к отождествлению альтернативных и возобновляемых источников энергии придерживается и отечественный законодатель. Законодательное определение понятия «альтернативные источники энергии» закреплено в абз. 1 ст. 1 Закона Украины «Об альтернативных источниках энергии» № 555-IV от 20.02.2003 года как «возобновляемые источники энергии, к которым относятся энергия солнечная, ветровая, геотермальная, гидротермальная, аэротермальная, энергия волн и приливов, гидроэнергия, энергия биомассы, газа из органических отходов, газа канализационно-очистных станций, биогазовые и вторичные энергетические ресурсы, к которым относятся доменный и коксовый газы, газ метан дегазации угольных месторождений, преобразования сбросного энергетического потенциала технологических процессов» [7]. В данном определении законодатель определил границы альтернативных источников энергии двумя составляющими: возобновляемыми источниками энергии и вторичными энергетическими ресурсами, при этом в определении отсутствует ключевая особенность понятия «альтернативный», а именно указание на то, касательно каких источников энергии перечисленные источники выступают как альтернативные.

Стоит отметить, что в другом нормативно-правовом акте, а именно в Законе Украины «Об альтернативных видах топлива» № 1391-XIV от 14.01.2000 года, законодатель правильно использует понятие «альтернативный», определяя альтернативные виды топлива как «твердое, жидкое и газовое топливо, которое является альтернативой соответствующим традиционным видам топлива и производимое (добываемое) из нетрадиционных источников и видов энергетического сырья» [8].

Считаем также нецелесообразным включение вторичных энергетических ресурсов в перечень альтернативных. Определение вторичных энергетических ресурсов законодатель приводит в Законе Украины «Об энергосбереже-

нии» № 74/94-ВР от 01.07.1994 года как «энергетический потенциал продукции, отходов, побочных и промежуточных продуктов, который образуется в технологических агрегатах (установках, процессах) и не используется в самом агрегате, но может быть частично или полностью использован для энергоснабжения других агрегатов (процессов)» [9]. Хотя использование вторичных энергетических ресурсов является позитивным, учитывая экономию расходования традиционных источников энергии и улучшения экологии, однако их невозможно рассматривать как альтернативные, ведь их использование тесно связано и в отдельных случаях является неразрывным с добычей и использованием традиционных топливно-энергетических ресурсов. Соответственно, вторичные энергетические ресурсы целесообразно рассматривать только как дополнительные источники энергии, способные частично облегчить негативное влияние на окружающую среду и экономически оптимизировать использование традиционных источников энергии. При этом в случае исключения положений относительно вторичных энергетических ресурсов по определению альтернативных источников энергии, последнее будет полностью тождественным законодательному определению понятия «возобновляемые источники энергии».

Несмотря на то, что законодатель отождествляет альтернативные и возобновляемые источники энергии, считаем целесообразным различать указанные понятия, ввиду принципиальной разницы в их определении. Так, слово «возобновляемый» «возобновлять» означают «приобретать прежний вид, состояние; возрождаться // воспроизводиться после работ, изменений, преобразований; отстраиваться» [4]. Соответственно, под понятием «возобновляемые источники энергии» можно понимать те источники энергии, что не исчезают навсегда при их использовании и способны восстанавливать свои объемы. Среди отечественных ученых отсутствует единство в определении этого понятия, и чаще всего применяются два подхода к раскрытию содержания понятия «возобновляемые источники энергии»: по совокупности особых признаков, соответствие которым позволяет считать источник энергии возобновляемым,

и приведение примеров таких источников; и исключительно через исчерпывающий перечень источников энергии, которые считаются возобновляемыми. В частности, сторонник первого подхода С.С. Девяткина определяет возобновляемые источники энергии как «источники на основе постоянно действующих или таких, которые периодически возникают в окружающей среде потоков энергии» [10, с. 56]. С.А. Кудря предлагает понимать возобновляемые или неисчерпаемые энергоресурсы как «потоки энергии, что постоянно или периодически действуют в окружающей среде» [11, с. 10]. М.И. Сиротюк определяет возобновляемые источники как «солнечную, ветровую, геотермальную, биоэнергию и гидроэнергию рек. Основное их общее свойство – это практическая неисчерпаемость и экологическая чистота» [12, с. 26]. Из анализа указанных определений следует, что ключевыми признаками выступают возобновляемость или неисчерпаемость, отсутствие способности к аккумулярованию и экологическая безопасность для окружающей среды.

В.М. Синеглазов толкует возобновляемые источники энергии как «ресурсы энергии, что постоянно и циклически восстанавливают энергетическую ценность и могут быть превращены в полезную работу. Иными словами, возобновляемые источники энергии обновляются постоянно, без временных ограничений, и имеют определенный потенциал» [13, с. 5]. Считаем недостаточно уместным использование в данном определении формулировки «обновляются постоянно, без временных ограничений», ведь процесс восстановления указанных источников энергии хотя и происходит постоянно, однако в отдельных случаях такие источники не могут использоваться постоянно и требуют определенного времени для достижения прежнего объема хранимой энергии.

А.В. Прокоп определяет возобновляемые энергоресурсы как «ресурсы, которые постоянно образуются естественным или антропогенным путем», выделяя среди них неисчерпаемые – «доступные объемы которых существенно не зависят от интенсивности их использования»; исчерпаемые – «доступные объемы которых непосредственно зависят от интенсивности их использования»; и биологически возобновляемые – «энергоресурсы



органического происхождения, восстановление которых происходит благодаря аккумуляции солнечной энергии и круговорота веществ в экосистемах» [14, с. 84]. Указанное определение наиболее полно, по нашему мнению, отражает основные черты и включает как можно более широкий перечень возобновляемых источников энергии.

Действующее законодательство Украины дает определение понятия «возобновляемые источники энергии» в Законе Украины «Об альтернативных источниках энергии» как «возобновляемые неископаемые источники энергии, а именно энергия солнечная, ветровая, аэротермальная, геотермальная, гидротермальная, энергия волн и приливов, гидроэнергия, энергия биомассы, газа из органических отходов, газа канализационно-очистных станций, биогазов» [7]. Из данного определения следует, что законодатель выделяет лишь два ключевых признака – способность к возобновлению и добыча неископаемым путем, при этом игнорируя такие черты, как экологичность и возможная неисчерпаемость. Также считаем нецелесообразным, по нашему мнению, предоставлять исчерпывающий перечень возобновляемых источников энергии, ведь с постоянным развитием новейших технологий возникают возможности для получения энергии из новых источников, что в дальнейшем будет требовать внесения каждый раз изменений в законодательство. Считаем целесообразным предусмотреть неисчерпаемый перечень возобновляемых источников энергии с возможностью отнесения к таким любому источнику энергии, который будет отвечать ключевым признакам.

Новеллой в отечественном законодательстве является определение возобновляемой энергии, закрепленное в Уставе Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), к которому Украина присоединилась 7 января 2018 на основании Закона Украины «О присоединении Украины к Уставу Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA)» № 2222-VIII от 05.12.2017 года. Статья 3 указанного Устава определяет восстановительную энергию как «все виды энергии, принимаемые из возобновляемых источников экологически рациональным способом и которые, *inter alia*, включают: 1) био-

энергию; 2) геотермальную энергию; 3) гидроэлектроэнергию; 4) энергию океана, в том числе *inter alia*, энергию приливов и отливов, энергию волн и тепловую энергию океана; 5) солнечную энергию; 6) энергию ветра» [15].

Международное законодательство чаще всего использует именно термин «возобновляемые источники энергии» (“renewable energy”). Кроме уже указанного выше Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), этот термин закреплен в Директиве Европейского Парламента и Совета 2009/28 / ЕС от 23 апреля 2009 года «О поощрении к использованию энергии, произведенной из возобновляемых источников, которой вносятся изменения, а затем и вообще отменяется Директива 2001/77 / ЕС и 2003/30 / ЕС», которая в пункте (а) статьи 2 определяет энергию из возобновляемых источников как «энергию, произведенную из неископаемых возобновляемых источников, в частности: энергию ветра, солнечную, геотермическую, гидротермическую, морскую и гидроэлектрическую, биомассу, газ от захоронения отходов, газ из станций очистки сточных вод и биогаз» [16].

**Выводы.** Таким образом, при разделении источников энергии на традиционные и нетрадиционные необходимо использовать исключительно критерии распространения и объемов использования определенных источников энергии на рассматриваемой территории. Ввиду данных критериев эта классификация не может быть использована для отделения возобновляемых источников энергии от ископаемых и должна применяться при исследовании источников энергии в исторической ретроспективе. Наиболее распространенную практику в юридической доктрине и законодательстве разделения на альтернативные и возобновляемые источники энергии, что чаще всего используются в качестве тождественных или синонимических понятий, считаем необходимым изменить ввиду их принципиальных различий в понимании понятий «альтернативный» и «возобновляемый». Считаем, что законодательно закрепленное понятие «альтернативные источники энергии» не соответствует требованиям законодательной техники в части точности и определенности данного термина

и требует замены на «возобновляемые источники энергии», к которым можно отнести все существующие и возможные в будущем источники, что соответствует критериям экологичности при их получении и/или использовании, а также способны самостоятельно возобновлять объемы хранимой энергии в относительно краткие сроки или же быть неисчерпаемыми.

#### Список использованной литературы:

1. Кузьміна М.М. Поняття та види енергії з альтернативних джерел. *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія : Економічна теорія та право. 2013. № 3. С. 134–141.
2. Рабинович М.Д. Альтернативна енергетика: проблеми класифікації та положення Кіотського протоколу. *Проблеми загальної енергетики*. 2003. № 9. С. 29–31.
3. Клопов І.О. Теоретичні аспекти класифікації енергетичних ресурсів. *Науковий вісник Ужгородського національного університету : серія: Міжнародні економічні відносини та світове господарство /* голов. ред. М.М. Палінчак. Ужгород : Видавничий дім «Гельветика», 2016. Вип. 7, Ч. 2. С. 10–14.
4. Словник української мови. Томи 1–9. *Український мовно-інформаційний фонд НАН України*, 2015–201. URL: <http://services.ulif.org.ua/exp1/Entry/index?wordid=946&page=39>.
5. Бородіна О. Відтворювальна енергетика – перспективи для сільського господарства. *Журнал з питань агробізнесу «Пропозиція»*. 2008. № 10. С. 90–94.
6. Енергетика: історія, сучасність і майбутнє. Електроенергетика та охорона навколишнього середовища. *Функціонування енергетики в сучасному світі /* Бурячок Т.О. та ін. ; наук. ред. : Клименко В.Н., Ландау Ю.О., Сігал І.Я. Київ : [б. в.], 2013. 391 с.
7. Про альтернативні джерела енергії: закон України від 20 лютого 2003 р. № 555-IV. *Відомості Верховної Ради України*. 2003 р. № 24. Ст. 155
8. Про альтернативні види палива: закон України від 14 січня 2000 р. № 1391-XIV. *Відомості Верховної Ради України*. 2000 р. № 12. Ст. 94
9. Про енергозбереження: закон України від 01 липня 1994 р. № 74/94-



ВР. *Відомості Верховної Ради України*. 1994 р. № 30. Ст. 283

10. Девяткіна С.С. Альтернативні джерела енергії : навчальний посібник / С.С. Девяткіна, Т.Ю. Шкварницька. Київ : НАУ, 2006. 92 с.

11. Кудря С.О. Нетрадиційні та відновлювані джерела енергії : підручник. Київ : НТУУ «КПІ», 2012. 492 с.

12. Поновлювані джерела енергії : навчальний посібник / М.І. Сиротюк; ред. С.І. Кукурудза ; Львівський національний ун-т ім. Івана Франка. Львівський : ВЦ ЛНУ ім. І.Франка, 2008. 248 с.

13. Синеглазов В.М. Відновлювальна енергетика: навчальний посібник / В.М. Синеглазов, О.А. Зеленков, Ш.І. Аскеров, Б.І. Дмитренко. Київ : НАУ, 2015. 278 с.

14. Еколого-економічна оцінка заміщення невідновлюваних енергоресурсів біологічно відновлюваними : монографія. Львів : ЗУКЦ, 2010. 211 с.

15. Статут Міжнародного агентства з відновлювальних джерел енергії (IRENA) : міжнародний документ від 26 грудня 2009 року № 995\_j02. *Офіційний вісник України*. 2019. №7. Ст. 247.

16. Директива Європейського Парламенту та Ради 2009/28/ЄС від 23 квітня 2009 року «Про заохочення до використання енергії, виробленої з відновлюваних джерел та якою вносяться зміни до, а в подальшому скасовуються Директиви 2001/77/ЄС та 2003/30/ЄС». *Офіційний вісник Європейського Союзу*. 2009. URL: [http://sae.gov.ua/documents/dyrektyva\\_2009\\_28.pdf](http://sae.gov.ua/documents/dyrektyva_2009_28.pdf).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Желиховский Владислав Вячеславович** – аспирант кафедры публичного управления и администрирования Национальной академии внутренних дел;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Zhelikhovskiy Vladislav Vyacheslavovich** – Postgraduate Student of the Department of Public Management and Administration of the National Academy of Internal Affairs;

*zhelih@ukr.net*

УДК 340.15 (94)

## ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВКЛЮЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1714–1818 ГГ.)

**Александр ИВАНОВ,**

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права  
Национальной академии Службы безопасности Украины

#### АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные аспекты историко-правовой реальности XVIII – начала XIX вв., связанные с включением территории Казахстана в состав Российской империи. Особое внимание уделяется анализу этих процессов сквозь призму системы международных отношений рассматриваемого периода, в частности через становление российской экспансионистской идеологии. Показаны также особенности юридического сопровождения подготовительного этапа захвата казахских жузов и их последующего включения в состав России.

**Ключевые слова:** Казахстан, Российская империя, жузы, экспансия, методы деятельности.

#### POLITICAL AND LEGAL PRECONDITIONS OF THE KAZAKHSTAN INCORPORATION INTO THE RUSSIAN EMPIRE (1714–1818)

**Aleksandr IVANOV,**

PhD in Law,

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law  
of the National Academy of the Security Service of Ukraine

#### SUMMARY

The article deals with various aspects of the historical legal realities of the XVIII – XIX centuries concerning incorporation the territory of Kazakhstan into the Russian Empire. Special attention is drawn to the analysis of those processes within the paradigm of the system of international relations of the examined period especially throughout the principles of the Russian expansionist ideology. There are also listed peculiarities of the legal providing of the preparatory stage of the Kazakh juzes capture and their incorporation into the Russian Empire.

**Key words:** Kazakhstan, the Russian Empire, juzes, expansion, methods of activities.

**Постановка проблемы.** Российский экспансионизм с эволюционной точки зрения – явление комплексное, которое базируется на мощном идеологическом базисе, начавшемся формироваться с середины XV в. Именно в это время московский царь Иван III, женившийся на племяннице последнего византийского императора Михаила Палеолога Софье, провозгласил себя его наследником, а Москву – правопреемницей Константинополя. Таким образом, началось формирование концепции «Москва – Третий Рим», ставшей определяющей при формировании экспансионистской идеологии московского государства. К началу XVIII в. сформировались и получили апробацию в политической практике её

основные постулаты. Квинтэссенцией почти трёхсотлетнего процесса становления российского экспансионизма стало время правления Петра I, коронованного в 1721 г. в качестве императора с титулами «великий» и «отец отчизны» [7, с. 47]. Именно при Петре сформировались те основы геополитического курса российского государства (отныне под названием Российской империи), из которых исходили его преемники, выстраивая стратегии расширения своих государственных владений. Одним из стратегических экспансионистских проектов царизма в это время стало покорение территории современного Казахстана.

**Историография проблемы.** Исследования предпосылок включения



Казахстана в состав Российской империи, по сути, начались ещё непосредственно со времён их формирования, когда излагались результаты первых российских экспедиций в казахские степи. Университетская наука Российской империи не наработала существенного историографического массива по исследуемой нами тематике, а в основном в этих вопросах была направленной на обеспечение ассимиляторских устремлений политики правительства относительно казахов. Наиболее пространное изучение колониальная политика царизма в казахских, киргизских и кайсацких степях получила в советский период. При этом все выводы советской историографии основаны на источниковедческой базе дореволюционных работ. Примечательно, что труды советских учёных, написанные до Второй Мировой войны, отличаются ярко выраженной критикой захватнической политики царизма. В то же время, на фоне политики «дружбы народов» в работах с конца 1950-х гг. и практически до начала 1980-х гг. превалирует восхваление «прогрессивного» значения включения «пограничных земель» (в том числе и казахских) в состав Российской империи и, соответственно, «благих» намерений последней при осуществлении захватнической политики. Несмотря на наличие ряда работ по заявленной тематике статьи, вопросы политико-правовой оценки предпосылок включения Казахстана в состав Российской империи остаются в большей мере нерешёнными.

**Цель и задачи статьи.** Исходя из вышеизложенного, целью статьи является определение перечня предпосылок политико-правового характера, способствовавших беспрепятственному захвату казахских территорий Российской империей. Определённые нами хронологические рамки темы статьи охватывают период от времени отправки Петром I первой экспедиции в казахскую степь (1714 г.) и до нормативного оформления включения Старшего Жуза<sup>1</sup> в состав Российской империи (1818 г.).

<sup>1</sup> Жуз – административное образование в военно-политической организации казахов. В XVII в. Казахское ханство, существовавшее с середины XV в., под влиянием внешнеполитических факторов распалось на три жуза – Младший, Средний и Старший. В официальных документах Российской империи в качестве синонима жуза использовалось понятие «орда» (по аналогии с Золотой Ордой).

Поставленная цель статьи предполагает решение следующих задач: определение стратегического значения казахских степей для Российской империи; характеристика экспансионистской политики России в отношении Казахстана в общем контексте её внешнеполитического курса; освещение особенностей подготовительной деятельности Российской империи по организации экспансии в казахских степях, а также её юридического обеспечения.

**Изложение основного материала.** Начало непосредственного присоединения Казахстана к Российской империи относится ко времени правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), когда внешнеполитический курс России уже твёрдо базировался на заложенных Петром I принципах. Так, в 1731 г. было документально оформлено принятие Младшего Жуза в состав Российской империи, а уже в 1740 г. – Среднего. Старший Жуз был присоединён лишь в 1818 г. – в разгар активного расширения российских границ, именуемого в современной западной историографии политикой «молниеносной экспансии». Однако же эти территории не раз становились объектами российских геополитических интересов ещё задолго до официального присоединения. Декларируя необходимость «укрепления границы», Россия стремилась получить выход к Каспийскому морю. Главным препятствием на пути к этой цели как раз и были казахские жузы.

Поскольку первые активные действия по включению территории современного Казахстана в состав России пришлось на времена провозглашения её империей, то в этом контексте, в первую очередь, подлежит рассмотрению сущность российского империализма и имперской политики. При этом стоит принимать во внимание тот факт, что предшествовавшее Российской империи Московское царство, по оценкам специалистов, также отличалось признаками имперского государства: стремления к покорению и присоединению новых территорий были известны здесь уже давно [6, с. 32]. Однако же в петровские времена качественно изменились методы и средства реализации этой политики. Все территории, ранее представлявшие стратегический

интерес для царского правительства (в том числе и Казахстан), подвергались тщательному предварительному изучению путём «экспедиций» и последующему захвату и присоединению.

В этих условиях новое звучание приобрела ранее известная концепция «Москва – Третий Рим», создавшая основу российской экспансионистской идеологии. Основание Санкт-Петербурга как новой столицы было весьма символичным в этом контексте, поскольку даже название города было созвучным с наименованием собора святого Петра – главного собора в Риме [4, с. 92]. Также по аналогии с Римом в центре города был расположен одноимённый собор. При этом сменилось соотношение государства и церкви, а также идеологическое наполнение сущности государственной службы. Так, государственная идеология ставилась выше, нежели церковная, призванная служить реализации задач первой, а не определять её сущность. Служение Отечеству при осуществлении государственной службы приравнивалось к служению Богу, влекущему за собой спасение человеческой души. Если ранее статусом богоизбранного обладал лишь царь, то теперь это распространялось и на весь чиновничий аппарат. Соответственно, все действия государственных служащих (в том числе и на международной арене) рассматривались как изначально одобренные Богом и совершённые по божьему благословению.

Для понимания предпосылок включения казахских территорий в состав Российской империи важно учитывать сущность этого государственного образования. Прежде всего, следует отметить, что запущенный Петром I комплекс преобразований в разных сферах модернизировал государство лишь внешне, оставляя его феодальным по сути и далёким от уважения к общепризнанным принципам международных отношений. Американские политологи Тилли и Эванс разработали концепцию «государства-грабителя», исходя из обобщения опыта существования западноевропейских феодальных государств [8, с. 234]. Согласно этой концепции, механизм средневекового государства Западной Европы может быть соотнесён со структурой и сущностью организованной пре-





ступной группы. Во главе государства стояла господствующая элита, стремившаяся заполучить в своё распоряжение как можно большее количество ресурсов. Эти ресурсы, использование которых предусматривалось в интересах правящей элиты, взимались у подвластных им непривилегированных слоёв общества. Соответственно, как утверждают авторы рассматриваемой концепции, верховным правителем государства становилось лицо, имевшее накопленный опыт организации насильственных действий с целью взимания ресурсов у низших слоёв общества, которое могло бы применять этот опыт, находясь при власти. Очевидно, что сложившаяся в России к началу XVIII в. «дворянская монархия» подходит под описание предложенной выше концепции. Так, например, согласно указу Петра I 1700 г. была установлена государственная монополия на торговлю лекарственными растениями: заготовленное сырьё взималось у низших слоёв населения, а вся прибыль от его реализации шла в царскую казну. Ещё одним ярким примером в этом контексте является царский указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществях» (март 1714 г.) [4, с. 112], скрыто дававший дворянам право приобретать в качестве наследства любое имущество независимо от способа его обретения, в том числе и путём захвата (что и происходило в дальнейшем на присоединённых к России казахских территориях).

Выше показано, что строй Российской империи схож с моделью, описанной в концепции «государства-грабителя». Поэтому она может быть применима для характеристики развития России в рассматриваемый период. В то же время для более эффективного её использования в контексте анализа российской внешней политики (в том числе экспансионистской) она нуждается в дополнении и конкретизации. На наш взгляд, исходя из исторических реалий исследуемого периода, описанная выше концепция может быть дополнена следующими положениями. Во-первых, поскольку господствующая верхушка ставила перед собой цель постоянного взимания ресурсов для своих целей, это приводило к необходимости поиска всё новых и новых источников этих ресурсов. При этом должна

была быть возможность использования этих ресурсов при минимальных затратах человеческих, временных и материальных средств.

Во-вторых, с целью обеспечения доступа к желаемым ресурсам, их изъятия и использования предполагалась разработка и реализация соответствующих стратегий, дающих возможность оптимизировать необходимые усилия. С этой целью Пётр I проводил особую политику по привлечению иностранных специалистов на российскую службу. В-третьих, наконец, воплощение этих стратегий в масштабах государства вместе с необходимостью влекло за собой совершение экспансии с целью присвоения ресурсных баз и установления своего контроля над ними. Под экспансией здесь понимается распространение военного, экономического и культурного влияния государства на определённую территорию, имеющее конечной целью её оккупацию и присоединение. Средства, с помощью которых распространяется это влияние, выбираются таким образом, чтобы обеспечить предпосылки для максимально быстрого и беспрепятственного включения оккупированной территории в состав государства-оккупанта.

Хотя факты российского присутствия на казахских территориях фиксировались ещё с XV в., всё же начало активной фазы экспансии пришлось на времена Петра I. В истории России он в основном характеризуется не иначе как царь, «прорубивший окно в Европу», привнесший элементы западной культуры в российский быт тех времён. Вместе с тем, в его внешней политике одно из важных мест занимало азиатское направление. В качестве одного из ключевых постулатов российской геополитической стратегии именно в это время утвердилась «защита границ», предполагающая возможность захвата приграничных народов, якобы препятствующих безопасному существованию России. К числу таковых, в частности, относились народности, проживавшие в киргизских и туркменских степях. По выражению историков, Пётр искал «ключ и врата» к этим степям, на роль которого идеально подходили казахские степи ввиду как территориальной близости, так и сходства проживающего в них населения

с киргизами и туркменами [3, с. 282]. Территории последних граничили с Индией, только что ставшей в 1707 г. колонией Великобритании. В русско-английских отношениях на тот момент важное место отводилось колониальному соперничеству, и среди важнейших задач во внешнеполитическом курсе России было утверждение своего влияния в Индии для установления контроля над торговлей во всей Средней Азии. Поэтому занятие казахских степей, а потом и киргизских и туркменских, открывало бы российской армии путь к захвату Индии.

Сама по себе территория современного Казахстана также являлась стратегически важной для Российской империи. В частности, речь шла о реках Амударья и Сыр-Дарья и о «золотых песках» их берегов. Помимо намыва золота в долинах этих рек, бывшего традиционным промыслом калмыков, россияне замыслили масштабный проект по обустройству плотины для соединения Амударья с Каспийским морем. Считалось, что таким образом можно было наиболее беспрепятственно поставлять товары на крупные среднеазиатские рынки. Вместе с тем, регион Средней Азии Пётр I рассматривал как бесплатный источник экзотических зверей и птиц, которых можно было бы использовать в качестве даров другим монархам. Наконец, усилившееся внимание к особенностям общественного строя и общинного земледелия в казахских, киргизских и туркменских степях свидетельствовало об интересах России к занятию их плодородных земель.

Ввиду столь важного стратегического значения казахских территорий для российского государства, по инициативе царя в этот регион стали направляться специальные экспедиции для более подробного изучения местных условий [2, с. 60–67]. Первой крупной экспедицией, направленной по царскому указу 1714 г., было посольство в Хиву под проводом А. Бековича-Черкасского. Это был обращённый в христианство кабардинский мусульманин, завербованный на российскую государственную службу. Среди задач, поставленных экспедиции Петром I, были как весьма тривиальные (выяснить местонахождение русла реки Амударья, совершить детальное описание пути в Индию через эту реку



с составлением карт и планов местности, при этом выясняя возможное наличие лучшего пути), так и открыто агрессивные, экспансионистские (склонить к «верности и подданству» жителей Хивы и Бухары, захватить хивинские торговые суда). При этом царь отдельно отметил, что в случае неповиновения местного населения членам экспедиции разрешено применять силу в любом объёме. Для выполнения указанных задач в распоряжение капитана А. Бековича-Черкасского был выделен военный отряд в составе 1760 человек и деньги в размере 5000 рублей. Предварительно проведение этой экспедиции было согласовано царским правительством с Хивинским ханством, занимавшим на то время доминирующее положение в среднеазиатском регионе. Получив заверения в безопасности и обещания всестороннего содействия, российская экспедиция начала свой путь в мае 1715 г. (по другим данным – в январе 1716 г.). Практически сразу отряд Бековича-Черкасского начал заниматься насильственным захватом местных земель и торговых путей, а также грабежами местного населения. Такое поведение членов «экспедиции» вызвало вооружённое сопротивление со стороны ойратов, населявших Джунгарское ханство, в ходе противостояния которым погибла значительная часть россиян, в том числе и их глава.

Тем не менее, часть поставленных царским правительством задач эта экспедиция всё же выполнила. Так, была составлена первая в России подробная карта Каспийского моря, благодаря чему стало известно, вопреки существовавшему у россиян представлениям, реки Амударья и Сыр-Дарья не впадали в него. Это существенно подмывало российские планы по взятию под контроль среднеазиатского рынка и захвату Индии. Вместе с тем, на выполнение распоряжения царя по обустройству военных укреплений на каспийских берегах с целью склонения Хивинского ханства «к верности и подданству» были заложены крепость Святого Петра и укрепление Александровское, а также крепость в направлении Астрахани. Вместе с тем, русские солдаты начали самовольно собирать дань с жителей этого города, что спровоцировало начало подготовки к восстанию.

В ходе этого восстания 1717 г. как раз и наступил крах русской экспедиции, а уцелевшие представители её доставили на родину составленные карты местности.

Одновременно с экспедицией капитана А. Бековича-Черкасского действовали и другие – как в частном порядке, так и от имени государства. Самой известной из них была экспедиция подполковника И. Бухгольца, созданная в соответствии с царским указом от 22 мая 1714 г. «О походе в Калмыцкую землю на реке Дарье, для покорения тех мест, где добывают золото». Основной задачей, стоявшей перед экспедицией, было основание города на подконтрольном калмыкам Ямышевом озере близ реки Иртыш для обустройства позиций с целью дальнейшей оккупации этих земель. Само по себе это озеро являлось источником добычи высококачественной белой соли, что, несомненно, также представляло значительный интерес для россиян. В целом экспедиция продлилась до лета 1716 г., и в ходе её царское правительство предпринимало попытки удовлетворения территориальных притязаний к государствам, находящимся в казахской степи. Так, например, 27 февраля 1715 г. от имени Петра I и сибирского губернатора М. Григорьева был направлен ультиматум Джунгарскому ханству с требованием о признании своих приграничных территорий российскими. Для воплощения положений этого ультиматума в жизнь как раз и были использованы силы отряда подполковника И. Бухгольца. После занятия необходимых территорий отряд по заданию правительства взял под свой контроль источники добычи железных, золотых и серебряных руд. Далее, к лету 1716 г., последовало царское указание склонить к принятию присяги на верность Российской империи джунгарского хана (хунтайши). Начавшиеся акции по внедрению его в жизнь вызвали волну протестов местного населения, в результате которых большинство солдат оккупационной армии погибли, как и отряд А. Бековича-Черкасского.

Попытка восстановить заложенные вышеописанными экспедициями укрепления была предпринята отрядом полковника Ступина в 1717 г. Целью её было закрепить российское присут-

ствие в регионе. После разгрома отряда И. Бухгольца джунгары разрушили ряд заложенных им крепостей, предназначенных для базирования российского военного контингента. Целью экспедиции Ступина как раз и было восстановление главнейших из них (в частности, на Ямышевом озере). Последующие экспедиции имели целью лишь обустройство новых укреплений, но ни они, ни отряд Ступина открытые карательные акции среди местного населения уже не производили. В то же время царское правительство строило планы по покорению Джунгарского ханства как главного препятствия на пути к установлению контроля в среднеазиатском регионе. Поэтому временное затишье, воспринятое джунгарами как мир, использовалось Россией для подготовки к активным захватническим действиям.

В освоении Россией новых территорий важное место всегда занимала пропаганда. Это, в частности, касается и научных описаний российской экспансии в разных регионах. Так, например, ещё начиная с университетской науки Российской империи, всегда подчёркивалось прогрессивное значение присоединения тех или иных территорий к российскому государству [9]. Относительно Казахстана эти тенденции прослеживались ещё непосредственно в риторике самого царского правительства времён включения казахских жузов в состав империи. В частности, как чиновники, так и учёные акцентировали внимание на том, что якобы существовавший в казахских степях кочевой родоплеменной строй мог быть преобразован в полноценную государственную систему только благодаря российскому влиянию. Дескать, только полная отмена традиционной казахской системы землеустройства и распространение на эту территорию общероссийского помещичьего землевладения (вместе с дворянскими титулами для представителей местной знати) способствовали прогрессивному социально-экономическому развитию Казахстана. При этом решениям царского правительства касательно вышеуказанных вопросов предшествовали подробные исследования особенностей казахского родового и земельного уклада русскими учёными. Помимо того, что логика их исследований была



построена таким образом, дабы продемонстрировать «несостоятельность» казахского уклада, приведённые в них данные использовались чиновниками при разработке механизмов крушения традиционного казахского строя (позволяли выделить цели для первоочередного «поражения»).

Эти и некоторые другие послы также эффективно служили имперским пропагандистам при формировании в сознании казахов образа «России-освободителя». Среди прочего, научные труды вплоть до середины XX в. были наполнены сравнениями российской колониальной системы с зарубежными аналогами. В частности, речь шла о латиноамериканских и африканских колониях, подвластных Испании, Португалии, Голландии, Франции и Англии. В этом контексте основные аргументы пропагандистов сводились к тому, что названные метрополии якобы занимались лишь истреблением коренного населения и безнаказанной эксплуатацией природных ресурсов в своих колониях, чего, мол, нельзя сказать о России [1, с. 108]. По мнению этих специалистов, целью колониальной политики Российской империи было осуществление провозглашённой Екатериной II «цивилизационной миссии» по «освобождению» и «улучшению» условий жизни «малых народов». При этом не принимается во внимание существенное отличие между русским и западным подходом к колонизации. Так, английский историк-компаративист Д. Ливен отмечает, что общей тенденцией, приведшей к упадку Российской и Османской империй, был недостаточный учёт национальных особенностей присоединённых территорий при построении внутренней политики [5, с. 31]. В целом же, на наш взгляд, противопоставление российской колонизации западным аналогам не является корректным ввиду того, что при всех ущемлениях населения Африки и Америки, осуществляемых западноевропейскими завоевателями, оно не подвергалось целенаправленной национальной ассимиляции. В случае же с Россией как раз это и являлось одной из главнейших задач экспансии. Так, казахи, как один из «малых народов» Российской империи, подлежали постепенному и полному «ненавязчивому обрусению», как это происходило

в то же время и с украинцами, и с крымскими татарами, и с грузинами. Показательно, что в текстах царских грамот, предоставленных казахским жузам при вхождении их в состав России, в противовес казахским народам содержалось словосочетание «природные подданные» (то есть россияне).

**Выводы.** Исходя из вышеизложенного, очевидно, что присоединение Казахстана к России осуществлялось в общем контексте экспансионистских устремлений Российской империи. Внешнеполитический курс последней основывался на выработанном на протяжении столетий идеологическом базисе, предполагавшем противопоставление российского государства всей системе международных отношений и, соответственно, международного правопорядка. Важное стратегическое значение казахских территорий для России состояло в их ресурсной базе (реки Амударья и Сыр-Дарья, золотые пески), выходных позициях для торговли в Средней Азии, а также нахождении на пути в Индию как ещё один стратегически важный регион. Направленные согласно царским указам в казахские степи, экспедиции А. Бековича-Черкасского и И. Бухгольца, бывшие одновременно, по сути, и карательными отрядами, наткнулись на острое сопротивление со стороны местного населения, однако смогли заложить ряд военных укреплений, необходимых для дальнейшего захвата территорий, а также добыть важные географические сведения для будущей экспансии в восточном направлении. Наконец, непосредственное присоединение казахских жузов к Российской империи во многом состоялось успешно благодаря пропагандистской идеологической работе царской администрации, представившей свои акции как «благо» для присоединяемых территорий. Дальнейшая перспектива исследований по заявленной тематике может состоять в оценке действий Российской империи с точки зрения международного права того времени.

#### Список использованной литературы:

1. Асфендиаров С.Д. История Казахстана (с древнейших времён) / С.Д. Асфендиаров. Алма-Ата

Москва : Казахское краевое издательство, 1935 261 с.

2. Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века. *Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата : «Наука», 1969. С. 50–145.

3. Большая игра России на Востоке. 100 великих тайн Востока / Автор-сост. Н.Н. Непомнящий. Москва : Вече, 2013. С. 280–308.

4. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.

5. Макаренко В.П. Русский государственный разум с точки зрения османско-имперской компаративистики. *Проблемы всемирной истории: научный журнал*. № 1 (3). 2017. С. 30–51.

6. Норкус З. Непроголошена імперія: Велике князівство Литовське з погляду порівняльно-історичної соціології імперій. Київ : Критика, 2016. 440 с.

7. Плохий С. Загублене царство. Історія «Русского мира» з 1470 року до сьогодні. Харків : Фоліо, 2019. 308 с.

8. Фукуяма Ф. Витоки політичного порядку. Від прадавніх часів до Французької революції. Київ : Наш формат, 2018. 576 с.

9. Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана. Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : «Наука» КазССР. 1981. С. 164–191.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Иванов Александр Юрьевич** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национальной академии Службы безопасности Украины;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Ivanov Aleksandr Yuryevich** – PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the National Academy of the Security Service of Ukraine;

*historyoflaw@ukr.net*



УДК 336.279(045)

## ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

**Валентина КОЗЫРЕВА,**  
кандидат юридических наук, доцент,  
профессор кафедры хозяйственного, воздушного и космического права  
юридического факультета  
Национального авиационного университета

**Анна ПОЛЯЦКО,**  
помощник адвоката

### АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются правовые аспекты института банкротства в Украине и других странах мира, также дается характеристика законодательства и системы банкротства выбранных стран. Проведен сравнительный анализ сводных характеристик по вопросам банкротства и проанализированы все проблемные аспекты данного явления.

**Ключевые слова:** банкротство, динамика банкротства, должник, кредитор.

### BANKRUPTCY LEGAL CONTROL: PROBLEMS INTERNATIONAL AND DOMESTIC EXPERIENCE

**Valentina KOZYREVA,**  
Candidate of Law, Associate Professor,  
Professor of the Department of Business, Air and Space Law  
of Law Faculty  
of the National Aviation University

**Anna POLYATSKO,**  
Assistant Lawyer

### SUMMARY

The article describes the legal aspects of bankruptcy institute in Ukraine and other countries of the world, also describes the characteristics of bankruptcy legislation and the system of bankruptcy of selected countries. A comparative analysis of the bankruptcy characteristics was conducted and all the problematic aspects of this phenomenon were analyzed.

**Key words:** bankruptcy, dynamics of bankruptcy, debtor, creditor.

**Актуальность темы исследования.** На сегодня очень актуальным является вопрос неплатежеспособных предприятий, но в тот же момент для лучшего правового регулирования данного института важным является анализ действующего законодательства и опыт зарубежных стран.

**Состояние исследования.** Научный анализ проблем института банкротства в Украине осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать Б. Полякова, И. Бланк, Г. Спрингейта, А. Коваленко А. Терещенко и другие

**Целью и задачей статьи являются** исследование и сравнение законодательства Украины и развитых стран мира с целью выявления новых аспектов процедуры банкротства для повышения эффективности вопросам регулирования данного института.

**Изложение основного материала.** Для любой страны мира достаточно важным элементом развития экономики является именно правильно регламентированный, четкий механизм процедуры банкротства. Ведь для полноценного развития экономики является прямой необходимостью слаженного функционирования механизмов банкротства. На сегодняшний день Украина находится именно в состоянии совершенствования и реформирования экономики государства.

Банкротство является установленной хозяйственным судом неспособностью должника (субъекта банкротства) восстановить свою платежеспособность и удовлетворить признанные судом требования кредиторов не иначе как через применение ликвидационной процедуры. Под неплатежеспособностью понимается неспособность субъекта предпринимательской деятельности выполнить после наступления установленного

срока их уплаты денежные обязательства перед кредиторами, в том числе по заработной плате, а также выполнить обязательства по уплате налогов и сборов (обязательных платежей) не иначе как через восстановление платежеспособности. Участниками процедуры банкротства являются: должник, кредиторы, которые выступают сторонами в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий (распорядитель имущества, управляющий санацией, ликвидатор), владелец имущества (орган, уполномоченный управлять имуществом) должника, хозяйственные суды. Субъектами банкротства (банкротами) могут быть юридические и физические лица (должника), несостоятельность которых в аспекте выполнения своих денежных обязательств установлена хозяйственным судом. К субъектам банкротства не принадлежат обособленные структурные подразделения юридического лица,





в том числе филиалы, представительства, отделения, сельскохозяйственные обслуживающие кооперативы, а также иностранные юридические лица и международные организации с постоянным местонахождением за пределами Украины. Не может принадлежать к субъектам банкротства также и казенное предприятие, поскольку в случае его финансовой несостоятельности по обязательствам такого предприятия ответственность несет государство. Кредитором признается юридическое или физическое лицо, имеющее подтвержденные документами требования по денежным обязательствам к должнику, в том числе по выплате задолженности по заработной плате работникам должника. Кредитором могут также признаваться органы государственной налоговой службы и другие государственные органы, осуществляющие контроль за правильностью и своевременностью взимания налогов и сборов (обязательных платежей). Под денежными обязательствами должника заплатить кредиторам определенную денежную сумму в соответствии с гражданско-правовым договором и по другим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством Украины. Основанием для применения банкротства к субъекту предпринимательской деятельности является его неплатежеспособность. Сейчас же только несостоятельность субъекта предпринимательской деятельности выполнить свои денежные обязательства перед кредиторами не означает, что он банкрот. Субъект предпринимательской деятельности, который не способен выполнить свои денежные обязательства перед кредиторами, в том числе обязательства по уплате налогов и сборов или обязательных платежей, в течение трех месяцев после наступления установленного срока их уплаты, признается должником [5].

Мировая практика развития банкротства проходила по британской и американской модели. Британская модель предусматривала, прежде всего, возврат средств кредиторам, а американская – санацию предприятия [2, с. 26]. Для лучшего исследования института банкротства стоит исследовать и проанализировать международный опыт его функционирования. Например, законодательство Франции по вопросам банкротства основывается на двух законах,

которые были приняты в 1985 и действующие до сих пор: Закон «О восстановлении предприятий и ликвидации их имущества в судебном порядке»; Закон «О конкурсном управлении ликвидаторов и экспертов по определению состояния предприятия». Законодательство направлено, прежде всего, на сохранение предприятия, оно более нацелено на защиту должника, чем кредитора. Однако, в свою очередь, должник в случае несостоятельности должен собственноручно подать заявление в суд о возбуждении дела о банкротстве, если он не может восстановить платежеспособность в течение 15 дней. Лучшей среди реорганизационных процедур в процедуре банкротства является сдача предприятия в аренду с правом выкупа на срок не более двух лет, а среди ликвидационных – продажа предприятия как производственной единицы. Социальный аспект проявляется и при определении приоритета выплат: предпочтение отдается выдаче заработной платы персоналу предприятия-должника, а не выплатам другим категориям кредиторов [3, с. 291]. В отличие от других стран, где существует отдельный государственный орган по вопросам банкротства, во Франции такого органа нет. А по факту вопрос банкротства решает государство – именно оно принимает участие в процедуре через органы прокуратуры. Все вопросы решаются через обычный суд. Прокурор в свою очередь имеет право подать дело о нарушении банкротства в суд, а также исключительное право подать запрос об отмене плана реорганизации, о прекращении деятельности должника и открытии ликвидационной процедуры [4, с. 58].

Основным законом Германии является закон «О несостоятельности» с 1999 г., согласно которому роль основного государственного органа по вопросам банкротства принадлежит Федеральному министерству юстиции. Заявление о возбуждении дела вправе подать как кредитор, так и должник, однако должник должен в течение 21 дня восстановить свою платежеспособность или собственноручно подать заявление в суд о возбуждении дела о банкротстве. Законодательство Германии направлено на сохранение бизнеса должника и пропорциональное удовлетворение требований кредиторов. Определяющая роль в определении судьбы должника принадлежит кредиторам, которые через полтора месяца после ве-

дения процедуры банкротства должны принять решение либо о продаже имущества, либо о санации. Санация неплатежеспособного предприятия может осуществляться без смены собственника, путем вложения средств в бизнес должника, и со сменой собственника, путем продажи бизнеса [3, с. 291].

В Европейском Союзе банкротство, если использовать известную терминологию, самостоятельной отраслью права не признается. Нормативные акты, связанные с банкротством, отдельно не выделены. Вместе с тем нормы, направленные на регулирование отношений несостоятельности субъектов права, можно найти в некоторых определенных сферах правового массива ЕС. Банкротство в европейских странах считается важной частью права компаний. В случае прекращения деятельности юридического лица применяются специальные правила для равного распределения выручки от реализованного имущества такого лица [5]. Законодательство ЕС гарантирует лицам право свободно участвовать в складочном капитале любой компании, независимо от того, в какой стране она зарегистрирована. Другой стороной такого права является обязательство вернуть инвестированные в компанию средства, в том числе и в случае его несостоятельности. Поэтому в ЕС процедура банкротства как элемент рыночно ориентированной экономики [6] является важным юридическим средством решения проблем задолженности в структуре права компаний. Прекращение деятельности несостоятельной предпринимательской организации по правилам законодательства о банкротстве имеет целью обеспечить надлежащую защиту имущественных интересов кредиторов, иногда многих сотен кредиторов, имеющих имущественные требования к должнику. В большинстве случаев такой способ является предпочтительным как для должника, так и кредиторов. Необходимо также отметить, что обеспечение прав кредиторов по делам о трансграничных банкротствах, когда кредиторы несостоятельной компании находятся на территории нескольких стран, является достаточно сложной процедурой. Известно, что в ЕС особое внимание уделяется юридическим средствам поддержки справедливой конкуренции. Законодательство о конкуренции считают той сферой правового регулирования



частных отношений, которая должна быть предметом для гармонизации законодательства стран – претендентов на членство в ЕС [6]. Приведенное выше имеет прямую связь с правом банкротства, поскольку процедуры банкротства являются теми рыночными механизмами, которые стоят на страже честной конкуренции, помогают регулированию имущественных отношений между участниками экономических отношений без прямого вмешательства государства. Также сейчас в ЕС действует специальный нормативный акт, регулирующий отношения несостоятельности в трансграничных делах – Регламент Совета ЕС 1346/2000 от 29.05.2000 г. О процедурах несостоятельности (the Council Regulation 1346/2000 / EC of 29 May 2000 on insolvency proceedings) [7]. Суть данного Регламента во внедрении системы мер по решению проблем в трансграничных банкротствах путем обеспечения координации судебных производств в множественных судебных делах о банкротстве.

Законодательство Украины о регулировании банкротства зарождалось сначала по британской модели и до сих пор развивается согласно этой модели. На сегодняшний день в Украине существует ряд законов и кодексов, регулирующих систему банкротства. К ним относятся такие законы, как: Закон Украины «Об исполнительном производстве», Закон Украины «О нотариате», Гражданский кодекс Украины, Хозяйственный кодекс Украины, Хозяйственный процессуальный кодекс Украины, Кодекс Украины из процедур банкротства [1], который помогает предприятиям эффективнее применять процедуру санации. Поэтому сейчас Украина также начала применять не только британскую модель развития банкротства, а частично и американскую, что свидетельствует о положительных изменениях в развитии института банкротства.

Кодекс из процедур банкротства устанавливает условия и порядок восстановления платежеспособности должника юридического лица или признание его банкротом с целью удовлетворения требований кредиторов, а также восстановления платежеспособности физического лица. Целью документа является повышение эффективности процедуры банкротства, уровня защищенности прав кредиторов, совершенствование процедуры продажи имущества должника на

аукционе, повышение уровня выполнения контрактов и судебных решений, регулирование отношений по восстановлению платежеспособности физических лиц, оказавшихся в трудной финансовой ситуации и нуждающихся в помощи со стороны государства. Наиболее значимым изменением является возможность признавать банкротами физических лиц. До принятия Кодекса такой возможности не было. С целью восстановления платежеспособности должника разрабатывается план реструктуризации долгов должника [5]. План реструктуризации долгов должника утверждается хозяйственным судом только после полного погашения долгов должника по уплате алиментов, возмещения вреда, причиненного увечьем, другим повреждением здоровья или смертью физического лица, уплаты страховых взносов на общеобязательное государственное пенсионное и прочее социальное страхование, если такая задолженность существует [1]. В случае, если в течение 120 дней со дня открытия производства по делу о неплатежеспособности собранием кредиторов не принято решение об одобрении плана реструктуризации должника или принято решение о переходе к процедуре погашения требований должника, суд выносит постановление о признании должника банкротом и введении процедуры погашения долгов должника. Введение Кодекса Украины из процедур банкротства имело целью усовершенствовать процедуры банкротства, уменьшение сроков производства по делам о банкротстве; обеспечение существенного улучшения условий ведения бизнеса в Украине по тем направлениям, которые учитываются Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией при составлении рейтинга “oing usiness”, имея стратегической целью вхождение Украины в ведущую двадцатку стран мира по условиям ведения бизнеса; обеспечение равных прав и возможностей для одинаковой защиты всеми кредиторами должника своих законных интересов в процедуре банкротства. Именно этот нормативно-правовой акт может повысить уровень защиты прав кредиторов, в том числе залладных. Активы должников будут продаваться через онлайн-платформы, что обеспечит прозрачность и максимально высокую цену отчужденного имущества [1]. Кредиторы могут принимать участие в избрании арбитражного управляюще-

го, который будет регулярно отчитываться перед ними о финансовом состоянии должника. Благодаря обеспечению прав кредиторов в Украине, возобновление кредитования обеспечивается, в том числе, через упрощенный механизм обращения взыскания на заложенное имущество. Правила ведения бизнеса, в частности в части банкротства, становятся прозрачными и понятными для инвесторов, которые уже работают в Украине или планируют начать деятельность в соответствии с Кодексом.

**Выводы.** Каждое государство – участник ЕС имеет свою уникальную систему правового регулирования отношений несостоятельности, которые, как правило, выделены в отдельную сферу законодательства. Однако межграничным регулированием этих правоотношений являются унифицированные нормы Регламента ЕС 1346/2000. Вопросы правового регулирования процедуры банкротства в Украине находятся на стадии совершенствования и обновления как на национальном, так и на международном уровне. Именно адаптация национального законодательства к современным международным стандартам и нормам международного сотрудничества, а также целенаправленный характер действий важны для оптимального решения экономических задач и правовых недостатков. Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что законодательство должно способствовать сохранению предприятий от ликвидации, улучшая действенность и эффективность процедуры санации. За последние годы количество банкротств предприятий в Украине уменьшилась, но до сих пор остается большой процент ликвидации предприятий. Так, имплементация зарубежных норм и опыт других стран является весьма полезным и актуальным в предотвращении признания предприятия банкротом. Также важно уделить особое внимание списанию долгов или предоставлению других кредитов для восстановления платежеспособности должника, что активно практикуют зарубежные страны.

#### Список использованной литературы:

1. Кодекс Украины из процедур банкротства. URL: [http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4\\_1?pf3511=63518](http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=63518).



2. Пути совершенствования механизма процедуры банкротства в Украине на основе международного опыта. *Вече*. 2014. № 18. С. 24–28.

3. Козак Л.С. Институт банкротства как неотъемлемый элемент рыночной экономики / Л.С. Козак, А.В. Федорук. *Управление проектами, системный анализ и логистика. Техническая серия*. 2010. Вып. 7. С. 290–294.

4. Правовое положение субъектов обеспечения конкурсного производства: отечественный и зарубежный опыт. *Science Rise*. 2016. № 1 (1).

5. Джеджула В.В., Цвик А.Г. (2016). Современные методические подходы к оценке кредитоспособности предприятия. *Экономика и общество*. Выпуск № 7. С. 290–294.

6. Бирюков А.М. Законодательство о банкротстве в контексте процессов гармонизации права Украины к европейским и мировым стандартам. *О банкротстве в Украине: Законодательство, судебная практика и перспективы развития*: материалы III ежегодной конф. Ассоциации юристов Украины (г. Киев, 08.06.2006 г.). Киев : АПУ, 2006. С. 12.

7. О производстве по делам о неплатежеспособности: Регламент Радб (ЕС) № 1346/2000 от 29.05.2000 г. URL: old.minjust.gov.ua/file/32678.docx (дата обращения: 17.03.2018).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Козырева Валентина Петровна** – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры хозяйственного, воздушного и космического права Юридического факультета Национального авиационного университета;

**Поляцко Анна Владимировна** – помощник адвоката.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Kozyreva Valentina Petrovna** – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Business, Air and Space Law of Law Faculty of the National Aviation University;

kozurevav@ukr.net

**Polyatsko Anna Vladimirovna** – Assistant Lawyer;

daruishanna@ukr.net

УДК 343.1

## АРЕСТ ИМУЩЕСТВА С ЦЕЛЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ

**Ирина КРИЦКАЯ,**

кандидат юридических наук,  
ассистент кафедры уголовного процесса

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

#### АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы законности и обоснованности наложения ареста с целью обеспечения сохранения вещественных доказательств на такие объекты, как безналичные денежные средства и e-money. Для этого автор раскрывает юридическую природу указанных объектов, выделяет их характерные свойства, а также соотносит с понятием «вещественное доказательство» и обращается к системному анализу соответствующей судебной практики. Кроме того, в работе обращается внимание на отдельные дискуссионные аспекты наложения ареста на цифровые носители информации.

**Ключевые слова:** арест имущества, обеспечение сохранения вещественные доказательства, безналичные денежные средства, электронные деньги, цифровые носители информации.

## SEIZURE OF PROPERTY FOR THE ENSURING THE PRESERVATION OF MATERIAL EVIDENCE: SOME CONTROVERSIAL ASPECTS

**Irina KRITSKAYA,**

PhD in Law,  
Teaching Assistant of the Department of Criminal Process  
of Yaroslav Mudryi National Law University

#### SUMMARY

The article discusses the legality and validity of seizure of objects such as cashless funds and e-money in order to ensure the preservation of material evidence. To this end, the author reveals the legal nature of these objects, identifies their characteristic properties, and also correlates with the concept of “material evidence” and turns to a system analysis of the relevant judicial practice. In addition, the work draws attention to certain controversial aspects of seizure of digital media.

**Key words:** seizure of property, ensuring the preservation of material evidence, cashless funds, electronic money, digital media.

**Постановка проблемы.** Обеспечение быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного рассмотрения как задача уголовного производства, закрепленная в ст. 2 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК), коррелирует с оговоркой, согласно которой ни одно лицо не должно подвергаться необоснованному процессуальному принуждению. В свете указанного следует подчеркнуть, что центральное место в системе социально-экономических прав и свобод граждан занимает право собственности, которое в ст. 41 Конституции Украины нашло свое закрепление

наравне с такими основополагающими правами, как право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, честь и достоинство, являющимися естественными, неотчуждаемыми и нерушимыми.

**Актуальность темы исследования.** Учитывая отмеченное выше, перманентно важной остается проблематика, связанная с обеспечением законности и соразмерности необходимых ограничений при применении ареста имущества в уголовном производстве. При этом отметим, что отдельного внимания заслуживает вопрос о допустимости наложения



ареста на некоторые группы объектов, например, деньги в безналичной форме, электронные деньги, цифровые носители и такое прочее, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 170 УПК, то есть в целях обеспечения сохранения вещественных доказательств, поскольку возможность отнесения указанных объектов к категории вещественных доказательств ставится под сомнение как отдельными теоретиками, так и практиками. При этом важным аспектом, который не может быть оставлен без внимания, является то, что, учитывая положения ч. 2, 3 ст. 170 УПК, с вышеуказанной целью арест может быть наложен на имущество любого физического и юридического лица, но только при условии, если такое имущество соответствует критериям, определенным в ст. 98 УПК.

**Состояние исследования.** Вопросы ареста имущества, в частности и с целью обеспечения сохранения вещественных доказательств, исследовались в работах таких ученых и практиков, как Е.В. Верхогляд-Герасименко, И.И. Войтович, И.А. Воробьева, И.В. Гловюк, В.А. Гринюк, Я.В. Замковская, И. Зиньковский, О.В. Каплина, А. Котова, А. Кравченко, Г.М. Куцкир, Ю.М. Мирошниченко, Н.С. Моргун, С.М. Смоков, О.Ю. Татаров, О.Г. Шило и других. В то же время непосредственно вопрос законности наложения ареста с указанной целью на некоторые категории объектов, а именно безналичные и электронные деньги, цифровые носители информации, не был предметом отдельного изучения.

**Цель и задачи исследования.** Сквозь призму анализа правовой природы перечисленных объектов, а также исследование правоприменительной практики, раскрыть вопрос о том, могут ли они быть признаны вещественными доказательствами и может ли быть по указанным основаниям на них наложен арест в уголовном производстве.

**Изложение основного материала.** Системный анализ украинского законодательства свидетельствует о распространенности использования словосочетаний «безналичная форма денег», «безналичные формы расчетов» (например, Законы Украины «О банках и банковской деятельности», «О государственных гарантиях восстановления сбережений граждан Укра-

ины», «О применении регистраторов расчетных операций в сфере торговли, общественного питания и услуг», «О платежных системах и переводе средств в Украине» и т. п.) по сравнению с понятием «безналичные деньги». В частности, в Законе Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине» (ст. 3.1) определено, что средства существуют в наличной форме (форме денежных знаков) или в безналичной форме (форме записей на счетах в банках). Почти дублирует указанное положение Письмо НБУ от 16.05.2019 г. № 57-0007/26039. Исходя из указанного предписания, под безналичными деньгами законодатель, по сути, понимает записи на счетах в банках.

В гражданско-правовой науке не существует единого взгляда на понимание юридической природы безналичных денег. В частности, С. Шимон в своей публикации выделяет две основные концепции по этому вопросу – вещественно-правовую, по которой такие деньги являются объектами прав, а также обязательно-правовую, которая отрицает их материальную природу [1, с. 48]. Контекстно следует отметить, что сущность второго подхода сводится к тому, что безналичные средства на банковских счетах не являются вещами, существуют в форме записей и представляют собой свидетельство обязательственного права требования клиента к банку. В то же время И.В. Спасибо-Фатеева отстаивает смешанный подход – так называемую «вещественно-обязательственную» природу безналичных денег, обосновывая это тем, что право требования к банку о выдаче денег (которое существует в рамках договора текущего счета) трансформируется в имущественное право по их поводу как объекта права собственности [2]. На наш взгляд, целесообразно поддерживать позицию С. Шимон, которая, раскрывая юридическую природу безналичных денег и выделяя их признаки, предлагает определять их как идеальные, а не обычные, вещи (имущественные нематериальные объекты, которые являются составной частью имущества субъекта), поскольку это, по мнению исследовательницы, позволит избежать искусственных правовых конструкций ради одного только сохранения тради-

ции считать вещами исключительно материальные предметы [1, с. 50–51]. Таким образом, из указанного заключения следует, что безналичные деньги, очевидно, не могут считаться материальными, реальными предметами в их традиционном понимании.

Принимая во внимание вышеуказанное, представляется возможным выделить некоторые свойства безналичных денег: (1) они являются разновидностью денег, учитывая единство и равенство всех форм существования последних; (2) для них характерна транслированность, то есть возможность быть переданными не напрямую, а опосредованно, с помощью различных электронных устройств; (3) они являются поргативными, то есть пригодными для удобной передачи и хранения; (4) для получения данных о валюте, сумме и так далее информация должна быть преобразована с использованием специальных технических приспособлений.

Переходя к анализу юридической природы электронных денег, прежде всего, обратимся к определению понятия «электронные деньги» в украинском законодательстве. В соответствии со ст. 15 Закона Украины «О платежных системах и переводе средств в Украине» электронные деньги – это единицы стоимости, которые хранятся на электронном устройстве, принимаются как средство платежа другими лицами, нежели лицо, которое их выпускает, и являются денежным обязательством этого лица, что выполняется в наличной или безналичной форме. С технологической стороны электронные деньги похожи с безналичными деньгами, но это не тождественные понятия – с юридической точки зрения они имеют существенные различия. Так, безналичные деньги существуют в виде записей на банковских счетах, в то время как электронные представляют собой записи на электронном устройстве [3, с. 91].

Таким образом, по нашему мнению, e-money характерны следующие свойства: (1) они являются разновидностью электронной информации, которая хранится на специальном устройстве; (2) данная информация обладает специфической особенностью – транслированностью, то есть возможностью быть переданной на другие устройства





с помощью различных электронных приспособлений (компьютерных сетей, платежно-идентификационных смарт-карт и такого прочего); (3) они являются максимально портативными, что проявляется в возможности их удобной передачи и хранения; (4) в силу хранения электронных денег на внутренних и внешних носителях информации, при физическом уничтожении такого материального носителя восстановить денежную стоимость невозможно; (5) для получения данных о валюте, сумме и так далее информация должна быть преобразована с использованием специальных технических приспособлений.

На основании изложенного выше, попробуем раскрыть соотношение электронных денег и безналичных денег с вещественными доказательствами. Для этого, в первую очередь, обратимся к определению понятия вещественных доказательств. Так, согласно ч. 1 ст. 98 УПК, вещественными доказательствами являются материальные объекты, которые были орудием совершения уголовного правонарушения, сохранили на себе его следы или содержат другие сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательства факта или обстоятельств, устанавливаемых в ходе уголовного производства, в том числе предметы, которые были объектом уголовно противоправных действий, деньги, ценности и другие вещи, приобретенные уголовно противоправным путем или полученные юридическим лицом в результате совершения уголовного правонарушения.

То есть, с одной стороны, и для электронных, и для безналичных денег, как и для вещественных доказательств, характерно наличие объективной связи с событием уголовного преступления. Имеется в виду, что они могут вполне подпадать под критерии вещественного доказательства, перечисленные в ч. 1 ст. 98 УПК, например, быть предметом преступления либо же быть полученными в результате совершения уголовного правонарушения.

С другой стороны, остаются сомнения относительно того, являются ли электронные и безналичные деньги материальным объектом, и в связи с этим обладают ли они такими свойствами, как материальность и доступ-

ность для непосредственного восприятия, характерными, на наш взгляд, для вещественных доказательств [4, с. 102]. Для решения обозначенной проблемы обратимся к раскрытию содержания этих двух свойств.

Понимание нами сути такого свойства, как материальность, базируется на лексическом значении слова «материальный – тот, что относится к материи; существует независимо от сознания; имеет осязаемую форму; вещественный, предметный» [5, с. 385]. В то же время, как справедливо отмечает А.А. Рясков, материальность, вещественный характер объекта обычно понимают как то, что он имеет четкую материально фиксированную структуру. Действительно, основная масса вещественных доказательств имеют четкую пространственно-временную локализацию [6, с. 24–25].

Тем не менее, хотя безналичные деньги, как и электронные, на наш взгляд, являются материей в философском понимании этой категории, поскольку существуют вне сознания человека, принципиальным в этом случае является критерий физической возможности, удобства и целесообразности изъятия такой формы денег в качестве вещественного доказательства, а также возможности применения к ним правил работы с этим процессуальным источником доказательств. Учитывая данный тезис, представляется осложненным понимание e-money и безналичных денег как материальных объектов, следовательно, на наш взгляд, они не наделены таким сущностным свойством вещественных доказательств, как материальность, и поэтому не должны быть отнесены к этому процессуальному источнику доказательств.

Касательно второго свойства – доступности для непосредственного восприятия – следует отметить, что, для большинства традиционных вещественных доказательств характерной является возможность их визуального наблюдения, осмотра и фиксации их внешних признаков. Очевидно, что проведение подобных операций, представляется довольно сложным с данными формами существования денег. В частности, по нашему мнению, не стоит рассматривать воспроизведение электронной информации, которой

по своей природе являются электронные деньги, с помощью определенных цифровых приспособлений осмотром в его традиционном понимании, как непосредственное визуальное (или с помощью других органов чувств человека) наблюдение. Действительно, исследование подобной электронной информации возможно только путем ее воспроизведения с использованием специальных технических средств. И подобный характер существования и хранения e-money, безусловно, требует обязательного преобразования таких данных с целью их дальнейшего исследования и использования в уголовном процессуальном доказывании. Это означает, что в отличие от вещественных доказательств, в которых фактические данные содержатся в естественной, некодированной форме, для восприятия электронных денег как доказательства обязательной будет процедура их преобразования, объективизации.

Системный анализ отечественной судебной практики также свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода относительно обозначенной проблемы. В частности, коллегия судей Сумского апелляционного суда в постановлении от 19 марта 2019 г. (судебное дело № 592/19422/18), давая оценку действиям следственного судьи, наложила арест на деньги в безналичной форме и отметила, что судья на законных основаниях пришел к выводу о необходимости наложения ареста на деньги ООО «Юкона Стар», размещенные на счете в АО «СБЕРБАНК», поскольку материалы уголовного производства подтверждают мотивы следователя о том, что указанные деньги ООО «Юкона Стар» отвечают критериям, определенным в ст. 98 УПК, как вещественным доказательствам. При этом доводы апелляционной жалобы о том, что безналичные деньги не являются вещественными доказательствами, поскольку они не являются идентифицированными объектами материального мира, которые могут содержать в себе сведения или следы уголовного преступления, суд во внимание не принял, поскольку, согласно ст. 98 УПК, вещественным доказательством могут быть деньги, если есть достаточно оснований считать, что они приобретены уголовно противоправным путем



или получены юридическим лицом в результате совершения уголовного преступления. Не соглашаясь с изложенным в приведенном решении подходом, еще раз подчеркнем то, что, на наш взгляд, наличие у безналичных денег такого признака, как относимость, то есть существование объективной связи с событием уголовного преступления, автоматически не делает их вещественными доказательствами, ведь не наделяет их другими свойствами, характерными для этого процессуального источника.

Довольно распространенной является аргументация судей о возможности наложения ареста на безналичные деньги в целях обеспечения сохранности вещественных доказательств, подкрепленная ссылкой на ч. 10 ст. 170 УПК. Например, коллегия судей Киевского апелляционного суда в постановлении от 6 февраля 2019 г. (судебное дело № 752/13113/17) отметила, что утверждение адвоката о том, что безналичные денежные средства не являются вещественным доказательством, следует признать необоснованными, с учетом требований ч. 10 ст. 170 УПК, согласно которой арест может быть наложен в установленном настоящим Кодексом порядке на, в частности, деньги в любой валюте в наличной или в безналичной форме и так далее, в отношении которых постановлением или решением следственного судьи, суда определена необходимость ареста имущества. По нашему мнению, подобная отсылка к ч. 10 ст. 170 УПК в указанном контексте не совсем корректна, так как данная часть имеет самостоятельное нормативное содержание и, очевидно, не является логическим продолжением непосредственно п. 1 ч. 2, ч. 3 ст. 170 УПК. Ч. 10 ст. 170 КПК действительно предусматривает возможность ареста денег в безналичной форме, однако при этом не определяет конкретно именно такую цель, как обеспечение сохранности вещественных доказательств.

Противоположный правоприменительный подход может быть проиллюстрирован на примере решения Черновицкого апелляционного суда от 13 февраля 2019 г. (судебное дело № 727/875/19), в которой коллегия судей не увидела законных оснований для наложения ареста на безналичные

средства в целях обеспечения сохранности вещественных доказательств. Однако следует обратить внимание на мотивы, указанные судом, а именно то обстоятельство, что орган досудебного расследования, обращаясь с ходатайством об аресте имущества с целью обеспечить сохранение вещественного доказательства, в первую очередь должен признать имущество, на которое он просит наложить арест, вещественным доказательством в уголовном производстве путем вынесения об этом постановления, в котором должен указать основания признания имущества вещественным доказательством. По нашему мнению, оценка возможности отнесения безналичных денег к вещественным доказательствам только на основании факта признания их соответствующим постановлением вещественным доказательством, свидетельствует о формальном подходе к обозначенной проблеме, поскольку не учитывает понимание специфической юридической природы безналичных денег.

Отдельно обратим внимание на то, что в апелляционных жалобах по указанному вопросу достаточно часто лица ссылаются на то, что в понимании требований ст. 98 УПК безналичные средства не могут быть вещественными доказательствами, поскольку не являются материальными объектами, а исключительно записями на счетах в банках, поскольку банковский счет используется только для учета денежных средств, а не для их фактического хранения. Следовательно, в силу своей природы они не могут сохранить на себе следы или сведения об обстоятельствах, устанавливаемых в ходе уголовного производства. Учитывая приведенные нами выше взгляды на юридическую природу безналичных денег, а также результаты их сопоставления с характерными свойствами вещественных доказательств, указанные аргументы являются достаточно убедительными и должны быть учтены судьями при оценке допустимости наложения ареста на деньги в безналичной форме именно с такой целью, как обеспечение сохранности вещественных доказательств.

В данном контексте определенный компаративно-правовой интерес представляет позиция Конституци-

онного Суда Российской Федерации, сформулированная в определении от 19.12.2017 г. №2888-О. В частности, Суд отметил, что безналичные денежные средства, которые существуют в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя) и по своей природе представляют собой обязательное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет, сами по себе не способны служить средством доказывания, поэтому они не обладают признаками вещественного доказательства.

В рамках исследованной нами тематики остановимся также на вопросах законности наложения ареста с целью обеспечения сохранения вещественных доказательств на цифровые носители доказательственной информации. Стоит отметить, что данный аспект является достаточно дискуссионным, поскольку ставит на повестку дня, с одной стороны, вопрос об обеспечении использования цифровых носителей информации в доказывании в уголовном процессе, а с другой – недопустимость противоправных и необоснованных нарушений или ограничений прав человека и законных интересов в случаях, когда такие носители информации должны быть изъяты для выполнения задач уголовного судопроизводства. Про актуальность указанной проблемы, в частности, свидетельствует проект Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный процессуальный кодекс Украины и Уголовный кодекс Украины (относительно совершенствования порядка применения отдельных мер обеспечения уголовного производства)» (рег. № 9484 от 17.01.2019 г.). Отметим, что данный законопроект, после обсуждений и получения научно-правовых заключений, был отозван, однако, тем не менее, своим существованием и содержанием продемонстрировал определенные позиции, существующие как в среде правотворцев, так и правоприменителей.

Так, в частности, п. 14-15 законопроекта предполагалось дополнить ч. 5 ст. 170 УПК Украины новым абзацем вторым, согласно которому арест на имущество в виде устройств для обработки, передачи и хранения электронной информации или их состав-



ляющих, если они используются их владельцем (или законным владельцем) как предметы или средства труда или если их арест может нанести вред физическому или юридическому лицу, которое не является участником этого уголовного производства, может быть наложен только с целью обеспечения специальной конфискации или конфискации имущества как вида наказания или мероприятия уголовно-правового характера по юридическому лицу. Давая научную оценку данному предложению авторов законопроекта, обратим внимание на следующее. В практике довольно распространенным является подход, вызванный ошибочным отождествлением наложения ареста на определенные материальные объекты и изъятие таких объектов из фактического владения лица. В то же время, в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК, «арестом имущества является временное, до отмены в установленном настоящим Кодексом порядке, лишение по решению следственного судьи или суда права на отчуждение, распоряжение и/или пользования имуществом ...», то есть вообще не идет речь о лишении лица такого правомочия, как фактическое обладание. Поэтому наложение ареста на устройство для обработки, передачи и хранения электронной информации, особенно учитывая предложенные в законопроекте изменения в ч. 12 ст. 170, совсем не означает их изъятие и лишение лица возможности использовать их как предметы или средства труда, а только будет направленным на недопущение их повреждения, уничтожения, отчуждения другим лицам и т.п. Таким образом, представляется целесообразным различать наличие оснований для ареста имущества и возможность передачи такого имущества на ответственное хранение владельцу.

Поэтому в указанных ситуациях может быть предложен следующий алгоритм действий: при наличии оснований, предусмотренных в ст. 170 УПК Украины, на указанные устройства может быть наложен арест, но только с ограничением права на распоряжение ими; устройство или его составляющие передается собственнику (или законному владельцу) на ответственное хранение, при этом в решении о передаче должны быть указаны обязан-

ности лица по хранению такого материального объекта, а именно: а) хранить вещественные доказательства в надлежащем состоянии, пригодном для использования в уголовном производстве; б) запрет отчуждать их, передавать другим лицам; в) предоставлять вещественные доказательства следователю, прокурору, суду для проведения необходимых процессуальных действий по первому требованию.

**Выводы.** Таким образом, с учетом юридической природы безналичных денежных средств и e-money, их характерных свойств, можно констатировать необоснованность наложения ареста непосредственно с целью обеспечения сохранения вещественных доказательств на данные объекты, поскольку для них не свойственны признаки материальности и доступности для непосредственного восприятия. Что касается законности наложения ареста с такой целью на цифровые носители информации, то в работе был предложен алгоритм процессуальных действий, который бы обеспечил соблюдение баланса прав и интересов частных лиц с задачами и потребностями доказывания и уголовного процесса в целом.

#### Список использованной литературы:

1. Шимон С. Безготівкові гроші як об'єкти цивільних прав (замітки до наукової дискусії). *Юридична Україна*. 2015. № 7–8. С. 47–52.
2. Спасибо-Фатєєва І., Дуденко Т. Правова природа майнових і корпоративних прав, їх оборотоздатність та деякі аспекти застави. *Юридичний радник: Журнал юристів України*. 2005. № 2–4. С. 26–30.
3. Петрофанова К. Р. Порівняльна характеристика електронних, готівкових та безготівкових грошей. *Проблеми законності*. 2017. Вип. 139. С. 86–94.
4. Речові докази у кримінальному провадженні: монографія / І. О. Крицька; [за наук. ред. А. Р. Туманянц]. Харків: Право, 2018. 280 с.
5. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1971. Т. 2. 799 с.
6. Рясов А. А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досу-

дебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 231 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Крицкая Ирина Александровна** – кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Kritskaya Irina Aleksandrovna** – PhD in Law, Teaching Assistant of the Department of Criminal Process of Yaroslav Mudryi National Law University;

[ira24kritskaya@gmail.com](mailto:ira24kritskaya@gmail.com)



УДК 343.221:343.9.018-058.53

## ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЧЛЕНАМИ МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУПП (ОБЪЕДИНЕНИЙ)

**Михаил ЛАРКИН,**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры уголовного права и правосудия  
Запорожского национального университета

### АННОТАЦИЯ

Подчеркивая повышенную конфликтность обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), нами рассмотрена её двойственная направленность.

Практика расследования преступлений неформальной молодежи свидетельствует о необходимости проведения, как правило, двух видов обыска, а именно: 1) личный обыск члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления либо задержанного в момент его совершения и 2) обыск по месту проживания члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления. Проанализированы отдельные тактико-криминалистические особенности проведения указанных следственных (розыскных) действий.

**Ключевые слова:** тактика, обыск, расследование, преступление, неформальная группа, неформальное объединение.

## TACTICAL AND CRIMINALISTICS FEATURES OF A SEARCH DURING INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY MEMBERS OF YOUTH INFORMAL GROUPS (ASSOCIATIONS)

**Mikhail LARKIN,**

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice  
of Zaporizhzhya National University

### SUMMARY

Emphasizing the increased conflict of the search in the investigation of crimes committed by members of youth informal groups (associations), we examined its dual orientation.

The practice of investigating crimes of informal youth indicates the need to conduct, as a rule, two types of searches. These are: 1) a personal search of a member of a youth informal group (association) 2) a search at the place of residence of a member of a youth informal group (association) suspected of committing a crime. The individual tactical and criminalistic features of the conduct of these investigative (search) actions are analyzed.

**Key words:** tactics, search, investigation, crime, informal group, informal association.

**Постановка проблемы.** Важнейшим поисково-познавательным следственным (розыскным) действием, которое проводится на первоначальном (а иногда и на последующем) этапе расследования преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), является обыск. Цель обыска – выявление орудий и средств совершения преступления, вещей и ценностей, добытых преступным путем, а также других предметов и документов, имеющих значение для установления истины при расследовании. Кроме того, обыск может быть направлен на обнаружение разыскиваемых лиц, трупов, животных. Дополнительной же целью обыска является обнаружение и изъятие вещей и предметов, изъятых законом из обращения, а также поиск имущества для обеспечения возмещения причинен-

ных убытков или в связи с возможной конфискацией [1, с. 535].

Его результативность способствует выявлению доказательственной информации, проверке отдельных версий и прочему.

К сожалению, вопросы тактико-криминалистического обеспечения проведения обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), на сегодняшний день недостаточно исследованы.

**Актуальность темы исследования.** Еще в 1948 г. В.И. Попов писал: «Успешность обыска обеспечивается знанием криминалистики, степенью практического опыта лица, производящего обыск, продуманностью и подготовленностью всей операции, плановостью действий следователя, его внимательностью,

наблюдательностью и умением ориентироваться в обстановке» [2, с. 4].

Эти слова, бесспорно, актуальны и сейчас. Ведь тактически грамотное проведение обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), имеет, без преувеличения, стратегическое значение. Поэтому данное следственное (розыскное) действие должно быть тщательно подготовлено и спланировано.

**Состояние исследования.** Разработке тактики проведения обыска при расследовании различного рода преступных деяний посвятили свои работы такие ученые-криминалисты, как В.П. Бахин, Р.С. Белкин, П.Д. Биленчук, А.И. Винберг, В.Н. Герасимов, А.Н. Гусаков, А.А. Закатов, В.И. Комиссаров, В.Е. Коновалова, И.Ф. Крылов,





А.А. Леви, Е.М. Лифшиц, И.М. Лузгин, В.Г. Лукашевич, А.И. Михайлов, В.И. Попов, А.Р. Рагинов, М.В. Салтвский, К.А. Чаплинский, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблоков и другие.

Отдельно хотелось бы выделить диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвященные тактическим рекомендациям по проведению обыска: С.Ф. Денисюк «Система тактических приемов обыска» (Харьков, 1999 г.), С.Б. Россинский «Производство обыска в форме специальной операции» (Москва, 2002 г.), И.Л. Бедняков «Обыск: проблемы эффективности и доказательственного значения» (Самара, 2009 г.).

**Целью и задачей статьи** является изучение отдельных особенностей тактики проведения обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений).

**Изложение основного материала.** По справедливому утверждению В.Л. Васильева, «обыск – это следственное действие, одним из доминирующих элементов которого является принуждение по отношению к обыскиваемому <...> Кроме того, для обыска характерно отсутствие постоянного диалога с лицом, располагающим необходимой информацией, отсутствие контакта (обыскиваемый часто уже в силу одной ситуации обыска склонен отрицательно относиться к следователю)» [3, с. 521]. Таким образом, обыску присущ «значительный потенциал конфликтности» [4, с. 45].

При расследовании же преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), конфликтность имеет двойственную направленность:

1) в связи с процессуальными статусами лиц, которые принимают участие в его проведении (сторона обвинения ↔ подозреваемый, заинтересованные лица), и противоречием их интересов;

2) в связи с неприятием обыскиваемым (обыскиваемыми) той реальной социальной действительности, в которой он находится, из-за членства в неформальной группе (объединении). Правоохранительные органы рассматриваются им как «враги», которые противостоят определенной идеологии, взглядам, мировоззренческим установкам и так далее.

Практика расследования преступлений неформальной молодежи сви-

детельствует о необходимости проведения, как правило, двух видов обыска. Это: 1) *личный обыск* члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления либо задержанного в момент его совершения и 2) *обыск по месту проживания* члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления.

*Личный обыск* члена молодежной неформальной группы (объединения) более чем в 90% случаев имеет конфликтный характер, что может выражаться в попытках применения физического насилия, психологическом давлении на лиц, проводящих обыск, угрозах. В 10% случаев члены молодежного неформального образования пытались пуститься в бегство.

Во время данного следственного (розыскного) действия целесообразно воспользоваться помощью специалиста-психолога, которому надлежит выполнить следующие задания:

- 1) оценить уровень конфликтности обыска;
- 2) наблюдать за задержанным (подозреваемым);
- 3) предоставлять консультации лицам, проводящим обыск [5, с. 121].

Особое внимание во время личного обыска должно быть уделено тем признакам внешнего вида лица, которые могут свидетельствовать о его принадлежности к определенному молодежному неформальному сообществу. Такими признаками могут быть одежда, обувь, аксессуары (их марки), стиль одежды задержанного (подозреваемого), специфические татуировки и другие.

Отдельное внимание следует уделить сленгу, который использует член молодежной неформальной группы (объединения). В связи с этим может возникнуть необходимость в консультировании со специалистом-лингвистом либо специалистом, который изучает деятельность, функционирование различных молодежных неформальных образований.

Сам же процесс личного обыска члена молодежной неформальной группы (объединения), кроме протоколирования, подлежит обязательной видеофиксации.

*Обыск по месту проживания* члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления, является более сложным с тактической точки зрения.

Принятие решения о производстве обыска и его обоснование требуют наличия определенной информации. В процессе подготовки к обыску объем этой информации должен быть существенно увеличен при помощи как следственных, так и оперативных действий. Собираемая при этом информация должна касаться как минимум трех категорий сведений:

- о личности обыскиваемого и окружающих его лицах;
- об искомых объектах;
- о месте (местах), где предстоит проводить обыск [6, с. 581].

Изучение личности обыскиваемого и круга его общения является первоочередной задачей при подготовке к обыску по рассматриваемой нами категории преступлений и должно происходить в рамках двух информационных блоков: 1) неформал как личность и 2) неформал как член молодежной неформальной группы (объединения) [7, с. 75]. В первом случае анализируются анкетные данные лица (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, семейное положение, образование, профессия, место работы, учебы, наличие либо отсутствие судимостей). Выяснить нужно не только точный адрес места обыска, но и данные о том, где действительно проживает обыскиваемый, состав его семьи, наличие близкой подруги, друга, родителей, всех тех мест, где он может укрыться сам или спрятать вещи, документы, интересующие следствие. Представляют особый интерес и данные о лицах, проживающих по соседству, их отношение к обыскиваемому, возможность получить от них ориентирующую информацию [6, с. 582]. Тщательно следует изучить характеристики с места работы, учебы обыскиваемого, показания коллег, сокурсников (однокурсников), информацию, содержащуюся в социальных сетях. Обязательно следует установить наличие (отсутствие) психических заболеваний, перенесенных травм, психологических срывов.

Вторая же информационная составляющая изучения личности преступника-неформала должна состоять из данных об особенностях молодежной неформальной группы (объединения): когда она образовалась, сколько человек принимает участие в её акциях, все ли члены участвуют в совершении противоправных деяний, кто является лидером (лидерами), каких взглядов



придерживаются её члены, какие ставят перед собой цели и каким образом добиваются их достижения. Детально необходимо проанализировать место обыскиваемого, его статус в неформальном образовании.

Существенным признаком обыска является его поисковый характер [8, с. 205]. При подготовке к проведению обыска у члена молодежной неформальной группы (объединения) все объекты поисковой деятельности следует разделить на:

– те, что имеют непосредственное значение для раскрытия и расследования преступления (преступлений), а именно: следы отпечатков пальцев, биологических веществ, оружия, боеприпасов и прочее.

– те, что свидетельствуют о причастности участников определенного неформального сообщества к совершению данного преступления (преступлений) либо о принадлежности лица к такому сообществу.

Безусловно, вторая группа объектов поиска является специфической, и следователь, оперативные сотрудники, эксперты сталкиваются с проблемами как выявления, так и определения того, что к ним следует относить. Так, это может быть атрибутика неформальной группы (объединения), «устав», плакаты на стенах, литература (например, пропагандирующая расизм, национализм, религиозный экстремизм) и другие. Поэтому будет уместным воспользоваться помощью специалиста, который изучает деятельность, функционирование различных молодежных неформальных образований.

Неотъемлемым условием эффективности обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), становится рационально сформированный состав следственно-оперативной группы и использование, конечно, фактора внезапности.

Не менее важным является и тактико-психологическое обеспечение самого процесса проведения данного следственного (розыскного) действия.

С.Ф. Денисюк и В.Ю. Шепитько, отмечая наличие реально существующего взаимодействия между прячущим (обыскиваемым) и ищущим (обыскивающим), утверждают, что психологическое общение между названными лицами начинается еще до обыска, когда прячущий прогнозирует возможности

поисковых действий и избирает место и способ сокрытия, определяет форму будущего поведения [9, с. 48]. Однако в практике расследования преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), возможны случаи, когда такое «психологическое общение» приобретает иную форму, и обыскиваемый, наоборот, хочет подчеркнуть, что является неформалом и/или причастен к деятельности неформального объединения и не пытается скрыть преступную деятельность.

В связи с этим особое внимание должно быть уделено следователем установлению психологического контакта с обыскиваемым (неформалом) и лицами, проживающими с ним. Глубина контакта обычно связана с тем, на каком уровне он осуществляется. Опытные следователи меняют различные параметры беседы, применяют те или иные тактические приемы в зависимости от индивидуальных особенностей личности допрашиваемого. Первый уровень – динамический контакт. Это – темп, ритм и уровень напряженности. Если применить музыкальную аналогию, то это партия барабана и контрабаса в музыкальном произведении, на ритм которых будет впоследствии наложена мелодия, то есть содержание диалога. Первый уровень контакта связан с такими темпераментными особенностями нервной системы, как сила, подвижность и уравновешенность. Второй уровень контакта – это аргументация. Давно известно, что одни и те же аргументы по-разному воздействуют на различных людей. Следователь выбирает доводы, учитывая возраст допрашиваемого, его специальность, интеллект, жизненный опыт и, главное, тип его высшей нервной деятельности. И третий – уровень социально-психологических отношений, связанный с ролевыми позициями лица, с которым устанавливается контакт [3, с. 496–497].

Для установления психологического контакта с подозреваемым – членом молодежной неформальной группы, во время проведения обыска следователь может воспользоваться помощью специалиста-психолога.

Важнейшей задачей следователя при проведении рассматриваемого следственного (розыскного) действия является тактически взвешенное использование всей палитры тактических приемов.

Специфика обыска определяет необходимость выделения двух систем тактических приемов:

1) система тактических приемов, направленная на общение с обыскиваемым;

2) система тактических приемов, направленная на осуществление поисковых действий [9, с. 103].

В рамках проведения обыска при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), могут использоваться различные тактические комбинации.

В 32% случаев обыски по обозначенной категории преступлений проводились в виде тактической операции. С.Б. Россинским предлагается производство обыска в такой достаточно специфической форме, как «специальная операция» [10], что может быть применено и к расследованию преступной активности неформальной молодежи.

**Выводы.** Не преуменьшая значения иных следственных (розыскных) действий при расследовании преступлений, совершаемых членами молодежных неформальных групп (объединений), особое место, по нашему мнению, следует отвести именно обыску как одному из основных поисково-познавательных инструментов следствия.

Эмпирическая основа исследования преступной деятельности неформальной молодежи свидетельствует о необходимости проведения, как правило, двух видов обыска. Это: 1) личный обыск члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления либо задержанного в момент его совершения и 2) обыск по месту проживания члена молодежной неформальной группы (объединения), подозреваемого в совершении преступления. Рассмотрены отдельные тактико-криминалистические особенности проведения указанных следственных (розыскных) действий.

#### Список использованной литературы:

1. Велика українська енциклопедія : у 20 т. / Т. 20 : Криміналістика, судово експертиза, юридична психологія / редкол. : В.Ю. Шепітько (голова) та ін. ; Нац. акад. прав. наук України ; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України ; Нац. юрид. ун-т ім. Ярослава Мудрого. Харків : Право, 2018. 952 с.: іл.



2. Попов В.И. Обыск и выемка / под ред. Н.В. Терзиева, Г.Н. Александрова ; Прокуратура СССР. Методический совет ; Всесоюзный юридический заочный институт. Кафедра криминалистики и судебной медицины. Москва, 1948. 40 с.

3. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник для вузов. Изд. 5-е, доп. и перераб. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 656 с.

4. Психологія слідчої діяльності : навчальний посібник / В.Г. Андросюк та ін. ; за заг.ред. Л.І. Казміренко. Київ : Правова єдність, 2009. 200 с.

5. Гіда І.С. Тактико-криміналістичні особливості проведення обшуку під час розслідування протидії законній господарській діяльності, що вчинена службовою особою. *Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія Юридичні науки*. 2017. Випуск 2. Том 2. С. 120–122.

6. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2005. 992с.

7. Ларкин М.А. Личность преступника-неформала (теоретико-криминалистический аспект). *Legea si Viata*. 2019. №10\2. С. 74–77.

8. Шепитько В.Ю. Криминалистика : курс лекцій. Издание третье. Харьков : ООО «Одиссей», 2009. 368 с.

9. Денисюк С.Ф., Шепитько В.Ю. Обыск в системе следственных действий (Тактико-криминалистический анализ) : научно-практ. пособ. Харьков : Консум, 1999. 160 с.

10. Россинский С.Б. Производство обыска в форме специальной операции : автореферат дис. ... канд. юрид наук : 12.00.09. Москва, 2002. 22 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Ларкин Михаил Александрович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и правосудия Запорожского национального университета;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Larkin Mikhail Aleksandrovich** – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Justice of Zaporizhzhya National University;

*malark777@ukr.net*

УДК 351.82:338.486

## STATE REGULATION OF DEVELOPMENT OF CLUSTERED ZONES IN THE SPHERE OF TOURISM

**Nelli LEONENKO,**

Ph.D. in Economics,

Doctoral Student of the Educational-Scientific-Production Center of the National University of Civil Protection of Ukraine

#### SUMMARY

The article provides a scientifically based analysis of the development of tourism clusters in Ukraine. The regulatory legal status of clusters in Ukrainian legislation is examined. The general problems that hinder the development of cluster structures are identified. The main advantages of the cluster model of the organization of tourism for national enterprises are described, as well as certain threats associated with the formation of such associations. The role of the state in the implementation of the cluster approach to the development of the tourism sector is substantiated. A set of measures is proposed to ensure the formation of favorable conditions for the development of tourism clusters, as an effective mechanism for optimizing the development of tourism business in the regions of Ukraine.

**Key words:** cluster, tourism cluster, tourism, government regulation, regulatory status of clusters.

## ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРНЫХ ЗОН ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

**Нелли ЛЕОНЕНКО,**

кандидат экономических наук,

докторант учебно-научно-производственного центра Национального университета гражданской защиты Украины

#### АННОТАЦИЯ

В статье проведен научно обоснованный анализ развития туристических кластеров в Украине. Исследован нормативно-правовой статус кластеров в украинском законодательстве. Определены общие проблемы, сдерживающие развитие кластерных структур. Описаны основные преимущества кластерной модели организации туристической деятельности для национальных предприятий, а также определены угрозы, связанные с формированием таких объединений. Обоснована роль государства в реализации кластерного подхода по развитию туристической сферы. Предложен комплекс мероприятий для обеспечения формирования благоприятных условий развития туристических кластеров как эффективного механизма оптимизации развития туристического бизнеса в регионах Украины.

**Ключевые слова:** кластер, туристический кластер, туристическая сфера, государственное регулирование, нормативно-правовой статус кластеров.

**Problem statement.** In recent decades, the cluster concept of economic development and increasing competitiveness has been increasingly developed in the world. The growth in the number and quality of clusters in many countries confirms the viability of this model. The cluster approach is becoming the main tool for developing economic strategies in countries with a high level of development and provides a number of advantages (institutional, innovative, improving the effi-

ciency of activities), due to which it is possible to ensure economic growth, attract foreign direct investment, solve the problem of employment, etc. The intensive development of tourism in Ukraine requires the search for new innovative forms of regulation of this sphere of activity, directions of coordination of activities of authorities, territorial communities and business entities. Such an innovative direction of tourism development is the creation of tourism clusters.



### Relevance of the research topic.

The tourism sector has a number of features that make the cluster approach relevant in the development of the leisure and travel industry. One of the main features is that the tourism industry is synergistically interconnected with other sectors of the economy. Industry, agriculture, construction, trade is involved in meeting diverse tourism demand, which, in turn, has a multiplier effect on the integrated development of the economy as a whole. The search for approaches to improving the efficiency of tourism activities, which form the growth of the well-being of the population by all indicators in our country, is one of the most important tasks of social and economic development of Ukraine.

**The state of the research.** Scientific studies of the functioning of the tourism business in Ukraine indicate that today the optimal model for regulating the development of the tourism industry at the level of regions, individual territories and enterprises has not yet been found. More and more scientists and practitioners agree that the tourism cluster should become an effective mechanism for optimizing the development of the tourism business in the regions of Ukraine. The most authoritative in the study of clusters can be called the fundamental scientific development of M. Porter. Also, the problems of the creation, functioning and development of clusters, including in the tourism sector, are devoted to the scientific work of such scientists as A. Burkovsky, S. Galasyuk, V. Gerasimenko, I. Davydenko, V. Danilchuk, L. Istomina, O. Mikhaylyuk, Yu. Nikolaev, S. Sokolenko, N. Shcherbakova and others. But in modern conditions, the problems of clustering in the tourism industry are still not conceptually meaningful and require further informed approaches and practical recommendations.

**The purpose and objective of the article** is to study the cluster approach in the tourism sector and proposals for improving state regulation of the development of tourism clusters in Ukraine.

**Main material.** The cluster is the latest way to structure tourism activities, provide long-term develop-

ment opportunities, establish the foundations of state and regional policies. And if the first theoretical views on clusters were based solely on industry combinations, today clusters should be considered as innovative-territorial associations that are consistent in the nature of competition and sources of achievement of competitive advantages, encompass foreign economic relations, relations between production, technology, information and marketing.

The cluster model of tourism organization is actively implemented by such European countries as Italy, France, Norway, Greece, Belgium and others. The cluster approach has in recent years become a key tool in the tourism policy of leading European countries. However, its practical application for the formation of an effective business environment, the creation of tourism infrastructure, and the enhancement of the competitiveness of tourist destinations has not yet been studied and evaluated in Ukraine. The analysis shows that the clustering of the tourism business, as a promising direction for the development of the Ukrainian economy, is proceeding at a slow pace, although positive dynamics are observed.

In Ukraine, the process of clustering the tourism sector began in the early 2000s. The definition of "cluster" is actively used in Ukraine by both business entities and authorities. However, the analysis of Ukrainian legislation does not give a clear answer regarding the interpretation of the concept of "cluster", although the state should be interested in the first place in the creation and functioning of tourism clusters, which are a tool to increase the competitiveness of the economy. In 2008, an attempt was made to adopt a document that defined some concepts about clusters, provided for informational work among potential participants in the clusters. However, this document "The concept of creating clusters in Ukraine", developed by the Cabinet of Ministers of Ukraine, has not entered into force. This concept determined the types of clusters – production, innovation and technology, tourism and transport and logistics. The draft of this decree of the Cabinet of Ministers of Ukraine indicated that the most important indicator of the activity

of clusters is their high competitiveness in the world market. Therefore, the cluster development of the country is one of the characteristic features of the modern innovative economy. In addition, clusters are a combination of competition and cooperation; therefore, combining in some areas helps to successfully compete in others [1].

Draft Law of Ukraine "On the Development and State Support of Small and Medium Enterprises in Ukraine" № 125 of December 4, 2014 provided for the definition of the concepts of "cluster", "clustering of small and medium enterprises", "cluster strategy". However, having passed the first reading in 2015, this bill was never considered in the second reading, and, accordingly, was not adopted [2].

Articles 120 and 127 of the Commercial Code of Ukraine provide for various legal forms of business associations, namely: associations, corporations, consortia, concerns, other business associations prescribed by law (unions, business associations, etc.). The cluster, as a legal form, is not provided for by the Commercial Code of Ukraine [3]. If we compare the existing forms of enterprise associations with the cluster form of association, then we can conclude that the cluster can exist in one of these legal forms or be a separate form of enterprise combination. In Ukraine, most enterprises choose the first option, due to the legislative unresolved concept of "cluster".

Article 6 "Implementation of medium-term priority areas of innovation" of the Law of Ukraine "On Priority Areas of Innovation in Ukraine" [4] for the first time at the official level refers to the concept of "cluster": development of innovation infrastructure (innovation centers, technology parks, science parks, technopolises, innovative business incubators, technology transfer centers, innovation clusters, venture capital funds, etc.).

It should be noted that in Ukrainian legislation there are a number of regulatory documents that use the concept of "cluster". However, the issues of defining the concept of "cluster", types of clusters, the procedure for creating and state registration of clusters remain





unresolved in Ukrainian legislation. Thus, the creation of a business combination in the form of a cluster is a modern direction in the regulation of tourism in Ukraine and can create certain competitive advantages, but the absence of special regulatory legal acts on the activities of cluster associations does not make it possible to fully regulate their activities at this stage.

In the domestic scientific literature you can find a significant list of the number of tourist clusters that operate in Ukraine. However, since at this stage the legal status of clusters is uncertain, it is impossible to determine their actual number, although specific figures are often mentioned in scientific works. In our study, we used official information from the Unified State Register of Legal Entities, Individual Entrepreneurs, and Public Associations. According to this Register, nine tourist clusters are officially registered in Ukraine (excluding the territory of the Autonomous Republic of Crimea), which are created in the form of public organizations or unions, which once again indicates the unsettled legal framework on the procedure for creating and state registration of clusters. These include [5]:

1) tourist cluster “Kamyanets” (2001 established, legal form – public organization, Khmelnytsky region) – the main goals: reconstruction and construction of hotels, catering establishments; development of new tourist routes; development of the souvenir industry; holding seminars, round tables for owners of rural estates; initiating and coordinating tourism development projects in the region;

2) the tourist cluster “Kamyanets Divokrai” (2006 year of creation, legal form – public organization, Khmelnytsky region) – main goals: reconstruction and construction of hotels, catering establishments; development of new tourist routes; development of the souvenir industry; holding seminars, round tables for owners of rural estates;

3) the tourism cluster of the young woman’s Berezhanshchina (the year 2007 was established, the legal form is a public organization, Ternopil region) – the main goals are: to

promote the development of tourism in the countryside; participation in the development of rural tourism development programs and projects; organizing and conducting events that popularize the village of Berezhanshchina as a recreation zone; dissemination of accumulated experience, organization of exhibitions, fairs, conferences, seminars, festivals and other cultural events; assistance to increase business qualifications and professionalism of managers and members of the cluster;

4) Slavutich tourism cluster (legal form – public organization, Kiev region) – main goals: development of business tourism; development of extreme tourism in the exclusion zone (Chernobyl site, sarcophagus, Pripyat – “dead city”);

5) regional tourist cluster (legal form – public organization, the city of Poltava) – the main goals: to help solve social, cultural, educational, scientific and managerial problems of cluster members; assistance in the development and coordination of the tourism industry in the Poltava region; the organization of cultural communication, recreation of cluster members, the establishment and maintenance of the relationship between them, including for mutual assistance; providing effective forms of professional development of cluster members in educational institutions of Ukraine and abroad, as well as through seminars, workshops, conferences, round tables aimed at promoting the Poltava regional tourist product in the national and international markets;

6) innovative and technological cluster “Sorochinskaya Yarmarka” (the year of creation 2010, legal form – public organization, Poltava region) – main goals: to promote the development of rural territories; development of small business in the field of tourism; development of new tourist routes in rural areas; preservation, revival and development of folk art crafts; increasing the level of employment in rural areas;

7) Volyn tourism cluster (legal form – association, Volyn region) – main goals: popularization and attraction of people to ecotourism; market research and opinion polls; development of cross-border tourism;

8) the tourist cluster “Posulla” (2013, legal form – public organization, Sumy region) – the main goals: to promote the cultural revival of the Ukrainian people and the spiritual enrichment of the individual, the comprehensive development of culture, traditions and customs; coordination of joint actions and joint marketing of the tourism infrastructure of the region, to improve the ecological state, improve the health of the population; amateur sports and educational activities;

9) agro-ecological and recreational cluster “Frumushika-Nova” (2018 year of creation, legal form – public organization, Odessa region) – the main goals: to increase tourist attractiveness and increase the tourist flow to Tarutinsky district of Odessa region; preservation of the cultural and natural heritage of the region; development of agriculture, animal husbandry and stimulation of individual entrepreneurship.

According to the Ministry of Agrarian Policy and Food in Ukraine, five agro-tourism clusters have already begun to form, which have already been presented at the International Agro-Industrial Exhibition “Agro – 2017”. These are such clusters as the Medvin agroecological cluster in the Kiev region; agro-tourism cluster “Dikanka” in the Poltava region; agroecological cluster “Frumushika-Nova” in Odessa region; agricultural recreation resort “Koblevo” in the Nikolaev area; agro-tourism cluster “GorboGory” in the Lviv region [6]. However, only the Frumushika-Nova cluster has passed the official registration procedure. There is no information on the other indicated entities in the Unified State Register. Also at the stage of formation is the municipal institution “Cluster of green tourism of territorial communities of the Kremenchug region” [7].

Common problems that inhibit the development of cluster structures include:

- low level of transparency and trust between potential participants in clusters, including trust in government;

- the lack of sufficient experience in public-private partnerships, as well as the legal problems of its implementation;



- lack of understanding of the essence of the cluster approach, its advantages and effectiveness on the part of authorities and business entities, and, consequently, the lack of cluster initiatives and the corresponding policy for their implementation;

- lack of qualified personnel associated with content mismatch and the quality of educational programs of institutions of higher, secondary and primary vocational education to the needs of the economy;

- insufficient quality and accessibility of transport and engineering infrastructure;

- insufficient level of organizational development of the cluster, including the lack of practice of strategic planning for the development of the cluster, the lack of a system of effective information communications between cluster members;

- limited access to foreign markets.

The main advantages of the cluster model of organizing tourism activities for national enterprises are: increasing the economic efficiency and competitiveness of the joint activities of the enterprises united in the tourism cluster in comparison with separate functioning; reducing the cost of services through the sharing of tourism resources and tourism infrastructure; expanding the circle of competing suppliers and consumers of tourism services, development of cooperation, contract specialization; stimulation of innovative development, expansion of access to innovation by increasing inter-company flows of ideas and information; the formation of a local industry labor market, which will allow for the exchange of employees, their internships, and advanced training; improving the investment attractiveness of the regions. Clustering tourism activities with proper organization stimulates the growth and development of other industries, and cluster technologies contribute to establishing links between government and business in solving economic and social problems of the regions [8].

It should be noted that along with the undoubted advantages of clusters, there may be certain threats associated with the formation of such associations. These threats include:

- significant “branding” of the cluster, when the concept of “cluster” is automatically associated with high competitiveness, is actively used to promote regions and attract investors. It is based on the postulate of the Porter concept: if a cluster is formed in the region, then the region will certainly be competitive, and this does not always correspond to reality. So, for example, in Portugal in 1994, 33 clusters were created. However, after several years, it became clear that the low efficiency of the state cluster policy was due to the fact that the formed clusters were either initially uncompetitive or represented a cluster of unrelated firms [9]. There were also examples in Ukraine when tourist clusters were created only formally, their participants did not have a common interest in interaction, implementation of joint projects. Therefore, the “Branding” of clusters can lead to unjustified costs, as well as mislead potential private investors;

- specialization of production within the cluster can lead to a decrease in the diversification of the regional economy, a violation of its stability;

- decrease in competitive pressure – cooperation can cause a decrease in competitive pressure, that is, a reduction in the driving force of innovation. Innovation is largely a result of the interaction of people with significantly different knowledge and experience. The opposite approach gives rise to group thinking with a predominance of conservative approaches and stereotypes;

- self-sufficiency syndrome – clusters, as a form of increasing competitiveness, provide, as a rule, for active scientific activity, the creation of new technologies, and the introduction of innovations. However, getting used to past successes, the cluster may not recognize current trends, changes in demand and preferences. Self-sufficiency can also lead to a decrease in internal competition in the cluster;

- blocking of single enterprises, as the likelihood that individual enterprises may be more competitive than those combined in a cluster.

In Ukraine, despite the growing interest in clusters and the effective experience of their implementation in

foreign countries, the number of clusters in general and tourism in particular is growing rather slowly. This is due to the following factors: imperfection of the regulatory framework for the creation and operation of clusters; lack of experience and sufficient information support for the creation and functioning of clusters; low perception of innovation by enterprises; insufficient interest of small and medium enterprises to unite in large production systems; lack of investors due to investment unsightly regions; lack of state financial support for cluster entities.

In Ukrainian conditions, the role of the system integrator in the implementation of the cluster approach to the development of the tourism sector should be played by the state, and this policy should include not only organizational, but also financial component. The cluster approach provides the authorities with a toolbox of effective interaction with business, leads to a deeper understanding of its characteristic features and tactical tasks, and enables targeted and motivated strategic planning of the region's resources, development of territories and increasing the competitiveness of the economy. Moreover, the state acts as:

a) a regulator that determines the rules of interaction between all elements of the cluster (state – business – scientific and educational institutions);

b) the guarantor of the preservation and development of favorable conditions for investment, innovation and the development of horizontally oriented network business communities;

c) an entrepreneur, that is, a direct participant in the functioning of clusters.

To ensure the formation of favorable conditions for the development of tourist clusters, it is necessary to implement a set of measures in the state, such as:

- development and improvement of the legislative framework for the organization of tourist clusters in Ukraine;

- conducting an information campaign among potential participants and interested parties to explain the competitive advantages of clusters;



– state support of the processes of cooperation, accession and integration among travel agencies;

– increasing the effectiveness of the system of education and training of specialists in the creation and implementation of a cluster model in the tourism sector;

– creation of industrial parks and technology parks as infrastructure for the development of clusters;

– encouraging the use of technological innovation in the work of tourism enterprises;

– implementation of tax regulation measures for cluster members; reduction of administrative barriers.

**Conclusions.** Thus, the cluster approach in the tourism sector increases the efficiency of the enterprises and organizations included in the cluster, stimulates innovation and new areas of activity, activates entrepreneurship through the concentration of business activity, helps create jobs, incomes, improve the quality of tourism services, and the life of the population in its territory education. At the same time, a long-term strategy for the development of tourism clusters should be determined in close contact between state authorities and key tourism business enterprises. The most acceptable cluster policy of the state, which focuses on the development of tourism infrastructure in the country, stimulating innovation, initiating educational programs, projects for business entities working in the tourism sector, introducing certain benefits and preferences to stimulate development, may be the most acceptable for the tourism business in Ukraine entrepreneurial activity in certain regions, for example, in rural areas. The cluster organization for the provision of tourist and recreational services based on science-based forms using public-private partnerships is able to create the necessary and sufficient conditions for the speedy development of tourism infrastructure and the corresponding sphere of related services.

#### References:

1. Концепція створення кластерів в Україні (проект). URL: <http://>

[biznes.od.ua/index.php?option=com\\_content&task=view&id=499&Itemid=3](http://biznes.od.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=499&Itemid=3).

2. Про розвиток та державну підтримку малого і середнього підприємництва в Україні : проект Закону України від 4 грудня 2014 р. №1256. URL: [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/JH0YW00A.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/JH0YW00A.html).

3. Господарський кодекс України : Закон України від 16 січня 2003 р. № 436-IV / Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/436-15>.

4. Про пріоритетні напрями інноваційної діяльності в Україні : Закон України від 5 грудня 2012 р. № 3715-VI / Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/3715-17>.

5. Державне регулювання сфери туризму України в контексті процесів євроінтеграції / за заг. ред. В. Герасименко, О. Михайлюк. Київ : ФОП Гуляєва В.М., 2019. 332 с.

6. Михайлюк О. Туристичні кластери в оздоровчому туризмі Одеської області. URL: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/handle/123456789/5476>.

7. У Кременчуцькому районі громади створили унікальну комунальну установу, аби розвивати зелений туризм. URL: <http://old.decentralization.gov.ua/news/item/id/7191>.

8. Оленічева Ю. Проблеми й перспективи формування туристичних кластерів в Україні. *Вісник Донецького інституту туристичного бізнесу. Серія «Економіка, організація та управління підприємствами туристичної індустрії та туристичної галузі в цілому»*. 2013. № 17. С. 201–206.

9. Дегтярьова І. Наукові та практичні аспекти застосування кластерного підходу в управлінні конкурентоспроможністю регіонів України. *Державне управління: теорія та практика*. 2011. № 1. URL: <http://www.academy.gov.ua/ej/ej13/txts/Degtyaryova.pdf>.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Leonenko Nelli Anatolievna** – Ph.D. in Economics, Doctoral Student of the Educational-Scientific-Production Center of the National University of Civil Protection of Ukraine;

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Леоненко Нелли Анатольевна** – кандидат экономических наук, докторант учебно-научно-производственного центра Национального университета гражданской защиты Украины;

[nellileo82@gmail.com](mailto:nellileo82@gmail.com)



УДК 342.95

## АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ КАК СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕФОРМ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ

**Владимир МАЙОРОВ,**

кандидат юридических наук, докторант  
ПрАТ «ВУЗ «Межрегиональная Академия управления персоналом»

### АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам определения административно-правового статуса Национальной полиции Украины как субъекта проведения реформ в сфере публичного порядка и безопасности. В статье обосновывается, что под административно-правовым статусом Национальной полиции следует понимать ее правовое положение в системе центральных органов исполнительной власти и системе органов МВД Украины, которое устанавливается государством и определяется путем закрепления целей, задач, функций и других элементов в законодательстве.

**Ключевые слова:** реформа, полиция, Национальная полиция, административно-правовой статус, публичный порядок, публичная безопасность.

### ADMINISTRATIVE LEGAL STATUS OF THE NATIONAL POLICE OF UKRAINE AS A SUBJECT SECURING REFORMS IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER AND SECURITY

**Vladimir MAYOROV,**

PhD in Law, Doctoral Student of Private Joint-Stock Company "Higher Educational Institution  
"Interregional Academy of Personnel Management"

### SUMMARY

The article is devoted to determining the administrative and legal status of the National Police of Ukraine as a subject of reforms in the field of public order and security. The article substantiates that the administrative-legal status of the National Police should be understood as its legal status in the system of central executive authorities and the system of bodies of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, which is established by the state and determined by fixing goals, objectives, functions and other elements in the legislation.

**Key words:** reform, police, national police, administrative status, public order, public security.

**Постановка проблемы.** Определение административно-правового статуса Национальной полиции имеет большое значение для совершенствования правовых норм, регулирующих деятельность этого центрального органа исполнительной власти. Выяснение вопроса о сущности и структуре административно-правового статуса Национальной полиции имеет принципиальное значение, поскольку позволяет, с одной стороны, на уровне научно-теоретических обобщений более полно изучить особенности системы и структуры Национальной полиции, а также ее полномочий, а с другой – предложить такой вариант закрепления правового статуса Национальной полиции в законодательстве, который обеспечил бы наиболее эффективную деятельность этого правоохранительного ведомства.

**Актуальность темы исследования.** Именно научно обоснованное определение и закрепление в законода-

тельстве административно-правового статуса Национальной полиции является одним из условий, которое обуславливает надлежащее функционирование ее служб и подразделений, выполнение ими задач, которые возложены на органы полиции. Четкое определение всех элементов административно-правового статуса способствует также укреплению законности и дисциплины в органах полиции, выполнению задач и функций, стоящих перед полицейскими, реализации реформ, которые проводятся.

**Состояния исследования.** Проблематика деятельности полиции была предметом исследования многих ученых, среди которых хотелось бы выделить труды С.Н. Альборова, Н.И. Ануфриева, А.М. Бандурки, О.И. Безпаловой, В.Н. Гаращука, И.П. Голосниченко, С.М. Гусарова, С.Ф. Денисюка, А.Т. Комзюка, О.В. Кузьменко, А.Н. Музичука, А.Н. Подоляки, Т.О. Проценко, О.Ю. Синявской,

В.В. Сокуренько и других. В трудах этих и многих других ученых исследуются вопросы правового положения полиции, усовершенствования отдельных функций ее служб и подразделений. Однако следует обратить внимание на то, что постоянные изменения законодательства, процессы реформ и становления ее структурных подразделений, отдельных служб требуют изучения особенностей административно-правового статуса Национальной полиции. Более того, современных трудов, в которых освещаются вышеизложенные проблемы, недостаточно.

**Целью и задачей статьи** является – на основании анализа теоретических подходов и законодательства определить содержание понятия и особенности административно-правового статуса Национальной полиции как субъекта реформ в сфере публичного порядка и безопасности.

**Изложение основного материала.** В соответствии со статьей 1 Закона





Украины «О Национальной полиции» Национальная полиция Украина – это центральный орган исполнительной власти, который служит обществу путем обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка [1].

Когда говорится об административно-правовом статусе Национальной полиции как структурного элемента исполнительной власти внимание, прежде всего, акцентируется на особенностях ее правового положения в системе органов исполнительной власти. Однако не следует забывать о том, что Национальная полиция является структурным элементом системы органов МВД Украины, сектора обороны и безопасности государства. Именно в процессе взаимодействия Национальной полиции с органами государственной власти, в процессе практического выполнения задач и реализации функций происходит реальное воплощение в жизнь законов и других нормативных актов государства, практическое применение мер по обеспечению публичного порядка и безопасности, охране и защите прав граждан, то есть осуществляется реализация всех элементов административно-правового статуса Национальной полиции.

Национальная полиция, в соответствии с Указом Президента Украины № 1085 от 09.12.2010 г. «Об оптимизации системы центральных органов исполнительной власти», является составным элементом системы центральных органов исполнительной власти [1]. Национальная полиция в системе центральных органов исполнительной власти является самостоятельным органом, деятельность которого координируется и направляется через МВД Украины. Однако, как и любой другой центральный орган исполнительной власти, Национальная полиция имеет свое назначения, задачи, функции, цели создания и так далее.

Национальная полиция Украины принадлежит к системе центральных органов исполнительной власти, однако деятельность ее направляется и координируется через МВД Украины и является также составной системы правоохранительных органов Украины, сектора безопасности и обороны.

Национальная полиция Украины имеет свою структуру и штат полицейских и государственных служащих, в пределах компетенции от имени и по поручению государства, которые наделены полномочиями: 1) обеспечивать публичный порядок и безопасность; 2) обеспечивать охрану и защиту прав и свобод человека, а также интересов общества и государства; 3) противодействовать преступности; 4) предоставлять в пределах, определенных законом, полицейские услуги, связанные с помощью лицам, которые по личным, экономическим, социальным причинам или вследствие чрезвычайных ситуаций нуждаются в такой помощи. На Национальную полицию государством возлагается осуществление четко определенных задач и функций, которые, в свою очередь, определяют ее назначение в системе как центральных органов исполнительной власти, так и в правоохранительной системе, обуславливают формы и методы деятельности, характер взаимосвязей МВД Украины и другими государственными органами.

Национальная полиция, являясь частью системы центральных органов исполнительной власти, все же имеет определенные признаки, определяющие ее место в этой системе:

а) Национальная полиция является составляющей частью аппарата государственного управления и также относится к системе правоохранительных органов и сектора безопасности и обороны;

б) Национальная полиция ответственна перед Правительством, Президентом Украины и подконтрольна МВД Украины;

в) Национальная полиция является носителем властных полномочий по вопросам обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка, ее властно-распорядительная компетенция распространяется на всю территорию государства;

г) Национальная полиция направляет и координирует свою деятельность с МВД Украины;

д) реализуя государственную политику в сфере обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания публич-

ной безопасности и порядка Национальная полиция действует от имени и по поручению государства на основе норм действующего законодательства;

е) Национальная полиция имеет собственную организационно-штатную структуру;

ж) Национальная полиция наделена полномочиями осуществлять государственно-властную и исполнительно-распорядительную деятельность в сфере обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка.

Национальная полиция как центральный орган исполнительной власти имеет особый административно-правовой статус, выступает носителем полномочий, которые определены в законодательстве, реализация которых обеспечивает реализацию государственной политики в сфере обеспечения охраны прав и свобод человека, противодействия преступности, поддержание публичной безопасности и порядка. Общественное назначение и элементы административно-правового статуса Национальной полиции являются нормативно урегулированными Законом Украины «О Национальной полиции» от 02. 07. 2015 г. [2] и постановлением Кабинета Министров Украины № 877 от 28.10.2015 г. «Об утверждении Положения о Национальной полиции» [3].

В связи с этим научный интерес представляет выяснение особенностей административно-правового статуса Национальной полиции в современных условиях государства и реформирования правоохранительной системы Украины. Исследование этого вопроса осложняется отсутствием устоявшегося в юридической науке понимания не только содержания понятия «административно-правовой статус органа государственной власти», но и его структуры. В настоящее время юридическая наука также не выработала единого подхода к понятиям «статус», «правовой статус», «правовое положение», которые сегодня часто принимаются как в нормативных актах, так и в научной литературе.

С.В. Кивалов, говоря об административно-правовом статусе центральных органов исполнительной власти, определяет его через их функции,



задачи, компетенцию [4, с. 96–99]. По мнению Т.А. Коломоец, административно-правовой статус – это совокупность субъективных прав и обязанностей, закрепленных нормами административного права за определенным органом. В то же время обязательным признаком приобретения субъектом административно-правового статуса является наличие у него конкретных субъективных прав и обязанностей, реализуемых в рамках как административных правоотношений, так и вне их [5, с. 64]. С.Г. Стеценко определяет административно-правовой статус как совокупность прав, обязанностей и гарантий их реализации, которые определены в нормативных актах [6, с. 90]. О.М. Федевич в своем диссертационном исследовании административно-правовой статус органа исполнительной власти определяет как комплекс его прав и обязанностей, которые выражаются в административной правосубъектности [7, с. 70–71].

Из приведенного выше видно, что в науке административного права административно-правовой статус определяется как совокупность определенных элементов, в основном в правах и обязанностях. Административно-правовой статус Национальной полиции также следует рассматривать как системное явление, как совокупность элементов, которые правами и обязанностями не ограничиваются.

Административно-правовой статус Национальной полиции можно определить как общетеоретическую категорию, которая характеризует определенное положение этого правоохранительного органа в государстве. Исследуя административно-правовой статус Национальной полиции, необходимо подчеркнуть, что он обусловлен сферой общественных отношений, связанной с охраной и защитой прав и законных интересов физических и юридических лиц, интересов государства, установленного общественного порядка управления, профилактики и предупреждения правонарушений и тому подобное.

Особенности административно-правового статуса Национальной полиции также определяются сферой ее государственного управленческого воздействия, которая связана с основными задачами полиции, а именно:

1) реализация государственной политики в сферах обеспечения охраны прав и свобод человека, интересов общества и государства, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка;

2) внесение на рассмотрение Министра внутренних дел предложений по обеспечению формирования государственной политики в указанных сферах;

3) предоставление в пределах, определенных законом, услуг помощи лицам, которые из личных, экономических, социальных причин или вследствие чрезвычайных ситуаций нуждаются в такой помощи.

Говоря об элементах административно-правового статуса Национальной полиции, как нам представляется, следует исходить из признаков, характеризующих его как центральный орган исполнительной власти, задача которого связана с реализацией государственной политики в выше определенных сферах: 1) наличие собственной компетенции – то есть совокупность полномочий Национальной полиции по предмету ведения (обеспечение общественной безопасности и порядка; охраны прав и свобод человека, а также интересов общества и государства; противодействия преступности, предоставление в пределах, определенных законом, услуг по помощи лицам, которые из личных, экономических, социальных причин или вследствие чрезвычайных ситуаций нуждаются в такой помощи); 2) выступает от имени государства; 3) наличие властно-принудительной функции – Национальная полиция наделена полномочиями применять меры административного, уголовного и дисциплинарного принуждения к определенным субъектам; 4) наличие исполнительно-распорядительной функции – Национальная полиция выполняет решения, принимаемые органами представительной власти и имеет право принятия правовых актов, направленных на детализацию и исполнение законов, и которые обязательны для выполнения в сфере ведомства данного органа; 5) является структурным элементом системы центральных органов исполнительной власти и системы органов МВД Украины; 6) финансируется за счет государства.

**Выводы.** Итак, анализ вышеприведенного позволяет сделать определенные обобщения. Под административно-правовым статусом Национальной полиции следует понимать ее правовое положение в системе центральных органов исполнительной власти и системе органов МВД Украины, которое устанавливается государством и определяется путем закрепления целей, задач, функций и других элементов в законодательстве. Административно-правовой статус Национальной полиции имеет сложную структуру, которая предусматривает следующие элементы: 1) целевой блок включает в себя цель (назначение) деятельности Национальной полиции, задачи и ее функции; 2) структурно-организационный блок административно-правового статуса Национальной полиции состоит из двух составляющих: структурной (структура центрального аппарата, схема организационного подчинения и распределения функциональных полномочий); организационной (нормативный порядок создания, реорганизации, ликвидации, порядок реализации процедур внутренней и внешней работы Национальной полиции, порядок координации и направления действий служб и подразделений, взаимодействие с Кабинетом Министров и МВД Украины); 3) компетенционный блок административно-правового статуса Национальной полиции также состоит из двух элементов. Первый элемент содержит полномочия, которые включают в себя права и обязанности, второй – подведомственность (предметы ведения), то есть объекты, предметы, сферы общественных отношений, на которые распространяются полномочия Национальной полиции.

#### Список использованной литературы:

1. Про оптимізацію системи центральних органів виконавчої влади : Указ Президента України від 09.12.2010 № 1085. <https://www.kmu.gov.ua/npas/deyaki-pitannya-optimizaciyi-sistem-829>.
2. Про Національну поліцію: Закон України від 02.07.2015р. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/580-19>.
3. Постанова Кабінету Міністрів України № 877 від 28.10.2015 р.



«Про затвердження Положення про Національну поліцію» <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/877-2015-%D0%BF>

4. Административное право Украины : учеб. / под общ. ред. С.В. Кивалова. Харьков, 2004

5. Коломосць Т.О. Адміністративне право України. Академічний курс : підруч. Київ, 2011.

6. Стеценко С.Г. Адміністративне право України : навч. посіб. Київ, 2007.

7. Федевич О.М. Адміністративно-правовий статус Державного агентства України з управління зоною відчуження : дис. ... к.ю.н.: 12.00.07. Київ, 2012.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Владимир Владимирович Майоров** – кандидат юридических наук, докторант ПрАТ «ВУЗ «Межрегиональная Академия управления персоналом»;

#### AUTHOR INFORMATION

**Vladimir Vladimirovich Mayorov** – PhD in Law, Doctoral Student of Private Joint-Stock Company “Higher Educational Institution “Interregional Academy of Personnel Management”;

*MTP2705@i.ua*

УДК 94(510)«18»+94(410)«18»+821.581

## ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ ПРИВАТИРОВ БРИТАНСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ В ВОЙНЕ АНГЛИИ ПРОТИВ КИТАЯ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ)

**Валерий МАЛЫШКО,**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры теории и истории государства и права  
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

#### АННОТАЦИЯ

В статье исследована хартия королевы Елизаветы I Тюдор от 30 декабря 1600 г., которая закрепила предоставление лицензий приватирам для увеличения судоходства в Азии и Африке и создания Британской Ост-Индской Компании (далее – Компании). Отмечено, что флот военных кораблей и вспомогательных судов приватиров Компании стал основным оружием их борьбы за первенство в мировом океане.

Раскрыты правовые особенности деятельности Компании и способы ее вторжения в Китай с применением главного орудия – опиума, который выращивался на индийских плантациях Компании. Позже британские экспансионисты спровоцировали вторую «опиумную» войну, участие в которой приняли военные корабли Великобритании и США без применения приватиров, запрещенных в 1856 г. Парижской мирной конференцией.

**Ключевые слова:** Британская Ост-Индская компания, приватиры, первая опиумная война, Нанкинский договор.

## LEGAL FRAMEWORK OF PARTICIPATION OF PRIVATORS OF THE BRITISH OST-INDIAN COMPANY IN THE WAR OF ENGLAND AGAINST CHINA (XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

**Valeriy MALYSHKO,**

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,  
Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law  
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

#### SUMMARY

The article analyzes a Charta of Queen Elizabeth I Tudor dated December 30, 1600, which has fixated the granting of licenses for privateers to increase the shipping in Asia and Africa and to create the English East India Company (hereinafter referred to as – the Company). It is noted, that the fleet of warships and auxiliary ships of privateers became as the principle instrument to fight against the opponents in the World Ocean.

The legal special aspects of the Company's activity and the methods of its invasion in China with the use of main weapon – opium, which was cultivated on the Indian plantations of the Company, were discovered. In the result the British expansionists provoked the second «opium» war, in which the warships of Great Britain and United States participated without the use of privates, which were banned in 1856 with Paris Peace Conference.

**Key words:** British East India Company, Privateers, First Opium War, Nanking Agreement.

**Постановка проблемы.** Особенно ярко борьба между двумя геополитическими составляющими мирового пространства – сушей и морем, проявлялась во внешней политике самого жестокого колониального предводителя – Британской империи. Отражение этой многове-

ковой борьбы, в которой сушу представляли страны Азии, Африки и Америки, а море – Альбион, и сейчас проявляют себя во внешней политике организатора англосаксонского мира.

**Актуальность темы исследования.** Великобритания пытается



использовать вооруженные силы как силовой инструмент национальной политики. Итак, продолжают многовековые милитаристские традиции Альбиона – государства, которое в свое время положило начало насильственному проникновению колонизаторов «всех разновидностей» в Китай [1, с. 16–22].

Значительную роль в этом процессе сыграли военно-морские силы, рядом с которыми пределы Британской империи защищали моряки частного флота каперов, или по английской традиции – флота привати́ров. Такой флот имели все крупные морские державы, однако наибольшего могущества он достиг, находясь на службе у английских предпринимателей, которые образовали в 1600 г. Британскую Ост-Индскую Компанию (далее – Компания).

**Состояние исследования.** Первые попытки исследования участия частного флота Британской Ост-Индской компании в насильственном «открытии» Китая британскими колонизаторами были сделаны англичанами С. Бересфордом, В.Д. Бернардом и Дж. Ючерлони, а также русскими авторами О.М. Бутковым и О.Е. Тизенгаузеном. Причины, характер и последствия колонизации Китая крупными морскими государствами с участием британских привати́ров были изучены ими «наспех». Продолжателями традиций, заложенных первыми хронистами опиумных войн, стали такие современные авторы: англичане Ч. Джарвис, Ф. Освальд и А. Поликанте; американцы С. Валлар и П.В. Фей; сингапурец Э. Дж. Маршалл; канадцы С.Р. Прандж и Б.П. Сани; индиец М. Шантарам.

Правовые проблемы покорения Китая англичанами были очерчены исследователями только в общем виде и поэтому требуют кропотливого изучения.

**Целью и задачей статьи** является анализ правовых оснований участия частного флота Компании в агрессии против Китая, которая в XVIII – XIX вв. имела сугубо «морской» характер.

**Изложение основного материала.** Возникновение частного военного флота Компании было разрешено

Короной Англии, причем в соответствии с догмой о том, что «монарх, и только монарх имеет право создать корпорацию или предоставить право на ее создание».

Правовой формой деятельности монархов в данном случае были хартии, предоставление которых состоятельным лицам приравнивалось к основанию капиталистически настроенных предприятий, которые должны были заниматься мировой торговлей.

Хартии английских властителей можно рассматривать как королевские привилегии, предоставленные определенным лицам или корпорациям собственников, владевших всеми правами и свободами, определенными имперской конституцией. Они представляли собой своеобразные соглашения монарха с его подданными по поводу освоения океанского пространства и прилегающих к нему территорий. Каждая хартия имела определенные реквизиты, присущие гражданским сделкам. Монарх как главная сторона сделки по просьбе участников колониальной экспансии определял границы территорий, подлежащих захвату, и гарантировал им защиту их коммерческих интересов. А главное – Корона Англии не брала на себя никаких гражданско-правовых обязательств по хартиям.

Монархия рассчитывала на материальную выгоду от колониальных предприятий (так называемая королевская пятина), а поэтому и предоставляла субъектам колониальной экспансии автономию, иначе говоря, право руководствоваться собственными нормами и правилами в определенных, установленных британским государством пределах. Это было закреплено 30 декабря 1600 г. хартией королевы Елизаветы I Тюдор, в тексте которой сообщалось о предоставлении лицензий привати́рам для увеличения судоходства в Азии и Африке и создания Британской Ост-Индской Компании [2].

Компания, которая принимала участие в борьбе за мировое колониальное господство Альбиона, сделала основным орудием борьбы противников в мировом океане флот военных кораблей и вспомогательных судов привати́ров. Вторжение Компа-

нии в Китай было длительным процессом, ведь Цинская империя хотя и столкнулась с перманентным кризисом феодального общества, начавшимся в середине XVIII в., однако была вполне способна дать отпор иностранной агрессии. Вот почему в разгаре Семилетней войны (1756–1763), которая приобрела мировой характер, британская элита выдвинула концепцию «существования пиратских государств» в Азии, которые необходимо было ликвидировать.

Эта концепция была нужна для «правового» обоснования разбоя привати́ров в бассейне Индского и Тихого океанов [3, Р. 206]. Под ее прикрытием частный флот Компании начал наступление на Китай, во время которого было продемонстрировано нерасчлененное единство интересов британской монархии, владельцев мануфактур, торговцев и пиратов (коммерческих разбойников- привати́ров). Однако реализация указанной концепции до конца XVIII в. была несбыточной мечтой британских экспансионистов, поскольку Альбион, который вел борьбу за господство в мировом океане против французских и испанских соперников, еще не имел достаточной силы для морской войны по всем направлениям [4]. В результате этого Британии пришлось применять дипломатические методы вторжения в Китай.

Попытки мирного проникновения британцев в Поднебесную были начаты дипломатической миссией Д. Канингема, который находился там в 1697–1699 гг. Канингем выполнял важное задание – разведывательное. Он дал ответ на все вопросы британской морской разведки о перспективах вторжения в Китай через океанский простор. При этом Канингем особенно подчеркивал, что на острие этого движения должен был находиться частный военный флот Компании [5]. Эта могущественная корпорация в 1711 г. основала торговое представительство в южно-китайском городе Кантон (кит. – Гуанчжоу). Чай и другие восточные «дивовинки» покупались за серебро, а с середины XVIII в. за опиум, который выращивался на индийских плантациях, принадлежащих Компании.





Дела пайщиков Компании, которые постепенно осваивали города Южного Китая, шли настолько хорошо, что в 1767 г. парламент обязал их ежегодно выплачивать министерству финансов 400 тысяч фунтов стерлингов, необходимых для оплаты издержек Семилетней войны. Поэтому для частного флота Компании нашелся широкий круг деятельности в тихоокеанском пространстве, где английские суда с дальнобойными пушками превосходили китайские джонки и сампаны [6].

Этот успех британских торговцев мог превратить их в независимых от правительства Великобритании субъектов хозяйствования. Так, в 1784 г. был принят акт главы британского правительства В. Питта-старшего, на основании которого создавался правительственный Контрольный совет за деятельностью Компании в бассейне Индийского океана. Во главе этого государственного органа стал генерал-губернатор Британской Индии, который жестко контролировал приватирский промысел [7, р. 321].

Это принудило дольщиков Компании к применению мер по постепенному переносу центра корпоративных владений из Бомбея в Китай. Этот шаг совпал с завершением промышленного переворота в метрополии, в результате чего китайский рынок стал крайне важным для Британской империи. Однако азиатская империя была закрыта для европейских грабителей по причине существования там политического режима «самоизоляции».

Довольно скоро оказалось, что Китай не очень заинтересован в покупке текстильных изделий британских мануфактур, ведь их качество, по мнению китайцев, отнюдь не «дотягивало» до качества шелковых и хлопчатобумажных изделий китайских ремесленников. Поэтому во время Семилетней войны главным орудием проникновения английских колонизаторов в Китай становится опиум, который выращивался на индийских плантациях Компании. Это привело к схваткам английских колонизаторов с китайскими властями и поэтому на рубеже XVIII–XIX вв. династия Цин проводила мероприятия по переводу торговли своих подданных с иностранцами только

в один порт – Кантон. Целью же давления правящих кругов Англии было открытие всей территории китайского государства для торговли с английскими купцами на прочной договорной основе [8].

На пути английских экспансионистов кроме слабого военного флота Поднебесной встали китайские морские разбойники. Пиратство было важной и постоянной чертой морской истории Азии, для которой была характерна связь между политикой и морским разбоем. Конкурентами китайских пиратов были английские полукомерсанты-полуразбойники – приватиры Компании. Постепенное распространение морского разбоя частников этой британской корпорации приводило к тому, что китайские пираты отступали с океанского пространства и решались на разбой только в прибрежных районах Китая и на реках, которые впадают в Южно-Китайское море [9, р. 206].

Для «усмирения аппетита» многих противников монополии Компании король Георг III одобрил половинчатый парламентский «Акт о дополнении прав Ост-Индской компании», ставший определенным компромиссом между этой корпорацией и ее конкурентами. Последние добились установления «регулируемой монополии», согласно которой государство обязало Компанию предоставлять часть собственных судов по умеренным ценам фрахта частным купцам, которые объявили своей целью торговлю с Индией, Китаем, Кореей и Японией [10]. Наряду с этим правительство Великобритании решило принять ряд дипломатических мер для проникновения в Китай, и Компания с ее частным флотом были привлечены к реализации этой цели.

Однако китайские вожди дали англичанам понять, что их государство может претендовать лишь на звание зависимой варварской страны, с которой Китай поддерживал бы дружеские отношения. Кроме того, посланниками Георга III было доказано, что в Китае есть все необходимое, и он не нуждается в английских товарах, образцы которых, привезенные лордом Маккартни не были приняты в качестве дани [11]. В 1818 г. в Китай прибыла миссия лорда В.П. Амхер-

ста, которая достигла еще меньшего результата с точки зрения установления межгосударственных отношений. Отказ английского посланника выполнить установленный при цинском дворе церемониал трехкратного коленопреклонения перед богдыханом вызвала раздражение властелина Поднебесной. В результате этого миссия Амхерста стала последней попыткой англичан установить отношения с Китаем дипломатическим путем [12, т. 1, с. 51]. После ее провала в среде торгово-промышленной буржуазии Англии укрепилась мысль о военном вмешательстве в Китай.

Правительство Великобритании в 1832 г. приказало отправить в Кантон приватирское судно «Амхерст» под командованием Х.Г. Линдсея для проверки степени готовности Китая к войне и ознакомления с торговой конъюнктурой в тех районах Китая, где еще не присутствовали английские купцы. Почти пиратский рейд Линдсея вдоль китайского побережья предоставил более или менее полную информацию о состоянии дел в Южном Китае. На ее основании были сделаны аналитические разработки Манчестерской школы экономистов, представители которой «выписали рецепты» дальнейшего проникновения в самую большую азиатскую державу.

Свои советы по этому поводу сформулировали знаменитые последователи британского колониализма Р. Кобден, Дж. Брайт, Т. Тоук, Дж. Юм, У. Дж. Фокс, М. Гибсон и У. Молесворт [13]. Именно они объявили, что после завершения промышленного переворота нельзя сохранять монопольное положение Компании на рынках Дальнего Востока, и 22 апреля 1834 г. оно было отменено. Однако могущественная корпорация шла впереди других торговых компаний. Поэтому для наблюдения за ходом торговли в Кантоне, где вокруг причалов отстаивались главным образом суда частного флота Компании, правительство короля Вильгельма IV назначило своим уполномоченным флотоводца лорда Непира.

Английскому представителю был дан приказ не вмешиваться в дела судовладельцев и купцов, которые должны торговать на китайском побережье [14, р. 74–75]. Однако Непира



не устраивало простое наблюдение за контрабандной торговлей опиума, который ввозили в Китай суда приватиров Компании. Он настолько нагло осуществлял сомнительные сделки с контрабандной торговлей опиумом, что 2 сентября 1834 г. китайский кантонский губернатор наложил запрет на английскую торговлю.

В то же время Компания оборудовала на необитаемом и труднодоступном острове Гонконг склады опиума, скрытые от глаз таможенников. Личные связи наркоторговцев в коррумпированной среде китайских чиновников гарантировали сохранение их собственности от непредсказуемых рейдов и конфискации [15]. Информация об этом дошла до богдыхана, который велел влиятельным чиновникам обсудить возможные меры по изгнанию британцев.

В соответствии с полномочиями, полученными от богдыхана, его представитель Линь Цзэсюй лично послал королеве Виктории протест против роста британской опиумной контрабанды [16]. Однако заявление китайского чиновника было гласом волающего в пустыне. Более того, Линь постоянно выслушивал упреки представителей Компании по поводу того, что в обострении англо-китайских отношений виновниками являются пираты-китайцы, которых британским приватирам придется уничтожить [17, р. 1–4]. В конце концов, британские провокации привели к обратному результату: Линь Цзэсюй в 1839 г. приказал уничтожить крупную партию контрабандного зелья в глубине Кантонской бухты. Терпеть такого «произвола дикаря» британские богачи не смогли и решили, что нужна быстрая война против Китая. Весной 1840 г. вопрос о ней обсуждался в Палате общин. Ее члены приняли решение: без объявления войны послать в Китай военно-морскую эскадру.

Первая опиумная война (1839–1842) велась на море, где силы сторон были не сопоставимы. Хотя количество китайских военных джонок и сампанов было на порядок больше, чем количество военных кораблей и приватирских судов англичан, плавсредства Китая были устаревшими и плохо вооруженными. Обе стороны

использовали ракеты, чтобы поджигать военные корабли и вооруженные купеческие суда противника, однако и здесь преимущество было на стороне британских моряков, которые были опытными ветеранами боев против быстрых и смертоносных кораблей Испании и Франции. Поэтому общее преимущество в морской войне было неизменно на стороне агрессора [18].

В июне 1840 г. британский флот оказался вблизи южнокитайского побережья [19, с. 302–303]. Организация десантных войск и снабжение их всем необходимым было поручено генерал-губернатору Индии, лорду Окленду. Сухопутные силы экспедиции в целом составили четыре тысячи военных, не считая индийской прислуги. В состав морских сил британцев входили боевые парусные суда королевского флота и шхуна президента Компании Дж. Эллиота, который осуществлял надзор за слаженностью действий военных кораблей и приватирских судов соотечественников [20]. Кроме того, в состав английского флота входили еще четыре паровых судна – «Куин», «Мадагаскар», «Атланта» и «Энтерпрайз», способных вести боевые действия не только на море, но и в китайских реках [21, р. 29].

Стоит отметить, что первый английский пароход «Немезида», построенный в 1839 г. по заказу Секретного комитета Ост-Индской компании, получил лицензию на коммерческий разбой от Адмиралтейства Британской империи [22, р. 111]. Однако оно не было внесено в списки частных Компании, которые передавались фирме Ллойд для страхования на случай повреждений или гибели. Дело в том, что «Немезида» выполняла не только поручения Компании, а также и специальные задания морской разведки Британской империи [23, р. 21].

Так, первая опиумная война между буржуазной Британией и феодальной китайской империей закончилась поражением последней. В конце концов, 29 августа 1842 г. на борту британского военного корабля «Корнуеллис» был подписан уничижительный для большого азиатского государства англо-китайский договор, названный по месту подписания Нанкинским [24].

**Выводы.** Нанкинский договор удовлетворил важнейшие требования Великобритании, однако далеко не исчерпал всех ее притязаний. Он открывал захватчикам только порты Южного Китая, северные же и северо-восточные китайские прибрежные города оставались вне сферы влияния англичан. Поэтому Великобритания требовала прямого доступа на необъятный рынок глубинных провинций Китая.

Позже британские экспансионисты спровоцировали вторую «опиумную» войну (1859–1860), участие в которой приняли только государственные военные корабли Великобритании и США. В этой войне англо-американские приватеры не участвовали, так как международное сообщество в 1856 г. во время Парижской мирной конференции запретило этот вид лицензированного пиратства. «Декларация уважения к морскому праву» провозгласила коммерческое пиратство международным преступлением. Здесь же были решены вопросы с наказанием России, которая была побеждена в Крымской войне, в виде запрета последней использовать паровой флот в бассейне Черного моря.

#### Список использованной литературы:

1. Галин Д. Основные положения и принципы военной доктрины Великобритании. *Зарубежное военное обозрение*. № 6. 2012. С. 16–22.
2. Charter Granted by Queen Elizabeth to the East India Company. Dated the 31st December, in the 43rd year of Her Reign. Anno Domini, 1600. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Charter\\_Granted\\_by\\_Queen\\_Elizabeth\\_to\\_the\\_East\\_India\\_Company](https://en.wikisource.org/wiki/Charter_Granted_by_Queen_Elizabeth_to_the_East_India_Company).
3. Policante A. *Hostis Humani Generis. Pirates and Empires from Antiquity until Today*. L : University of London, 2012. 336 p. URL: [https://research.gold.ac.uk/8047/1/POL\\_thesis\\_Policante\\_2012.pdf](https://research.gold.ac.uk/8047/1/POL_thesis_Policante_2012.pdf).
4. Prange S. R. *Asian Piracy*. 2017. URL: [view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-32](https://view.10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-32).
5. Jarvis C. E. *The Collecting Activities of James Cuninghame FRS on the Voyage of Tuscan to China (Amoy) between*



1697 and 1699. P. H. Oswald. 2014. URL: [http://rsnr.royal\\_societypublishing.org/content/69/2/135](http://rsnr.royal_societypublishing.org/content/69/2/135).

6. East India Company: History and Development and Growth, 1750–1776. URL: <https://schoolworkhelper.net/east-india-company-history-development-growth-1750-1776>.

7. Sahni B. P. Legal Analysis of the British East India Company, P. 318–330. URL: <https://akademai.com/doi/pdf/10.1556/AJur.54.2013.4>.

8. Китай. Аннам. Малайский полуостров. Голландская Индия. Корея. URL: [http://www.uhlib.ru/istorija/tom\\_4\\_vremja\\_reakcii\\_i\\_konsitucionnye\\_monarhii\\_1815\\_1847\\_chast\\_vtoraja/p14.php](http://www.uhlib.ru/istorija/tom_4_vremja_reakcii_i_konsitucionnye_monarhii_1815_1847_chast_vtoraja/p14.php).

9. Policante A. Op. cit; 10. Shantaram M. Charter Acts of Company (1793 to 1858) and Its Criticism / [Text] / M. Shantaram. URL: <http://www.historydiscussion.net/british-india/charter-acts-of-company-1793-to-1858-and-its-criticism/5942>.

11. Попытки открытия Китая европейцами. URL: <http://biofile.ru/his/30857.html>.

12. Амхерста миссия 1816. Дипломатический словарь: в 3-х т. [под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. М. Хвостова]. Москва: Политгиздат, 1971–1973. Т. 1. 625 с.

13. Hirst F. W. Free Trade and Other Fundamental Doctrines of the Manchester School, Set Forth in Selections from the Speeches and Writings of its Founders and Followers [1820] / [ed. with an Intr. by F. W. Hirst. L.: Harper and Bro., 1903. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/hirst-free-trade-and-other-fundamental-doctrines-of-the-manchester-schooli>.

14. Blue A. D. Piracy on the China Coast / [Text] / A. D. Blue. – P. 69–85. URL: <http://www.funnell.org/wp-content/downloads/Piracy-on-the-China-Coast.pdf>.

15. Мямлин К. «Англичанка гадит» (наркобароны на службе Её Величества). URL: <http://ru-an.info/%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%8F>.

16. Vallar C. Shap'ng Tsai, Xú Yābǎo, and the Royal Navy / [Text] / C. Vallar. URL: [http://www.cindy\\_vallar.com/ShapngTsai.html](http://www.cindy_vallar.com/ShapngTsai.html).

17. Beresford S. An Account of the Destruction of the Fleets

of the Celebrated Pirate Chieftains, Chui-apoo and Shap-ng-tsai, on the Coast of China, in Sept. and Oct. 1849, by Her Majesty's Sloop "Columbine", Steam Sloop "Fury" and Hon. I. Co.'s Armed Steam Vessel "Phlegethon" etc. / [Text] / S. Beresford. L.: Savill and Edwards, 1851. 255 p. URL: [https://books.google.com.ua/books?id=qn8DAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs\\_ge\\_summary\\_r&ad=0#v=onepage&q&f=false](https://books.google.com.ua/books?id=qn8DAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&ad=0#v=onepage&q&f=false).

18. Первая опиумная война. URL: [http://ru.wod.wikia.com/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%8F\\_%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F\\_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0](http://ru.wod.wikia.com/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0).

19. История Китая / [Текст] / [под ред. А. В. Меликсетова]. Москва: Высшая школа, 2002. 736 с.

20. Бутаков А.М. Опиумные войны. Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859–1860 годах / [Text] / А. М. Бутаков, А. Е. Тизенгаузен. URL: <https://history.wikireading.ru/132306>.

21. Ouchterlony J. The Chinese War. An Account of All the Operations of the British Forces from the Commencement to the Treaty of Nanking... / [Text] / J. Ouchterlony. L.: Saunders and Otley, 1844. XX, 522 p.

22. Marshall A. G. Nemesis: The First Iron Warship and Her World. Singapore: National University of Singapore, 2016. XIII, 327 p.

23. Bernard W.D. Narrative of the Voyages and Services of the Nemesis, from 1840 to 1843, and of the Combined Naval and Military Operations in China: Comprising a Complete Account of the Colony of Hong Kong, and Remarks on the Character and Habits of the Chinese; from Notes of Cmdr. W. H. Hall, with Personal Observations. L.: Henry Colburn, 1848. XXIX, 399 p.

24. Нанкинский договор между Китаем и Англией. URL: <https://e-migration.ru/china/nankinskij-dogovor-mezhdu-kitaem-i-anglije.html>.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Мальшко Валерий Николаевич** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Днепропетров-

ского государственного университета внутренних дел;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Malysko Valeriy Nikolaevich** – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs;

*fbm1group@gmail.com*



УДК 342.98

## ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ

**Александр МЕНЯЙЛОВ,**  
аспирант кафедры административного права  
Университета современных знаний

### АННОТАЦИЯ

Проведенное исследование установило, что за период независимости в Украине в судебной сфере был осуществлен переход от административно-правового статуса судьи, базирующегося сугубо на идеологической основе, не требующего при этом специального образования, подготовки, не определяющего судейство как профессию, – к статусу судьи как высококвалифицированного профессионала, имеющего и высокую степень защищенности как гарантию независимости правосудия, и высочайшие требования к уровню образования и самоусовершенствования. Масштабная судебная реформа и появление специализированных судов в Украине обуславливают необходимость дальнейшего усовершенствования административно-правового статуса судьи в Украине с целью адаптации его к современным требованиям и реалиям.

**Ключевые слова:** судья, судоустройство, судебная система, статус, административно-правовой статус, независимость, профессионализм.

## THE STAGES OF TRANSFORMATION THE ADMINISTRATIVE-LEGAL JUDGES' STATUS IN INDEPENDENT UKRAINE

**Aleksandr MENYAYLOV,**  
Postgraduate Student at the Department of Administrative Law  
of Modern Knowledge University

### SUMMARY

Research has shown that judiciary period of Independence Ukraine, there was made transition from the administrative and legal status the judge, based purely on an ideological basis, which does not require special education, training, that does not define judging as a profession – to the judge status as a highly qualified professional having a high degree of security as a guarantee of independence justice, and the highest requirements for education level and self-improvement.

Large-scale judicial reform and the emergence of specialized courts in Ukraine necessitates further improvement the judges administrative-legal status in Ukraine in order to adapt it to modern requirements and realities.

**Key words:** judge, judiciary, judicial system, status, administrative status, independence, professionalism.

**Постановка проблемы.** Реформирование судебной системы Украины и адаптация ее к стандартам социально успешных государств обуславливает необходимость усовершенствования административно-правового статуса судьи как ключевой фигуры этой системы. Данную задачу невозможно решить без проведения всестороннего анализа этапов трансформации правового статуса судьи в независимой Украине, понимания причин, обусловивших существующий статус, выявления его позитивных и негативных сторон.

**Актуальность темы исследования.** Анализ этапов трансформации административно-правового статуса судьи в независимой Украине позволит более полно определить степень эволюционности украинского законодательства, а его результаты должны стать надежным базисом для определения дальнейших путей усовершен-

ствования статуса судьи и соответствия парадигме судебной реформы.

**Состояние исследования.** В настоящее время в силу вышеназванных причин административно-правовой статус судьи является дискуссионным юридическим вопросом. Так, М.К. Закурин определяет административно-правовой статус судьи как «совокупность правовых средств, определяют место и роль судьи при рассмотрении дел, он состоит из совокупности и объема его правосубъектности, обязанностей и прав, независимости и неприкосновенности и специальной дисциплинарной ответственности судьи» [1, с. 284]; Н.Д. Квасневская – как совокупность тесно связанных между собой элементов, а именно 1) порядок формирования судов общей юрисдикции; 2) цели и задачи деятельности судов общей юрисдикции; 3) административно-правовые полномочия и функции судов общей юрисдикции; 4) принципы

и гарантии деятельности судов высшей юрисдикции [2, с. 140].

Несмотря на разнообразие мнений, большинство ученых ключевым элементом административно-правового статуса судьи считают совокупность прав и обязанностей судьи. Наиболее полно данные вопросы раскрываются через нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность судьи.

**Целью и задачей статьи** является проведение всестороннего анализа этапов трансформации административно-правового статуса судьи в законодательных актах в Украине за период независимости, его сущности и особенностей, с целью определения его соответствия вектору судебной реформы в Украине.

**Изложение основного материала** Изменение правовой действительности страны актуализировало вопрос о построении новых моделей системы существования права и новых целей





деятельности судей. На момент провозглашения независимости Украины нормативно-правовое обеспечение деятельности судей осуществлялось на основе Конституции Украинской Советской Социалистической Республики в редакции от 20.04.1978 г. [3] (Раздел VIII Конституции «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор»), для реализации которой действовал Закон Украинской Советской Социалистической Республики «О судеустройстве Украины» [15]. Он закреплял задачей суда «всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка, предупреждение преступлений и других правонарушений». Согласно Закону, правосудие в Украинской ССР осуществлялось только судом при выборности судей и народных заседателей. Народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Были установлены основы судейской неприкосновенности, а именно запрет привлечения к уголовной ответственности, ареста, применения мер административного взыскания, налагаемым в судебном порядке, без согласия Президиума Верховного Совета Украинской ССР или Верховной Рады Украинской ССР.

Специфической особенностью, обусловленной идеологической спецификой коммунистического государства, были выборность должности, не ограниченную требованиями образования и стажа работы, кроме возраста – 25 лет. Такое положение ставило под сомнение профессиональную юридическую компетенцию судей.

С провозглашением курса на демократизацию общества, а в дальнейшем провозглашения независимости Украины возник вопрос о построении новых, украинских судебных органов, что требовало соответственного законодательного обеспечения. Так, 04.06.1991 г. принимается Закон Украинской Советской Социалистической Республики «Об арбитражном суде» [9]. Впервые в законодательстве был определен статус и устанавливались требования к лицу, уполномоченному на решение споров. Так, на должность арбитра Высшего арбитражного суда

Украинской ССР назначалось лицо, достигшее ко дню назначения 30 лет, имеющее высшее юридическое образование и стаж работы по специальности, как правило, не менее пяти лет, на должность арбитра арбитражного суда Крымской АССР, арбитражных судов областей и г. Киева назначалось лицо, достигшее ко дню назначения 25 лет, имеющее высшее юридическое образование и стаж работы по специальности, как правило, не менее трех лет. Закреплялась независимость арбитра (Ст. 21), его неприкосновенность (Ст. 22). Устанавливалась совокупность прав и обязанностей арбитра, который должен был точно выполнять требования законодательства, быть объективным и беспристрастным, обеспечивать высокую культуру арбитражного процесса. Устанавливался механизм квалификационной аттестации арбитра (ст. 27, 28). Данный Закон стал революционным для правовой действительности Украины, так как закреплял передовые механизмы в деятельности лица, уполномоченного на решение споров.

В 1992 г. был принят Закон Украины «О статусе судей» [14], который устанавливал следующие требования к судье: не быть народным депутатом, не принадлежать к какой-либо политической партии, движению, не входить в состав органов исполнительной власти, других государственных органов, органов местного самоуправления, предприятий, имеющих целью получение прибыли, не заниматься предпринимательской и другой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной оплачиваемой творческой деятельности в свободное от работы время (ст. 5).

Ст. 6 закрепляла такие обязанности судей: при осуществлении правосудия соблюдать Конституцию и законы Украины, обеспечивать полное, всестороннее и объективное рассмотрение судебных дел с соблюдением установленных законом сроков; соблюдать требования, предусмотренные статьей Закона, служебной дисциплиной и распорядком работы суда; не разглашать сведения, составляющие государственную, военную, служебную, коммерческую и банковскую тайну, тайну совещательной комнаты, сведения о личной жизни граждан и другие сведения, о которых они узнали во время рассмо-

трения дела в судебном заседании, для обеспечения неразглашения которых было принято решение о закрытом судебном заседании; не допускать поступков и любых действий, которые порочат звание судьи и могут вызвать сомнение в его объективности, беспристрастности и независимости.

Ст. 7 закрепляла, что право на занятие должности судьи районного (городского), межрайонного (окружного) суда, военного суда гарнизона имеет гражданин Украины, достигший на день избрания 25 лет, имеющий высшее юридическое образование и, как правило, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет. Часть 4 этой ст. предусматривала необходимым условием для занятия должности судьи любого суда прохождение квалификационного экзамена. Это условие не распространялось на лиц, имеющих соответствующий стаж работы в должности судьи, давность которого превышает 11 лет. Отбор кандидатов проводила Квалификационная комиссия судей и по результатам оценивания рекомендовала лиц для занятия должности судьи согласно статье 8. Устанавливались гарантии независимости судьи, такие как установленный законом порядок их избрания, остановки их полномочий и освобождения от должности; предусмотренная законом процедура правосудия, тайна принятия судебного решения и запретов на разглашение; ответственность за неуважение к суду или судье; неприкосновенность судей. То есть вводились новые составляющие статуса судей, что имело целью усовершенствование судебной системы, расширение административно-правового статуса судьи.

Следующим этапом изменений в правовой действительности Украины стало принятие Закона «О внесении изменений в Закон Украины «О статусе судей» от 02.02.1994 г. [12]. Кроме существенных изменений в механизме судейского самоуправления, часть 4 ст. 8 дополнилась механизмом создания квалификационных комиссий общих судов. Механизм функционирования судейского самоуправления был урегулирован отдельным законом «Об органах судейского самоуправления» от 02.02.1994 г. [13]. Им судейское самоуправление декларировалось как одна из важнейших гарантий



обеспечения независимости судов и судей Украины. Высшим органом судейского самоуправления являлся Съезд судей Украины.

Важным этапом усовершенствования судебной системы стало принятие Конституционного договора между Верховной Радой Украины и Президентом Украины об основах организации и функционирования государственной власти и местного самоуправления в Украине на период до принятия новой Конституции Украины 08.06.1995 г. [4]. Вопросам деятельности судов были посвящены ст. 40-42, которые закрепляли неприкосновенность, независимость судей и подчинение их только закону. Назначение судей всех судов, кроме судей Верховного Суда Украины, Высшего арбитражного суда Украины и Конституционного Суда Украины, возлагалось на Президента Украины по представлению Министерства юстиции Украины, согласованным в соответствии с Верховным Судом Украины и Высшим арбитражным судом Украины.

Основной Закон Украины также изменил полномочия судьи в связи с принятием Закона «О внесении изменений в ст. 56 Конституции (Основного Закона) Украины». Им к компетенции судьи было отнесено производство по делам об обжаловании решения, действия или бездействия государственных органов, юридических или должностных лиц в сфере управленческой деятельности, закреплено право граждан на обращение по этим вопросам в суд на конституционном уровне.

Принятие нового основного закона Украины 28.06.1996 г. [5], (раздел VIII «Правосудие») на конституционном уровне закрепило основы деятельности судей. За судами закреплялось исключительное право осуществлять правосудие, независимость и неприкосновенность судей. Закреплялась бессрочность судейских полномочий, кроме судей, назначаемых на должность впервые. Сохранялся запрет судьям принадлежать к политическим партиям и профсоюзам, принимать участие в любой политической деятельности, иметь представительский мандат, занимать любые другие оплачиваемые должности, выполнять другую оплачиваемую работу, кроме научной, преподавательской и творческой.

Требованиями к судье определялись возраст не моложе 25 лет, наличие высшего юридического образования и стажа работы в области права не менее 3 лет, проживания в Украине не менее 10 лет и владение государственным языком. Первое назначение судьи на должность на срок 5 лет осуществлялось Президентом Украины.

Дальнейшее развитие правовой системы независимой Украины обусловило необходимость внесения изменений в эти нормативно-правовые акты. Значимой вехой в развитии судебных органов Украины стала так называемая малая судебная реформа 2001–2002 г., первый этап которой связан с принятием Закона «О внесении изменений в Закон Украины «О судоустройстве Украины» от 21.06.2001 г. Вместо выборности должности судьи было предусмотрено их назначение Президентом Украины по представлению Председателя Верховного Суда Украины или председателя высшего специализированного суда или Министра юстиции Украины. Статья 22 закрепляла пятилетний срок первого назначения кандидата на должность судьи. Была введена новая система судов общей юрисдикции, в которую входили местные суды, апелляционные суды, высшие специализированные суды, Верховный Суд Украины.

Вместе с Законом «О судоустройстве Украины» претерпел изменения и закон «О статусе судей». Ст. 1 закрепила понятие «профессиональный судья», которое стало аналогом термина «судья» и отразило переход от советской системы отбора судей (к которым не выдвигалось даже образовательных цензов), к современной системе судопроизводства, акцентированной на высоком профессиональном уровне судьи как носителя судебной власти. Положения ст. 5, которая предусматривала требования к профессиональному судье, были сформулированы четче и лаконичнее, без изменения их по сути. Изменения в ст. 7 были более значимы и закрепляли требования к кандидату на должность судьи. В отличие от предыдущей редакции, стаж работы в области права стал обязательным и должен был составлять три года для судьи районного (городского) суда. Существенно изменился и порядок избрания на должность судьи. Новая

редакция предусматривала избрание судьями судов общей юрисдикции Верховной Радой Украины бессрочно. Судьи, которые впервые прошли конкурсный отбор, назначались на должность сроком на 5 лет Президентом Украины, соответственно судья принимал присягу перед Президентом Украины (ст. 10), а не перед органом, который его избрал.

Часть 4 ст. 13 урегулировала вопросы судейской неприкосновенности, а именно проникновение в жилье или служебное помещение судьи, в его личный или служебный транспорт, проведение там осмотра, обыска или выемки, прослушивание его телефонных разговоров, личный обыск судьи, а также осмотр, выемка его корреспонденции, вещей и документов могут производиться только по мотивированному решению суда. Предыдущая редакция предусматривала аналогичные действия исключительно с санкции Генерального прокурора.

Принятие нового Закона «О судоустройстве Украины» от 07.02.2002 г. [16] завершило малую судебную реформу 2001-2002 г. Раздел III данного Закона был посвящен деятельности профессиональных судей, народных заседателей и присяжных. Предполагалось совершение правосудия профессиональными судьями. На такую должность мог быть рекомендован квалификационной комиссией судей граждан Украины не моложе 25-ти лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы в области права не менее 3 лет, проживающий в Украине не менее 10 лет и владеющий государственным языком.

Первое назначение на должность профессионального судьи сроком на 5 лет осуществлялось Президентом Украины на основании рекомендации соответствующей квалификационной комиссии судей по представлению Высшего совета юстиции. Все остальные судьи избирались бессрочно Верховной Радой Украины на основании рекомендации Высшей квалификационной комиссии судей Украины.

07.07.2010 г. был принят Закон «О судоустройстве и статусе судей» [17], который текстуально предусматривал осуществление судебной власти независимыми, беспристрастными и профессиональными судьями.



Вводилось распределение судебных дел с помощью Автоматизированной системы документооборота суда. Однако он был расценен судьями, общественностью и политиками как попытка оформить доминирование власти Президента в судебной сфере и вызвал шквал критики. Тогдашний Председатель Верховного Суда В. Онопенко охарактеризовал данный Закон как имеющий целью «поставить судебную систему в режим ручного управления, получить зависимый и послушный суд. После вступления этого закона в силу в Украине такой отдельной ветви власти, как судебная, уже не будет» [7].

Как и в предыдущих законах, в нем закреплялись гарантии независимости и неприкосновенности судьи, последняя предусматривала невозможность задержания судьи за административное или уголовное правонарушение до вступления приговора в законную силу без согласия Верховной Рады. Устанавливался принцип несменяемости судьи. Предполагалось представление судьями декларации об имущественном состоянии, которая публиковалась на официальном веб-портале судебной власти. Предусматривалась периодическая профессиональная подготовка судьи. В данном законе также были сохранены требования к стажу, возрасту, образованию.

Отбор кандидатов осуществлялся по результатам прохождения специальной подготовки и сдачи квалификационного экзамена в соответствии с требованиями Закона. Вводилась анонимная процедура прохождения экзамена кандидатами на должность судьи. Отдельный раздел 5 был посвящен обеспечению надлежащего квалификационного уровня судьи. Данным разделом были урегулированы вопросы деятельности Национальной школы судей Украины, задачей которой были подготовка кандидатов на должность судьи, подготовку судей, повышение их квалификации и подготовки работников аппарата суда. В дальнейшем данный Закон был изменен рядом других законов, которые регулировали вопросы деятельности судов.

Существенные изменения в административно-правовом статусе судьи прошли с принятием Уголовно-процессуального Кодекса Украины 2012 г. [6], который обусловил появ-

ление двух специфических категорий судей. Во-первых, в отдельную категорию были выделены судьи, имеющие право осуществлять уголовное производство в отношении несовершеннолетних. Требования к такому судье включали избрание собранием судей суда на срок не более трех лет и возможность быть переизбранным повторно, однако из числа судей со стажем работы судья не менее 10 лет, опытом осуществления уголовного производства в суде и высокими личностными качествами. В случае отсутствия в суде судей, отвечающих возрастному цензу, рассмотрение дела осуществляется судьями с наибольшим стажем работы.

Более специфической категорией судей, определенных новым Уголовно-процессуальным Кодексом, стали следственные судьи. Их обязанности, а именно осуществление судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве на стадии досудебного расследования, обусловили высокий уровень требований к их личностным и профессиональным качествам. Специфика дел, подлежащих рассмотрению следственным судьей, процессуальные сроки такого рассмотрения требуют оперативности, взвешенности, скорости, обоснованности решений следователя судьи. Следователь судья избирается собранием судей на срок не более 3 лет, до его избрания такие полномочия осуществляет старший по возрасту судья соответствующего суда. Выполнение обязанностей следственного судьи учитывается при распределении судебных дел между судьями.

В дальнейшем в Закон вносился ряд изменений, которые, однако, не существенно влияли на статус судьи. Реальное функционирование этого Закона было под влиянием сложного в истории независимой Украины периода, который ознаменовался деятельностью В. Януковича на посту Президента Украины, рядом политических скандалов, связанных с курсом тогдашнего Президента и его команды, которые завершились событиями Революции Достоинства. Во время всех этих событий постоянно фигурировали фамилии судей, в основном в негативном контексте, следствием чего стал критический уровень падения доверия к судебной власти. Данная проблема была настоль-

ко значимой, что 08.04.2014 г. был принят Закон «О восстановлении доверия к судебной власти в Украине» [10].

Президентом Украины был создан консультативно-совещательный орган по вопросам судебной системы – Совет по вопросам судебной реформы, деятельность которого направлена на решение ключевых вопросов, таких как открытость и публичность судебной системы, борьба с коррупцией, очистка судейского корпуса и устранение политического влияния на судебную систему.

Избрание Украиной европейского курса развития вызвало необходимость принятия новой редакции Закона «О судостроительстве и статусе судей» от 2 июня 2016 г. [18]. Ряд новелл этого закона должен способствовать повышению независимости судей и доверия к судебной системе, в том числе и путем повышения ее эффективности.

Данный закон предусматривает, что судьей может быть компетентное лицо, достигшее 30 лет и не старше 65 лет, имеющее гражданство Украины и высшее юридическое образование, стаж работы в области права не менее 5 лет, добропорядочное и владеющее государственным языком. Закон предусматривает независимость, неприкосновенность и иммунитет судьи. Согласно закону [18] судья обязан подавать декларацию добропорядочности судьи и декларацию родственных связей судьи, систематически развивать профессиональные навыки (умения), поддерживать свою квалификацию на уровне, необходимом для выполнения полномочий.

Дальнейшие изменения в Закон не меняли административно-правового статуса судьи, кроме изменений, связанных с деятельностью Высшего антикоррупционного суда Украины. Специфическим признаком судьи антикоррупционного суда является требование о подтверждении способности осуществлять правосудие в указанном суде. Также Законом «О судостроительстве и статусе судей» было предусмотрено создание Высшего совета правосудия, вместо Высшего совета юстиции, который обеспечивал независимость судебной власти, его функционирование на основе ответственности, подотчетности перед обществом, формирование добродетельного и



высокопрофессионального корпуса судей, соблюдение норм Конституции и законов Украины, а также профессиональной этики в деятельности судей и прокуроров (Ст. 1 Закона «О Высшем совете правосудия» [11]).

К сожалению, переходный период построения судейского корпуса с учетом требований времени в сочетании с дефицитом соответствующих кадров привел к роковому недостатку соответствующих специалистов, что привело к отсутствию судей в 23 судах Украины [8].

**Выводы.** Системный анализ трансформации административно-правового статуса судьи в Независимой Украине наглядно отражает его эволюцию от классового понимания деятельности судьи, которое осталось в наследство от Советского Союза и царило в первые годы независимости, к формированию высокопрофессионального судейского корпуса на основе, присущих демократическому обществу ценностей и понимания судьи как наиболее высококвалифицированного специалиста в области права, деятельность которого подчинена исключительно Закону и собственным убеждениям, основанным на высоких морально-этических качествах лица, уполномоченного осуществлять правосудие. Однако современные вызовы, которые стоят перед судебной системой Украины, требуют дальнейшего усовершенствования административно-правового статуса судьи. Данное направление должно стать отдельным предметом научных и прикладных разработок.

#### Список использованной литературы:

1. Закурін М. К. Адміністративно-правовий статус судді господарського суду. *Форум права*. 2011. № 3. С. 282–286.
2. Квасневська Н.Д. Поняття і особливості адміністративно-правового статусу суддів загальної юрисдикції. *Європейські перспективи*. 2015. Вип. 3–2, Том 1. С. 139–143.
3. Конституція (Основний Закон) Української Радянської Соціалістичної Республіки 20 квітня 1978 року / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/ru/888-09/ed19921226..>
4. Конституційний договір між Верховною Радою України та Пре-

зидентом України про основні засади організації та функціонування державної влади і місцевого самоврядування в Україні на період до прийняття нової Конституції України від 08.06.1995 р. № 1к/95-ВР / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/1%D0%BA/95-%D0%B2%D1%80>.

5. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/254>.

6. Кримінально-процесуальний кодекс України: Кодекс України від 13.04.2012 р. № № 4651-VI / База даних законодавство України, *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/4651-17>.

7. Онопенко В. «Судебная система замерла в ожидании приговора» / Интервью. *Зеркало недели* 15 мая 2010 г. С.6.

8. Параліч судової системи: 23 суда залишилися без суддів *Закон і бізнес* 28.08.2018 URL: <https://zib.com.ua/ua/134225>

9. Про арбітражний суд: Закон Української РСР від 04.06.1991 г. № 1142-XII Відомості Верховної Ради УРСР. 1991 р. N 36. ст. 469

10. Про відновлення довіри до судової влади в Україні: Закон України від 08.04.2014 № 1188-VII: Закон України / База даних законодавство України, *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/1188-18>

11. Про Вищу раду правосуддя: Закон України від 21.12.2016 № 1798-VIII / База даних законодавство України, *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1798>.

12. Про внесення змін до Закону України «Про статус суддів»: Закон України від 02.02.1994 № 3913-XII / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3913-12/ed19940202>.

13. Про органи суддівського самоврядування: Закон України від 02.02.1994 р. № 3909-XII / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/3909-12>.

14. Про статус суддів: Закон України від 15.12.1992 № 2862-XII. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 1993. N 8. ст. 56.

15. Про судоустрій України: Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки від 05.06.1981 № 2023-X / База даних законодавство України», *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/2022-10>.

16. Про судоустрій України: Закон України від 07.02.2002 № 3018-III / База даних законодавство України, *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/3018-14>

17. Про судоустрій і статус суддів Закон України від 07.07.2010 р. № 2453-VI / База даних законодавство України, *ВР України*. URL:

18. Про судоустрій і статус суддів: Закон України від 02.06.2016 р. № 1402-VIII / База даних законодавство України, *ВР України*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/1402-19/ed20171129>.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Меняйлов Александр Александрович** – аспирант кафедры административного права Университета современных знаний;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Menyaylov Aleksandr Aleksandrovich** – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law of Modern Knowledge University;

[gnikavero@gmail.com](mailto:gnikavero@gmail.com)





УДК 351.746.1(477)

## ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛДАВСКОЙ АВТОНОМИИ В СОСТАВЕ УССР: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Владимир ОКИПНИК,  
кандидат юридических наук, доцент,  
заведующий кафедрой Национальной академии Службы безопасности Украины

### АННОТАЦИЯ

В статье исследованы юридический статус и особенности организации и деятельности органов государственной безопасности на территории Молдавской автономной республики в составе УССР в период с 1924 по 1940 гг.

Определено, что на начальном этапе становления АМССР в соответствующих нормативных актах были установлены определенные особенности организационной структуры и назначения руководства органов государственной безопасности в автономии. Однако в функциональном отношении органы ГПУ–НКВД АМССР–МАССР приравнивались к другим местным территориальным органам государственной безопасности УССР. В дальнейшем, особенно после принятия Конституций СССР 1936 и УССР 1937 гг. и усиления централизации управления, контроль со стороны центра за деятельностью органов государственной безопасности в автономии постоянно углублялся.

**Ключевые слова:** советские органы государственной безопасности, АМССР, МАССР, ГПУ, НКВД.

## STATE SECURITY BODIES OF THE MOLDAVIAN AUTONOMY AS PART OF THE UKRAINIAN SSR: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Vladimir OKIPNIUK,  
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,  
Head of the Department of the National Academy of the Security Service of Ukraine

### SUMMARY

The article examines the legal status, features of the organization and activities of state security bodies on the territory of the Moldavian Autonomous Republic as part of the Ukrainian SSR from 1924 to 1940.

It was determined that at the initial stage of the establishment of the AMSSR, certain features of the organizational structure and appointment of the leadership of state security bodies in the autonomy were established in the relevant regulatory acts. However, in functional terms, the organs of the GPU – NKVD of the AMSSR – MASSR were equated with other local territorial state security bodies of the Ukrainian SSR. Subsequently, especially after the adoption of the Constitutions of the USSR of 1936 and the Ukrainian SSR of 1937, and the strengthening of centralization of control, control by the center on the activities of state security bodies in the autonomy was constantly deepened.

**Key words:** Soviet state security bodies, AMSSR, MASSR, GPU, NKVD.

**Постановка проблемы.** После распада Российской и Австро-Венгерской империй и последовавшей за этим череды революционных изменений 1917–1921 гг. территория Молдовы оказалась в составе двух государств – Румынии и советской Украины. Украинская социалистическая советская республика (с 1937 г. – Украинская советская социалистическая республика) (далее – УССР) с 1922 г. стала составной частью Союза советских социалистических республик (далее – СССР). На ее территории начался процесс формирования тоталитарного режима, основной опорой которого выступали советские органы государственной безопасности централизованного общесоюзного подчинения. В этих условиях в составе УССР была создана Автономная Молдавская социалистическая советская республика (далее – АМССР). Она имела отдельную систе-

му властных структур, в том числе органов государственной безопасности, встроенную в единую вертикаль советского партийного и государственного аппарата. В связи с этим в период 1920-х – начала 1940-х гг. для органов государственной безопасности, расположенных на территории автономии, существовали определенные особенности юридического статуса, организации и деятельности, которые требуют, в первую очередь, историко-правового осмысления.

**Актуальность темы исследования.** Изучение совместных страниц истории украинского и молдавского народов периода советского тоталитаризма представляют интерес на современном этапе развития наших стран. Прежде всего, исследование указанной проблематики актуально в контексте обеспечения прав и свобод человека, недопущения их нарушения с учетом

исторического опыта первой половины XX века. Кроме этого, в условиях геополитических изменений, которые произошли и продолжают происходить, в том числе на постсоветском пространстве, крайне важную роль играет вопрос противодействия внешним угрозам национальной безопасности наших стран, в частности недружественным планам Российской Федерации, ее деятельности по поддержке непризнанных квазигосударственных образований.

**Состояние исследования.** Историко-правовые основы организации и деятельности органов государственной безопасности Молдавской автономии в составе УССР специально не рассматривались. Отдельные аспекты этих вопросов исследовались в рамках разработки общих проблем развития молдавской государственности и права советского периода, а также



в контексте изучения организационно-структурного функционирования и кадрового состава советских органов государственной безопасности. Это отображено в работах советских, современных отечественных и зарубежных исследователей А.В. Сурилова [1; 2], А.В. Репиды [3], В.Г. Лысенко [4], В.А. Чеховича [5], Н.В. Петрова, К.В. Скоркина [6], О.С. Галущенко [7]. Первой попыткой специального исследования указанной проблематики стали тезисы «Органы государственной безопасности в Автономной Молдавской социалистической советской республике», с которыми автор данной статьи выступил в 2003 г. на 10-й Международной историко-правовой конференции [8].

**Целью и задачей статьи** является историко-правовой анализ юридического статуса органов государственной безопасности Молдавской автономии в составе УССР в 1924–1940 гг.

#### **Изложение основного материала.**

Вопрос о создании АМССР обсуждался на уровне ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У с начала 1924 г. Он был инициирован так называемой группой Г. Котовского, а также румынскими коммунистами во главе с И. Дику, которые проживали и учились в СССР. Неофициальным, однако, существенным фактором создания молдавской автономии партийно-государственное руководство СССР считало возможность использование ее как плацдарма для дальнейшей борьбы СССР за Бессарабию. После дискуссий в высших партийных инстанциях в этом вопросе было принято положительное политическое решение [5, с. 749].

На основании этого III сессия Всеукраинского центрального исполнительного комитета (далее – ВУЦИК) 8-го созыва 12 октября 1924 г. приняла постановление о создании АМССР в составе УССР. На начальном этапе для руководства автономной республикой был создан временный чрезвычайный орган, Революционный комитет (далее – ревком), в составе которого формировались отделы, в том числе внутренних дел и ГПУ [1, с. 64; 3, с. 115].

Предусматривалось введение должности Уполномоченного Государственного политического управления (далее – ГПУ). Эти функции соглас-

но постановления ЦК КП(б)У первоначально возлагались на начальника Одесского губернского отдела ГПУ УССР. Заместитель Уполномоченного ГПУ АМССР через соответствующий аппарат должен был осуществлять непосредственную работу по борьбе с контрреволюцией и охраной государственной границы. Уполномоченный ГПУ АМССР формально считался подотчетным ГПУ УССР и высшим органам власти АМССР [9, л. 120].

1-й Все молдавский съезд Советов, который состоялся 23 апреля 1925 г., утвердил Конституцию АМССР. 10 мая 1925 г. она была утверждена 9 Всеукраинским съездом советов. В соответствии с ее текстом при СНК АМССР вводилось ГПУ АМССР. Уполномоченный ГПУ АМССР включался в состав СНК АМССР с правом совещательного голоса, избирался и освобождался от должности Молдавским Центральным исполнительным комитетом (далее – ЦИК) по согласованию с ГПУ УССР. ГПУ АМССР, подчиняясь формально Молдавскому ЦИК, в своей непосредственной деятельности руководствовалось директивами и заданиями ГПУ УССР и было ему подконтрольно. Осуществление прокурорского надзора за деятельностью органов ГПУ АМССР возлагалось на отдел прокуратуры наркомата юстиции АМССР [10, л. 9–10; 2, с. 81, 102].

С ноября 1924 г. начальником Молдавского областного отдела ГПУ и по совместительству наркомом внутренних дел АМССР был назначен М.Б. Корнев (Капелюс). С августа 1925 г. он также занял должность Уполномоченного ГПУ УССР при Совете народных комиссаров (далее – СНК) АМССР [8, с. 244].

Согласно постановлению Президиума ВУЦИК от 3 июня 1925 г. в республике была осуществлена административно-территориальная реформа, которая изменила систему местных территориальных органов ГПУ УССР. После ее проведения штаты Уполномоченного ГПУ АМССР были утверждены съездом начальников органов ГПУ УССР в количестве 23 должностей по такой же процедуре, как и для других, созданных в это время окружных отделов ГПУ УССР [11, с. 19–29, 42–44].

Аппарат Уполномоченного ГПУ АМССР после ликвидации губер-

ских отделов ГПУ наравне с еще 13 окружными отделами ГПУ УССР в соответствии с приказом ГПУ УССР № 40с/250 от 31 июля 1925 г. был наделен правом выдачи разрешений гражданам на выезд за границу [12, с. 149].

В начале 1926 г. аппарат Уполномоченного ГПУ АМССР на основании решения ЦК КП(б)У в кадровых вопросах был отнесен к категории крупных окружных отделов. Начальники этих местных органов ГПУ назначались Оргбюро ЦК КП(б)У. Все остальные – Секретариатом ЦК КП(б)У. Вскоре штат Уполномоченного ГПУ АМССР был реформирован в Молдавский отдел ГПУ УССР с правами окружного отдела ГПУ УССР.

Весной 1931 г. произошло разукрупнение местных органов ГПУ УССР. Согласно приказу ГПУ УССР № 96 от 14 апреля 1931 г. районные аппараты, в которых насчитывалось более трех должностей, переименовывались в районные отделения. На них распространялись права районных отделений, предусмотренные Положением о структуре, оперативных и административных функциях и правах местных органов ГПУ УССР 1930 г. В Молдавском отделе ГПУ таким путем было образовано два районных отделения ГПУ [13, л. 51].

В соответствии с постановлением 4-й сессии ВУЦИК от 9 февраля 1932 г. в УССР были созданы Винницкая, Днепропетровская, Киевская, Одесская и Харьковская области. После этого был издан приказ ГПУ УССР № 40 «О расформировании оперативных секторов и об организации областных отделов ГПУ» от 13 февраля 1932 г. [14, л. 20–25].

На основании приказа ГПУ УССР № 108 от 29 апреля 1932 г., который был издан в дополнение к ранее упомянутому приказу № 40, Молдавский отдел ГПУ был реорганизован в Молдавский областной отдел ГПУ. В его прямое подчинение переходили все местные органы ГПУ УССР, расположенные на территории АМССР. Секретно-оперативная часть 25-го пограничного отряда была введена в штат соответствующих оперативных отделений Молдавского областного отдела ГПУ. Начальник областного отдела по совместитель-



ству занимал должность начальника 25-го пограничного отряда войск ГПУ. На эту должность был назначен Д.М. Соколинский. Молдавскому областному отделу ГПУ в вопросах организации оперативной работы подчинялся также Рыбницкий пограничный отряд [14, л. 53].

Еще одна особенность организации и деятельности органов государственной безопасности молдавской автономии была связана, прежде всего, с пограничным статусом этой территории. В 1933 г. в структуре Молдавского областного отдела ГПУ УСРР было создано Иностранное отделение, которое напрямую подчинялось Иностранному отделу ГПУ УССР. Его основной функцией стало осуществление разведывательной работы за пределами СССР, прежде всего на территории Румынии и других балканских государств [6, с. 31, 32].

Следующий этап в развитии юридического статуса органов государственной безопасности на территории молдавской автономии связан с ликвидацией ГПУ УССР и созданием Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) УССР. Основным звеном в системе местных территориальных органов НКВД УССР теперь стали областные управления НКВД (далее – УНКВД). Приравнено по статусу к ним было и УНКВД УССР по АМССР. 11 июля 1934 г. приказом НКВД УССР №2 начальником Молдавского УНКВД был назначен В.Я. Легоцкий [14, л. 108].

На основании новой Конституции УССР 1937 г. АМССР была преобразована в Молдавскую автономную советскую социалистическую республику (далее – МАССР). В январе 1938 г. 7-м Все молдавским съездом советов была принята новая Конституция МАССР, которая в полном соответствии с Конституциями СССР 1936 и УССР 1937 гг. закрепила жестко централизованную систему управления автономией.

После принятия Конституции УССР 1937 г. на основании приказа НКВД УССР № 00113 от 10 июня 1937 г. УНКВД УССР по МАССР было реорганизовано в НКВД МАССР, который подчинялся НКВД УССР. Должности начальника УНКВД и его заместителя были трансформированы в должности

народного комиссара и заместителя народного комиссара соответственно [15, л. 343]. Обязанности народного комиссара внутренних дел МАССР в разное время исполняли Н.В. Лютий-Шестаковский, И.Т. Широкий (Майский), Д.Г. Лифарь, П.С. Сафонов, В.М. Трубников [8, с. 244].

Органы государственной безопасности молдавской автономии в 1930-е гг. были задействованы в массовых репрессивных акциях, которые инициировались партийно-советской верхушкой СССР. В частности, речь идет о принудительной коллективизации и депортации зажиточного крестьянства, так называемом раскулачивании, осуществлении голодомора 1932–1933 гг., организации «большого террора» 1937–1938 гг. и других карательных противоправных мероприятий, жертвами которых стали миллионы наших сограждан.

Например, для проведения так называемой кулацкой операции в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. в УССР были созданы тройки при областных УНКВД и НКВД МАССР. Деятельность тройки УНКВД–НКВД МАССР носила интенсивный характер. Четко регламентировалась процедура организации и деятельности троек: перечень категорий лиц, которые подлежали репрессии, полномочия троек по вынесению приговоров, их персональный состав, порядок рассматривания материалов, ведения протоколов заседаний, приведения в исполнение приговоров троек и так далее.

Завершающий этап функционирования органов государственной безопасности молдавской автономии как составной части органов государственной безопасности УССР припадает на начальный период Второй мировой войны. В связи с присоединением к СССР Северной Буковины и Бессарабии 7-я сессия Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г. приняла закон «О создании Союзной Молдавской советской социалистической республики». После создания Молдавской ССР в соответствии с приказом НКВД СССР № 00961 от 8 августа 1940 г. из подчинения НКВД УССР был выведен НКВД МАССР. Его реорганизовали в НКВД Молдавской ССР как союзной республики [6, с. 62, 76].

**Выводы.** На начальном этапе создания и деятельности молдавской автономии в составе УССР органы государственной безопасности, расположенные на ее территории, имели определенные особенности организационной структуры и порядка назначения должностных лиц руководящего состава. В частности, это касалось вопросов назначения, подчиненности и подотчетности Уполномоченного ГПУ АМССР. Он формально пребывал в двойном подчинении. С одной стороны, как член СНК АМССР с правом совещательного голоса, контролировался Молдавским ЦИК. Но этот контроль не распространялся на функциональную составляющую. С другой стороны, в вопросах своей непосредственной деятельности аппарат Уполномоченного находился под руководством ГПУ УССР.

По мере централизации системы управления особенности юридического статуса органов государственной безопасности молдавской автономии были сведены к минимуму. Они были приравнены к местным территориальным органам ГПУ–НКВД УССР. В 1930-е гг. органы государственной безопасности автономии являлись составной частью советского репрессивного механизма в Украине. Они были задействованы в проведении противоправной внесудебной расправы, преследования людей по социальным и национальным признакам, происхождению, политическим убеждениям и иным критериям.

#### Список использованной литературы:

1. Сурилов А.В. История государства и права Молдавской ССР. Кишинев (1917–1959). Кишинев, 1963. 336 с.
2. Сурилов А.В. Государственно-правовые акты Молдавской ССР (1924–1941 гг.). Кишинев, 1963. 180 с.
3. Репида А.В. Образование Молдавской АССР. Кишинев, 1974. 184 с.
4. Лисенко В.Г. Утворення і розвиток Молдавської АРСР у складі УРСР (1920–1940 рр.). *Український історичний журнал*. 1974. № 9. С. 46–54.
5. Чехович В.А. Молдавська автономна радянська соціалістична республіка. *Юридична енциклопедія*. Т. 3. Київ, 2001. С. 749–750.



6. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. Москва : Звенья, 1999. 504 с.

7. Галущенко О.С. Образование Молдавской АССР: современный взгляд историка. *Проблемы национальной стратегии*. 2004. № 5 (26). С. 202–218.

8. Окіпнюк В.Т. Органи державної безпеки в Автономній Молдавській Соціалістичній Радянській Республіці. *Історико-правові проблеми автономізму та федералізму* : матеріали Х-ї Міжнародної історико-правової конференції (м. Севастополь. – Сімферополь, 22–24 вересня 2003 року). Севастополь. – Сімферополь. 2004. С. 243–246.

9. Центральный державный архив громадських об'єднань України. Ф.1. Оп.16. Спр.1.

10. Центральный державный архив вищих органів влади та управління України. Ф.2. Оп.3. Спр. 391.

11. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 13. Спр. 373.

12. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 9. Спр. 2 (УРСР).

13. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 9. Спр. 286 (УРСР).

14. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 9. Спр. 287 (УРСР).

15. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 9. Спр. 667 (УРСР).

16. Галузевий державний архів Служби безпеки України. Ф. 9. Спр. 7 (УРСР).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Окіпнюк Владимир Тарасович** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Национальной академии Службы безопасности Украины;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Okipniuk Vladimir Tarasovich** – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the National Academy of the Security Service of Ukraine;

*Vtarasovich@ukr.net*

УДК 347.78

## ЗАЩИТА СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ТВОРЧЕСТВО. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ТВОРЧЕСТВО

**Светлана САБУРА,**

аспирант кафедры права интеллектуальной собственности  
и корпоративного права

Национального университета «Одесская юридическая академия»

#### АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные аспекты охраны и защиты субъективных прав авторов – способы и средства защиты. В статье также рассматривается значение и раскрытие понятия «способ» и «средство» для дальнейшего обоснования разницы между способом защиты авторских прав и средства. Учитывая незначительное количество работ правоведов по этому вопросу, автор высказывает основные мысли относительно возможных способов и средств защиты субъективного права на творчество. Такая систематизация дает возможность детально рассмотреть способы защиты и конкретизировать некоторые из них при помощи описания средств защиты.

**Ключевые слова:** способ, средство, защита, автор, субъективное право.

#### PROTECTION OF SUBJECTIVE RIGHT TO CREATION. WAYS AND MEANS OF PROTECTING A SUBJECTIVE RIGHT TO CREATIVITY

**Svetlana SABURA,**

Postgraduate Student of the Department of Intellectual Property Law  
and Corporate Law of the National University "Odessa Law Academy"

#### SUMMARY

In the article have been reviewed the basic aspects of protection and protection of subjective rights of authors – methods and remedies. In the article have been reviewed the meaning and disclosure of the terms “way” and “means” to further substantiate the difference between copyright protection and remedy. Considering the small number of works of jurists on this issue, the basic ideas on possible ways and means of protection of the subjective right to creativity are given. Such methods as civil, administrative and criminal are disclosed. It is noted the existence of judicial and non-judicial means of protection, contractual and non-contractual. Some types of remedies for the subjective right to creativity are disclosed, such as: the ability to use a copyright mark, the condition of a contract, a lawsuit and measures, such as securing a lawsuit, a rule of any law governing copyright and aimed at such protection, a court decision to ban a work, phonograms, performance production, broadcasting and wiring, termination of their distribution, removal, confiscation of all copies of a work or phonogram, etc.

**Key words:** way, means, guarding, author, subjective law.

*Мы обязаны с тобою защищать  
свои права.*

*Ш. Руставелли «Витязь  
в тигровой шкуре»*

**Постановка проблемы.** Вопросы защиты субъективного права на творчество с каждым днем становятся все более актуальными и важными для многих людей разных направлений деятельности: творческих деятелей, актеров, деятелей шоу-бизнеса, потребителей результатов творческой

деятельности и многих других. Уделяя внимание способам и средствам, используемым для защиты субъективного права на творчество, правоведы могут предоставить важную информацию, которая может быть полезна в процессе реализации права на защиту и ее эффективность. При подходе к вопросам защиты субъективного права на творчество важны как основные аспекты в механизмах защиты общий понятий («способ» и «средство»), так и описание характерных способов





защиты для определенных видов творческой деятельности субъектов творчества.

**Актуальность темы исследования.** Отсутствие системы четко сформулированных способов защиты, относительно небольшое количество исследований по теме защиты субъективного права на творчество, наличие исследований по теме защиты права на творчество, ориентированное на советское и постсоветское законодательство, в некоторых вопросах требующих значительных доработок, – все это провоцирует необходимость осуществлять поиск актуальных, современных, а главное – действенных способов защиты субъективного права на творчество.

**Состояние исследования.** Вопросы защиты прав в целом, а также защиты субъективного права на творчество занимались такие научные деятели, как: Иоффе О.С. («Основы авторского права» (1969 г.)), Грибанов В.П. («Осуществление и защита гражданских прав», (2001 г.)), Серебровский В.И. («Вопросы советского авторского права» (1956 г.)), Шишка Р.Б. («Охрана права интеллектуальной собственности: авторско-правовой аспект» (2002г.)), Чертков В.Л («Судебная защита прав и интересов авторов» (1971г.)), Бенедисюк И.М. («Посібник для суддів з інтелектуальної власності» (2018г.)), Пидопригора О.А., Пидопригора А.А. («Право інтелектуальної власності України»). Много внимания защите прав, которые возникают у сторон в авторских правоотношениях, уделила профессор Харитоновна Е.И. в статье «Правовідносини інтелектуальної власності, що виникають внаслідок створення результатів творчої діяльності (концептуальні засади)» (2011 г.), профессор Ульянова Г.А. (монографии на темы плагиата).

На данный момент в связи с развитием законодательства в сфере права интеллектуальной собственности имеются некоторые размышления правоведов относительно возможных к применению методов, способов и средств защиты творческих прав лиц, которые могут быть взяты за основу при формировании четкой системы способов и средств защиты таких прав.

**Целью и задачей статьи** является исследование научных знаний

в сфере защиты субъективного права на творчество, а также определение и описание существующих способов и средств, которые могут быть использованы в процессе защиты субъективного права на творчество.

#### **Изложение основного материала.**

Право на творчество дано человеку от самого рождения, так как человек независимо от возраста может создавать оригинальные произведения и осуществлять открытия. Общеизвестно, что для появления в свет «продуктов» творчества необходима деятельность разума и наличие сформированной осознанности, когда человек точно понимает, что он создает. При этом ребенок тоже может быть автором или собственником прав интеллектуальной собственности. Таким образом, право на творчество принадлежит любому человеку, а отсюда – и право на защиту авторских прав и результатов творческой деятельности.

Категория «творчество» – достаточно широкое понятие, которое способно включить в себя множество направлений деятельности, таких как: авторская деятельность (писатели, художники, авторы компьютерных программ и другие лица, деятельность которых регулируется Законом Украины «Об авторском праве и смежных правах»), научно-техническая деятельность (техническое творчество), выведение новых сортов растений и пород животных, получение рационализаторских предложений, предоставление научно-технической информации, создание и владение правами на знаки на товары и услуги.

Все данные направления характеризуются специфическими признаками и иногда требуют характерных для них способов и средств защиты прав их субъектов.

«Защита имущественных и личных неимущественных прав авторов, исполнителей, производителей фонограмм и организаций вещания осуществляется нормами разных отраслей права – уголовного, административного, гражданского и других. Но чаще всего применяются гражданско-правовые способы и средства защиты авторского права и смежных прав. Нарушение прав автора могут быть связаны с нарушением его имущественных интересов или только личных прав. Выпуск в свет

произведения без обозначения имени автора с изменениями, самостоятельно осуществленными издательством, постановка драматического произведения с изменениями без одобрения автора, искажения произведения – все это нарушения личных прав без материального вреда. В таких случаях автор имеет право требовать удовлетворения его нарушенных интересов» [1, с. 57].

«Право на защиту представляет собой возможность применения уполномоченным лицом мер правоохранительного характера. А из этого следует, что право на защиту в материально-правовом значении – лишь одно из правомочий субъективного гражданского права, один из элементов его содержания» [2, с. 272].

В словаре понятие «способ» означает «определенное действие (последовательность действий), прием или систему приемов, которая дает возможность сделать, осуществить что-либо, достичь чего-либо [3], а понятие «средство» означает «прием, какое-либо специальное действие, которое дает возможность осуществить что-либо, достичь чего-либо; способ» [4].

Способ подразумевает ответ на вопрос «каким образом?», а «средство» – «при помощи чего?». Такое понимание обоих понятий позволит детальнее раскрыть все аспекты защиты субъективного права на творчество и даст возможность понять, каким образом и при помощи каких «орудий» юриспруденции это становится возможно для субъектов авторских правоотношений.

Грибанов В.П. считает, что правомочность защиты представляет собой в том числе и возможность прекращения противоправного поведения путем самостоятельного применения средств принудительного влияния [5, с. 106].

Своевременное принятие мер защиты может предотвратить многие творческие «казусы» и не допустить нарушение прав субъектов системы права интеллектуальной собственности.

В практике возможны различные последствия нарушения авторских прав.

В истории известен факт, когда искажение содержания материала издателем привело к грубейшей ошибке, которая исказила существующую действительность. Это касается писем



Америго Веспуччи, именем которого назван материк Америка, открытый Колумбом. При издании писем этого человека издатель допустил недопустимую вольность, которая вылилась в дальнейшем в судебное дело Колумба против Веспуччи, которая рассматривалась уже после смерти обоих мореплавателей. Неизвестный издатель, кроме писем Веспуччи, обращенных к Лоренцо Медичи, не имел большего материала и, как пишет Стефан Цвейг, «чтобы противопоставить четыре плавания Веспуччи четырем плаваниям Колумба, анонимный издатель решил «рассмотреть» материал... Кроме того, издатель добавил в свою книгу разные подробности, взятые из писем и отчетов других мореплавателей, и благополучно получил.. сложную смесь из правды и неправды, которая на сотни лет стала головоломкой для ученых и дала Америке название...» [6, с. 438].

Защититься от подобных нарушений автор или другое лицо, которое является субъектом прав интеллектуальной собственности, могут при помощи определенных способов и средств защиты, гарантированных национальным законодательством Украины.

Возможности защиты интеллектуальной собственности можно разделить на **юрисдикционную** форму и **неюрисдикционную** формы защиты.

**Юрисдикционная** форма защиты прав предусматривает **общий** и **специальный** порядки защиты прав.

В соответствии с п. 2 ст. 16 Гражданского кодекса Украины «способами защиты гражданских прав и интересов могут быть:

- 1) признание права;
- 2) признание сделки недействительной;
- 3) прекращение действий, которые нарушают права;
- 4) возобновление состояния, которое существовало до нарушения;
- 5) принудительное выполнение обязанности в натуре;
- 6) изменение правоотношения;
- 7) прекращение правоотношения;
- 8) возмещение убытков и другие способы возмещения имущественного вреда;
- 9) возмещение морального (неимущественного) вреда;
- 10) признание незаконными решений, действий или бездействия

органа государственной власти, органа власти Автономной Республики Крым или органа местного самоуправления, их должностных и служебных лиц» [7].

Гражданское законодательство предоставляет каждому право обратиться в суд за защитой своего личного неимущественного или имущественного права и интереса.

Данные нормы можно отнести к **общему порядку** защиты прав лиц. Специальный порядок защиты регулируется специальным законодательством, в частности: Законом Украины «Об авторском праве и смежных правах», Законом Украины «Об охране прав на промышленные образцы», Законом Украины «Об охране прав на знаки для товаров и услуг» и другими специальными законами и подзаконными актами, которые предусматривают защиту в органах государственного управления, защиту в органах Антимонопольного комитета, защиту в органах государственной таможенной службы Украины.

Неюрисдикционная форма защиты (самозащита) предусматривает защиту права интеллектуальной собственности своими силами и при помощи процедур примирения, таких, как, например, медиация.

В случае недостижения эффекта от самозащиты лицо может воспользоваться юрисдикционными формами защиты, среди которых можно выделить также:

- 1) возможность защиты прав собственников прав интеллектуальной собственности при помощи норм и мер **административного характера** с участием органа государственной власти, с применением норм Кодекса Украины об административных правонарушениях, в частности ст. 51<sup>2</sup> КВоАП, которая предусматривает ответственность в виде наложения штрафа за незаконное использование объекта права интеллектуальной собственности (литературного или художественного произведения, их исполнения, фонограммы, передачи организации вещания, компьютерной программы, базы данных, научного открытия, изобретения, полезной модели, промышленного образца, знака для товаров и услуг, топографии интегральной микросхемы, рационализаторского предложения, сорта растений и др.), присвоение

авторства на такой объект или другое умышленное нарушение прав на объект права интеллектуальной собственности, которое охраняется законом» [8];

2) возможность защиты **гражданско-правовым способом**, которая происходит при помощи норм гражданского законодательства и дает возможность собственникам прав интеллектуальной собственности защищаться при помощи условий, прописанных в договоре (если таковой был), а также при помощи норм Гражданского кодекса Украины при подаче иска в суд;

3) при помощи уголовного законодательства Украины, которое содержит нормы, направленные на защиту прав собственников интеллектуальной собственности согласно ст. ст. 176, 177, 229 Уголовного кодекса Украины.

Все способы и средства объединяет один механизм и источник регулирования – законодательство, как инструмент, которым можно пользоваться при защите имущественных и неимущественных прав авторов и других собственников прав интеллектуальной собственности.

Средств защиты интеллектуальных прав намного больше, чем способов. К средствам можно отнести:

1) возможность использования *знака охраны авторского права*, который состоит из трех элементов: латинской буквы С в круге – ©, имени (наименования) собственника исключительных авторских прав, года первого опубликования произведения, хотя правовой защитой будут пользоваться как произведения с данным знаком, так и произведения без него;

2) средством защиты творческих прав также можно считать *иск в суд*, включая меры обеспечения иска. Субъекты авторских и смежных прав имеют возможность защищать свои интересы в судебном порядке не только тогда, когда их права уже были нарушены, но и в случае существования реальной угрозы их нарушения в будущем. Совершение каким-либо лицом действий, которые создают такую угрозу, законодательство признает нарушением прав, дающим основание для судебной защиты;

3) средством можно считать применение какой-либо *нормы законодательства*, регулирующей данный



вопрос и направленной на защиту прав субъектов творческой деятельности;

4) средством защиты может быть соответствующее условие договора, отмеченное в разделе договора «ответственность сторон»;

5) *решение суда* о запрете выпуска произведения, фонограмм, исполнения постановки, передачи в эфире и т.п.

«Такое средство защиты авторского права, как запрет выпуска произведения в свет (а если оно уже выпущено в свет, то прекращение его распространения), может быть применено в том случае, когда невозможно защитить права автора другим способом» [9, с. 422].

**Выводы.** В процессе развития той или иной отрасли права нарабатывается практика, которая дает возможность защищать права субъектов правоотношений. Нормы права, которые регулируют определенные общественные отношения, возникают значительно позже самих правоотношений. Учитывая, что авторское право как отрасль права долгое время не имело соответствующего и надлежащего развития, сформировалось множество коллизий и определенных сложностей при защите субъективного права на творчество.

Свободу творческой деятельности можно охарактеризовать как естественное право, которое принадлежит всем людям с момента рождения (субъективное право), и как элемент в системе гражданских прав.

Это понимание является важным при рассмотрении основных направлений и возможности автором получить защиту своего субъективного права на творчество. Защитой можно считать предоставленную человеку возможность применить правоохранительные меры для предупреждения самого нарушения или возобновления нарушенного права.

Право на защиту в каких бы то ни было правоотношениях возникает, когда есть наличие субъективных прав, которое нарушается другими лицами.

На защиту выступают гражданские правоотношения, и они предоставляют собственнику субъективных прав возможность предотвратить и прекратить правонарушение по отношению.

Защита прав необходима, когда у субъекта творческой деятельности есть основания считать, что его права

могут быть нарушены, когда существует реальная угроза нарушения таких прав.

Современное гражданское, административное и уголовное право дают субъекту творческой деятельности возможность в некоторых случаях защитить свои права, но ее недостаточно, чтобы предоставить большие возможности защищать творческую «индустрию» юридически качественно, так как эти инструменты не систематизированы и изложены достаточно поверхностно, требуют «модернизации».

Это связано еще и с тем фактом, что современное гражданское, административное, уголовное законодательство является пережитком советских времен, в которых действовал принцип «Автор создает произведение не для себя, а для общества...те средства, при помощи которых произведения публикуются и распространяются (топографии, театры, киностудии и др.), принадлежат по праву собственности Советскому государству и находятся в управлении социально образованных им государств» [10, с. 40].

Вопросы конкретизации способов и средств защиты субъективного права на творчество остается неисследованными и оставленными без внимания правоведов, так как в учебниках, а тем более и в самом законодательстве невозможно найти список конкретных способов и средств, которые можно применить при нарушении тех или иных прав автора, научного работника и других лиц творческой деятельности. «Действующее национальное законодательство не содержит консолидированного массива норм административно-правового характера, которыми регулировались бы отношения интеллектуальной собственности. Это дает основания считать, что сегодня методологически целесообразно вести разговор об интеллектуальной собственности как разделе (подотрасли) гражданского права, которое и предопределяет характер и сущность правоотношений интеллектуальной собственности» [11, с. 88].

#### Список использованной литературы:

1. Підпригора О.А., Підпригора О.О. Право інтелектуальної власності

України. Київ : «Юрінком інтер», 1998. 334 с.

2. Грибанов В.П., Корнеев С.М. Советское гражданское право» том 1. Москва : «Юридическая литература», 1979. 552 с.

3. Визначення поняття «спосіб»: режим доступу: URL : <https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%96%D0%B1>.

4. Визначення поняття «засіб». URL : <http://sum.in.ua/s/zasib>.

5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / изд. 2-е. Москва, 2001. С. 410.

6. Цвейг С. Американо / Собрание сочинений. Т. 3. Москва : Правда, 1963. 463 с.

7. Цивільний кодекс. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15/print>.

8. Кодекс України про адміністративні правопорушення. URL : <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>.

9. Советское гражданское право : учебник для вузов по спец. «Правоведение» / А.М. Белякова, В.К. Бессмертный, А.Г. Быков и др. ; отв. ред. Грибанов В.П., Корнеев С.М. Т. 2. Москва, 1980. 512 с.

10. Иоффе О.С. Основы авторского права. Москва : Издательство «Знание», 1969. С. 128.

11. Харитонова О.І. Суб'єкти та об'єкти правовідносин інтелектуальної власності. *Актуальні проблеми держави і права*. 2011. 584 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Сабура Светлана Александровна** – аспирант кафедры права интеллектуальной собственности и корпоративного права Национального университета «Одесская юридическая академия»;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Sabura Svetlana Aleksandrovna** – Postgraduate Student of the Department of Intellectual Property Law and Corporate Law of the National University “Odessa Law Academy”;

[svetlankaua83@gmail.com](mailto:svetlankaua83@gmail.com)



УДК 342.951-054.7(477)

## ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ НАЧАЛА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАТУСА МИГРАНТОВ В УКРАИНЕ

**Оксана СВЕРЛОВИЧ,**

аспирантка кафедры административного права  
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого,  
помощник судьи Киевского районного суда города Харькова

### АННОТАЦИЯ

Исследованы правовые и организационные основы обеспечения прав мигрантов в Украине. На основании сравнительно-правового анализа отечественного законодательства, норм международного права, законодательства Республики Молдова и отчетов международных экспертов определена необходимость урегулирования интеграции беженцев и иных мигрантов в Украине. Обоснована необходимость введения в Украине омбудсмена по вопросам миграции.

**Ключевые слова:** мигранты, убежище, интеграция мигрантов, омбудсмен по вопросам миграции.

### LEGAL AND ORGANIZATIONAL BEGINNINGS OF THE STATUS OF MIGRANTS IN UKRAINE

**Oksana SVERLOVICH,**

Postgraduate Student of Administrative Law Department  
of Yaroslav Mudryi National Law University,  
Assistant Judge of the Kiev District Court of Kharkov

### SUMMARY

The legal and organizational foundations of ensuring the rights of migrants in Ukraine are investigated. Based on the comparative legal analysis of domestic legislation, international law, the legislation of the Republic of Moldova and reports of international experts, the need for regulating the integration of refugees and other migrants in Ukraine is determined. The necessity of introducing an ombudsman in Ukraine on migration issues is justified.

**Key words:** migrants, asylum, integration of migrants, ombudsman for migration.

**Постановка проблемы.** Одним из условий вступления Украины в ЕС является адаптация ее законодательства во всех сферах общественной жизни к европейским стандартам. По сути, речь идет о максимальном сближении национального законодательства с современной европейской системой права. Выполнению этой задачи способствует учет требований базовых директив ЕС, гармонизация отечественного законодательства с которыми предусмотрена Соглашением об ассоциации Украина – ЕС путем приведения законов и иных нормативно-правовых актов в соответствие с *acquis communautaire*. Под воздействием европейской интеграции в Украине не остается в стороне и такая сфера нормативно-правового регулирования, как миграция физических лиц. Миграция населения (от лат. *migratio* – перемещение, переселение) определяется как территориальное перемещение, переселение лиц между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, в пределах границы одного государства или в другое, неза-

висимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности [1, с. 160]. В зависимости от характера этих границ различают внутреннюю и внешнюю миграцию, в зависимости от желания лиц – добровольную и принудительную, а в зависимости от длительности изменений их статуса – постоянную и временную [2, с. 63].

**Актуальность темы исследования** определяется тем, что хотя на протяжении последних лет в Украине принят ряд законов и иных нормативно-правовых актов, а также документов концептуального и стратегического значения, которыми предусмотрены меры по интеграции нашего государства в европейское правовое пространство, их анализ дает основания выделить отдельные направления дальнейшей адаптации отечественного миграционного законодательства к стандартам ЕС.

**Состояние исследования.** Современный этап развития миграционных процессов в обществе исследуют такие отечественные и зарубежные ученые, как А.Д. Агеев, Н.М. Грабар, Т.В. Жвания, Е.Г. Калинина, О.А. Малинов-

ская, В.Г. Мошняга, В.И. Олифер, О.Р. Поединок, Ю.Н. Тодыка, В.И. Чуенко, Н.Н. Ярмистый и некоторые другие.

**Целью** настоящего исследования является обоснование правовых и организационных начал обеспечения статуса мигрантов в Украине через призму дальнейшей адаптации отечественного законодательства к стандартам ЕС.

**Изложение основного материала.** В основе миграционных процессов лежит фундаментальное право каждого на свободу передвижения, которое в государствах – членах ЕС приобретает трансграничный характер благодаря развитию интеграционных процессов. Так, ст. 13 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозглашает: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну». По данным исследований, возросший в мире уровень перемещенных лиц является закономерным процессом и обусловлен войнами, эпидемиями, природными катаклизмами





и голодом, т.е. «выталкивающими факторами» [3, с. 11].

Территориальное перемещение людей, сопровождаемое изменением места жительства и территории, в зависимости от оснований миграции определяет их правовой статус. Например, внешние мигранты могут получить статус иммигранта, эмигранта, репатрианта, беженца, лица, требующего дополнительной защиты, а внутренние мигранты – статус внутренних перемещенных лиц. В Украине принят ряд таких Законов, которые регулируют отношения в области миграции: «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» [4], «Об иммиграции» [5], «О статусе беженцев и лиц, требующих дополнительной или временной защиты» [6] и др. В них определены правовые и организационные основы получения мигрантами соответствующих статусов и содержание последних. Вместе с тем исследование миграционных процессов в нашей стране международными экспертами свидетельствуют о необходимости дальнейшего их совершенствования, в том числе и путем принятия соответствующих мер по интеграции мигрантов.

Одним из путей адаптации миграционного законодательства является его имплементация, которая рассматривается как процесс экстраполяции актов законодательства ЕС с фиксацией процедур и гарантий их внедрения, с последующим анализом правоприменительной практики и определением необходимости их дальнейшего усовершенствования. Очевидно, что такой процесс, как составная часть интеграционных процессов по фактической реализации международных обязательств Украины на национальном уровне, должен быть планомерным и взвешенным.

Прежде всего, речь идет о сближении миграционного законодательства Украины с законодательством ЕС в рамках общей миграционной политики с точки зрения единообразного регулирования вопросов предоставления убежища (Глава 2 «Политика относительно пограничного контроля, предоставления убежища и иммиграции» раздела «Простор свободы, безопасности и правосудия» части третьей «Внутренняя политика и деятельность

Союза») Соглашения о функционировании Европейского Союза – далее СФЕС). Согласно ст. 78 СФЕС такая политика преследует цель «предоставить адекватный статус любому гражданину третьей страны, который нуждается в защите, и обеспечить принцип невысылки искателя убежища в страну, в которой его жизнь и здоровье находятся под угрозой, во всяком случае до тех пор, пока его ходатайство не будет рассмотрено в установленном порядке и отклонено как необоснованное». Таким образом, речь идет о принятии мер в соответствии с «общей европейской системой предоставления убежища», «общего европейского режима убежища». Именно по таким причинам Закон Украины «О статусе беженцев и лиц, требующих дополнительной или временной защиты» нуждается в новой редакции с максимальным смещением его положений в сторону правовых основ предоставления международной защиты (убежища) такой категории лиц. Закон также должен содержать не только общие составляющие правового статуса указанных лиц и порядок его приобретения, но и обязанности государства по содействию интеграции (активному участию) иностранцев (лиц без гражданства), получивших или ищущих убежище в Украине, во всех сферах общественной жизни в стране своей международной защиты, созданию условий для реализации ими своего потенциала как членов общества. Такая позиция согласуется и с выводами Европейской комиссии по вопросам иммиграции, которая характеризует интеграцию как двухсторонний процесс, основанный на общих правах и соответствующих обязанностях гражданина третьей страны и принимающей стороны. На последней лежит обязанность обеспечить полное участие иммигранта в общественной жизни. В частности, этот процесс, с одной стороны, означает ответственность принимающей стороны в обеспечении соблюдения формальных прав иммигранта таким образом, чтобы он мог принимать участие в экономической, социальной, культурной и общественной жизни, тогда как с другой стороны иммигрант обязан уважать фундаментальные нормы и ценности общества, в котором он живет, и принимать активное участие в процессе интеграции, не

утрачивая собственной идентичности [7, с. 5].

Внедрение процесса интеграции мигрантов требует обеспечения со стороны государства соответствующих гарантий организационного, экономического и правового характера, как это предусмотрено Директивой Совета ЕС № 83/2004/ЕС о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, которые по тем или иным причинам нуждаются в международной защите, и содержании предоставляемой защиты. В этой связи в Украине необходимо разработать функционирующий набор четко сбалансированных мер, направленных на интеграцию, что будет иметь положительные последствия и для ее общества в целом, и для ее экономики. Следующим шагом в этом направлении должно стать принятие соответствующего закона и создание системы административных структур, обеспечивающих интеграцию мигрантов. И в этом смысле примером для Украины может служить опыт Республики Молдова, где довольно успешно реализуется Закон № 274 от 27.12.2011 р. «Об интеграции иностранцев в Республике Молдова» [8]. Так, ст. 3 этого Закона определяет интеграцию как процесс активного участия иностранцев, получивших международную защиту или политическое убежище или право на пребывание в Республике Молдова, в экономической, социальной и культурной жизни молдавского общества, которым они уполномочиваются вносить свой вклад и реализовать весь свой потенциал в качестве членов этого общества, осуществлять свои права и обязанности без дискриминации и социальной изоляции в собственных интересах и в интересах государства. Среди мероприятий по интеграции иностранцев ст. 5 Закона называет такие: сессии социокультурной адаптации (ознакомление с национальными ценностями и традициями, системой политико-административной организации Республики Молдова); курсы по изучению государственного языка; информирование и консультирование по поводу доступа к рынку труда, медицинскому обслуживанию и мерам социальной защиты; услуги по профессиональной ориентации и подготовке



в целях содействия экономической интеграции – с учетом возможностей и потребностей рынка труда в Республике Молдова. Предусмотрены также особые случаи для иностранцев, имеющих низкий потенциал самообеспечения, обусловленный объективными и не зависящими от их воли обстоятельствами, на равный и справедливый доступ к помощи, также как и для граждан Республики Молдова. Таким образом, речь идет о создании партнерских условий для отношений мигрантов и государства в лице правительственных и иных структур, направленных на содействие мигрантам в реализации их правового статуса на основании обязательств по интеграции.

На усиление прав мигрантов и защиту, независимо от их миграционного статуса также направлена и Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах (2016 г.). Ее основным рефреном является создание условий для увеличения позитивного вклада мигрантов в экономическое и социальное развитие страны их пребывания [9].

По сведениям Государственной миграционной службы Украины в прошедшем году в нашей стране получили статус беженцев более 1,8 тыс. человек, свыше 1 тыс. человек находились во временных пунктах для таких лиц, также выявлено незаконных мигрантов 11,1 тыс. человек. [10]. В этой связи актуальным для нашей страны является введение института специализированного омбудсмена (Парламентского уполномоченного) по вопросам миграции [11]. В качестве правовой основы для распространения таких омбудсменов правоведа [12, с. 15] называют пункт 36 Венской декларации и программы действий по вопросам прав человека, согласно которому поощряется создание и укрепление национальных учреждений, признавая, что каждое государство имеет право избирать такие структуры, которые в наибольшей мере соответствуют его конкретным потребностям на национальном уровне [13].

**Выводы.** Несмотря на предпринимаемые меры по обеспечению сближения миграционного законодательства Украины с законодательством ЕС в рамках общей миграционной политики с точки зрения единообразного

регулирования вопросов предоставления убежища мигрантам, обеспечения и защиты их прав, эти процессы требуют ускорения. Актуальным является принятие нормативных и организационных мер по интеграции мигрантов во все сферы общественной жизни в Украине с использованием опыта других государств. Более действенным механизмом обеспечения статуса мигрантов и защиты их прав является создание института специализированного Омбудсмена по вопросам миграции.

#### Список использованной литературы:

1. Миграция : словарь основных терминов : учебн. пособие. Москва : Издательство РГСУ; Академический проспект, 2007. 472 с.

2. Міграційні явища та процеси : поняття, методи, факти : довідник / В.С.Кравців та ін. ; редкол.: В.С. Кравців, У.Я. Садова (наук. ред.). Львів : НАН України, Ін-т регіон. дослідж., 2009. 228 с.

3. Медушевский Н.А., Шишкина А.Р. Миграционные процессы современности : Ситуативное явление или глобальный исторический вызов ? Москва : ЛЕНАНД, 2018. 168 с.

4. *Відом. Верховн. Ради України.* 2012. № 19-20. Ст. 179.

5. *Відом. Верховн. Ради України.* 2001. № 41. Ст. 197.

6. *Відом. Верховн. Ради України.* 2012. № 16. Ст. 146.

7. Исследование по вопросам интеграции, преступлений на почве ненависти и дискриминации различных категорий мигрантов в Украине и Молдове. Краткое резюме. Киев : Международная организация по вопросам миграции (МОМ). Представительство в Украине. 2015. 44 с.

8. Закон Республики Молдова Nr/274 от 27.12.2011 об интеграции иностранцев в Республике Молдова. URL : <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&id=3424388&land=2>.

9. New York Declaration for Refugees and on Migration Lessons learnt from the externalization of migration and asylum policies implemented by the European Union. URL : [https://concordeurope.org/wp-content/uploads/2018/05/CONCORD\\_PolicIBrief\\_GlobalCompacts\\_20\\_March2018.pdf?86d384&86d384](https://concordeurope.org/wp-content/uploads/2018/05/CONCORD_PolicIBrief_GlobalCompacts_20_March2018.pdf?86d384&86d384).

10. Звіт Державної міграційної служби України за 2018 рік. URL : [dmsu.gov.ua/assets/files/statistic/year/2018\\_12.pdf](https://dmsu.gov.ua/assets/files/statistic/year/2018_12.pdf).

11. Агеев О.Д. Конституційно-правовий статус омбудсмена з питань міграції : зарубіжні моделі та перспективи запровадження в Україні : монографія. Одеса : Фенікс, 2018. 248 с.

12. Шабанова З.М. Специализированные уполномоченные по правам человека в России и зарубежных странах : дис. канд. юрид. наук. Москва, 2004. 189 с.

13. Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 г. URL : [http://www/un.org/ru/documents/decl\\_conv/declarations/viendes93.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendes93.shtml).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Сверлович Оксана Васильевна** – аспирантка кафедры административного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, помощник судьи Киевского районного суда города Харькова;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Sverlovich Oksana Vasilyevna** – Postgraduate Student of Administrative Law Department of Yaroslav Mudryi National Law University, Assistant Judge of the Kiev District Court of Kharkov;

[ksverlovich@gmail.com](mailto:ksverlovich@gmail.com)



UDC 343.1(477)«10-18»

## GENESIS OF THE INSTITUTE FOR TRIAL POSTPONEMENT IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF UKRAINE (FROM THE 9TH TILL THE END OF THE 19TH CENTURY)

Taras SENYK,

Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics  
of Ivan Franko National University of Lviv

### SUMMARY

The article studies the genesis of the national institute for trial postponement in criminal proceedings in the period from the 9th century till the end of the 19th century. It has been carried out the critical analysis of the legal norms of such documents as the Russian Truth of Yaroslav Mudryi, the Lithuanian Statutes of 1529, 1566, 1588, the Austrian Code of Carolina in 1532, the Austrian Criminal Procedure Code of 1873, the Statute of the Criminal proceedings of the Russian Empire in 1864. It has been stated that their norms were much more progressive than the legislative norms of the European states, that directly concerned the institution of postponement of the trial in criminal proceedings.

**Key words:** criminal proceedings, essence of the concept, postponement of trial in criminal proceedings, suspension of court proceedings, break in the court session, judicial review.

## ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ОТЛОЖЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ (XI – КОНЕЦ XIX В.)

Тарас СЕНЬК,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики  
Львовского национального университета имени Ивана Франко

### АННОТАЦИЯ

В статье исследован генезис отечественного института отложения судебного разбирательства в уголовном производстве в период XI – конца XIX в. Осуществлен критический анализ правовых норм таких памятников права, как Русская Правда Ярослава Мудрого, Литовские статуты 1529 г., 1566 г., 1588 г., австрийский кодекс «Каролина» 1532 г., австрийский Уголовно-процессуальный кодекс 1873 г., Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. Констатируется, что их нормы были значительно прогрессивнее, чем нормы законодательства европейских государств, непосредственно касающиеся института отложения судебного разбирательства в уголовном производстве.

**Ключевые слова:** уголовное производство, сущность понятия, отсрочка судебного разбирательства по уголовному делу, приостановление судебного разбирательства, перерыв в судебном заседании, судебный надзор.

**Formulation of the problem.** In the national jurisprudence, there are very few scientific studies devoted to the modern state of the institute for the trial postponement in criminal proceedings, as well as its appearance and development at various stages of the formation of Ukrainian statehood. Meanwhile it is known that the Ukrainian legal culture at various historical stages significantly advanced in its development the doctrine, legislation and law practice of many European countries. Therefore, it is important to study the experience of our domestic predecessors in this field, due to the in-depth study of the institution of postponement of the trial.

**Analysis of the recent research and publications.** The problem of the historical and legal study of the institute of trial postponement in the criminal proceedings of Ukraine is a gulf of domestic legal doctrine. Thus, in the textbooks on the academic discipline “History of State

and Law of Ukraine”, a general description of the criminal-procedural legislation of a certain historical period in Ukraine was mainly carried out. Or at the monographic level, there was an exploration of a certain institute of the criminal cycle in the exact historical perspective (Kovalchuk I. The organization of the judiciary in Galicia in the union of Austria and Austria-Hungary (1772–1918), Boyko I. Penalties in the Ukrainian lands under the criminal law of Austria and Austria-Hungary) This situation is unsatisfactory. Therefore, issues related to the emergence and development of the institute of trial postponement in the criminal proceedings on Ukrainian territories require a thorough scientific study.

**The aim of the article** is to study the genesis of the institution of postponement of judicial review in the criminal procedural law of Ukraine in the period from the 9th century till the end of the 19th century.

**Presentation of the main research material.** The article will focus on the analysis of legal regulation of judicial proceedings in criminal proceedings at the legal norms of such documents as the Russka Pravda (Russian Truth) of Yaroslav Mudryi, the Lithuanian Statutes of 1529, 1566, 1588, the Austrian Code of Carolina in 1532, the Austrian Criminal Procedure Code of 1873, the Statute of the Criminal proceedings of the Russian Empire in 1864.

**Russka Pravda** by Yaroslav Mudryi is the first act where we find the origins of the institute for the trial postponement in criminal proceedings.

It follows From the contents of this original work of the ancient Ukrainian legal science of the beginning of the 9th century that the criminal proceedings of the Kievan Rus was characterized by the prosecution-contest process: the victim’s statement as the basis for it (the process) to begin; active



participation of those interested in resolving the conflict and the existence of equal procedural rights; court as an intermediary in the criminal process (“gravity”); veracity and publicity of the trial, etc. The judicial system in Ukraine-Russia was based on democratic principles of equality and adversarialism. In this aspect, our ancestors left far behind states such as Byzantium, Poland, Germany and others [7].

At the same time, humanization (the abandonment of blood revenge, the use of torture, etc.) and the adversarial process of the criminal process did not deprive judges of the task of achieving justice in resolving the conflict: “to punish the guilty, not to blame the guilty”, and therefore “the judges must go into the essence of the case”. “Find out the perpetrator everything reliably, but firstly find out about the life of a slanderer”, – we find this quote in the short variant of the Russka Pravda.

The presented features of the criminal process of Kievan Rus helped the institution of the postponement of judicial review. Despite the fact that in the texts of the Russka Pravda (Short, Spatial, and Reduced) there is no direct mention of the postponement of a court session, their critical analysis gives grounds for discussing cases of expediency of such a detention in the criminal process of Kievan Rus in order to resolve the case in a fair manner.

As we see from the contents of the Short edition of the Russka Pravda, the questioning of witnesses was the main means of proving against many types of crimes:

- the accusation of murder (“slanderous faith”) required seven witnesses who would establish faith (guilt). And “when the Varangians, or somebody else, then 2 [witnesses]” (p. 10);

- the testimony of witnesses also established the fact of deliberate causing body harm (p. 19);

- when something stolen bought for bargaining, whether a horse, or clothes, or a livestock, then two innocent men or customs officials could prove innocence, “who must know who they bought, then follow them to witnesses under oath” (p. 28);

- on the vault (at the stake) the land was not sent to another, but the culprit was to give “witnesses or a man who testified to whom he had bought” (p. 30);

- witnesses were obliged to take an oath and in the case when someone wants to “pull from another kuna (money), but he refuses to give” (p. 38);

- to prove that someone was taking cooney (money) or honey for an allowance, or rye for a return with an oath, the plaintiff had to present the witnesses, “since he decided to solve it, so he and his brothers must do it” (p. 41);

- witnesses have argued the necessity of returning monthly interest for coins (money) [7].

Given the human essence of the Old Russian Orthodox (“someone can libel, and someone, on the contrary, in order to protect the perpetrator, say a lie”), provided for the obligation to prove the circumstances of the case by several witnesses. “Let each word be truthful before two or three witnesses”, is stated in the Russka Pravda. The number of witnesses depended on the type of crime and the social status of the accused, the victim, the witness.

It should be noted that the law on the one hand required “to ensure the completeness of witnesses”, while the other did not observe the clarity regarding their (witnesses) numbers: in some norms the number is indicated, and in others simply mentions the necessity of witnessing (without specifying quantity).

Since the burden of proof and the involvement of witnesses relied on the parties to the criminal proceedings, and in the above requirements in practice, it was not always possible to ensure the participation of all witnesses, therefore, there was a delay in judicial review. At the same time, the True Russian law did not contain norms on the postponement of a trial.

Another means of proving Russka Pravda was considered a vault<sup>1</sup> (confrontation). During this procedural action, the owner of the stolen item was obliged to indicate who he purchased it. The legislator provided for the duty of the plaintiff to be at the end of the vault (opt-outs to prove the crime). When the vault was to take place in the lands of the city (counties), the plaintiff was obliged to go to the third vault (par. 27). Accordingly, failure to appear on the vault also served as the basis for postponing the trial [7].

<sup>1</sup> The vault – the collation of conflicting parties, the steady rate for the proof of the crime, was that the owner of the stolen thing was obliged to indicate who he bought it, the second one to show the third. The third vault ended. The third was considered the culprit and had to pay damages.

In practice, postponement of the trial took place in order to carry out a study on material evidence of their location, despite the fact that this ground was also not mentioned in the texts of the Russka Pravda.

The next confirmation of the formation in Kyiv preconditions for the establishment of the institute of the trial postponement in criminal proceedings is the legislatively determined liability of the plaintiff for non-appearance to the court session: “If the plaintiff does not appear in court, then it is forcibly tried to test it with iron if he had to pay half-grams of gold. When he had to pay up to two hryvnias (silver), then he would be subjected to torture with water, when he was even less, then oath him to go to his coons” (p. 13 of the Short Russka Pravda) [7]. At that time, nothing was mentioned about the responsibility for not bringing others to court.

Subsequently, the text of Russka Pravda became one of the sources of Lithuanian statutes of 1529, 1566, 1588 (hereinafter referred to as the First, Second and Third Lithuanian statutes) where the provisions on the trial postponement have become significant.

In contrast to the Russka Pravda, the terms of the Lithuanian statutes used the term “postponement” of the trial: “<...> if the party could not immediately set up a witness, then the court may postpone the next day <...>”, – for example, we find in article 52 of section II of the Second Lithuanian Statute [1].

Each of the three Lithuanian statutes strictly regulated the issues related to the postponement of the trial (reasons, deferral, subjects of the application for deferral, penalties for non-compliance with the rules of deposition, etc.), since at that time the court was obliged to adhere to the principles the reasonableness of the terms of consideration of the case: “that the court of public sentences should not be postponed, desiring to have that, so that justice without delay would be applied to every perpetrated person” (article 38 of the Third Lithuanian Statute) [4]. And therefore the Statutes required the plaintiff to prepare for court hearings effectively.

The Lithuanian statutes singled out reasonable and unreasonable grounds for postponing the trial.

So, for example, the reasonable grounds include:





– “for reasons of death and disease, or the performance of our economic service, or illness” (article 12 of Section VIII of the First Lithuanian Statute) [6];

– if the defendant, “for the short time that was set up by the claim, could not really have any proper cause of the decent and well-known letters or witnesses, and I would have been imprisoned for such years and articles in the second years” (article 4 section IV of the other Lithuanian Statute) [1];

– participation of the defendant in another court session (also in the status of the defendant) (Section IV of the Second Lithuanian Statute) [1];

– if during the court hearing the party (the plaintiff or defendant) heard the new information concerning the case and they need time in order to “understand and advise” about it (information). For this reason, the parties have the right to ask the court twice in the same case for the trial postponement: “and when it is repeated that the same party extends the term for the advice to ask, and that judge does not have to re-defend, so the defendant can ask twice on one day and that is not forbidden by the court” (article 30 of Chapter IV of the Second Lithuanian Statute) [1];

– absence of witnesses or other persons: “if the party could not immediately find a witness, then the court may be postponed to the next day” (article 52 of Chapter IV of the Second Lithuanian Statute) [1].

Unreasonable grounds for the trial postponement were:

a) failure to secure a witness by the plaintiff or other persons (Section VI of the First Lithuanian Statute) [6];

b) failure to prepare the plaintiff for a court hearing of evidence and other facts (Section VI of the First Lithuanian Statute) [6].

Along with the grounds for the trial postponement Lithuanian Statutes provided for the terms of such a deferral. Thus, in the case when the defendant participated in a different court session, and not in the one where he did not appear, he is obliged to inform the court “of the truthfulness of the importance” of the case in which he preferred his presence.

For example, the court provided the defendant with the right not to appear in the case with the subsequent

submission of new evidence (witnesses, letters) in the event that they had already passed the time limit, provided that the postponement of the trial (for the purpose of preparation and filing in the next court session evidence) is necessary to ensure that the proceedings are conducted and the evidence is fully examined in court.

The second and third Lithuanian statutes provided for the fine as a sanction for non-disclosure without a valid reason of the party to the court trial. This was another important point in the development of the national institute for the trial postponement. The defendant was obliged to pay a fine in the event that he could not prove that the trial in another case (which he had preferred to appear before) was more important than the one that was postponed.

The court, in resolving the question of postponing the trial due to the failure of the person to appear before the court, also proceeded from its legal status. The absence of good reasons for a lawyer in a court session obliged the court to postpone the trial. Instead, the appearance of the prosecutor’s court was not a consequence of replacing the prosecutor, but rather postponing the trial.

Having read the contents of the texts of the three Lithuanian statutes, we see that for the respondent and the plaintiff, the grounds and conditions for the trial postponing were different. In our opinion the legislator envisaged more than a good number of good reasons for the trial postponing for the defendant, while for the plaintiff it was supposed less of them.

The party is obliged to pay a fine in case of unjustified omission of the trial: “being called but not appeared, and there was no reason enough, expressed in this statute; the party did not explain or did not report about it, it has to pay for the failure to produce four piles of money and a pile of money for each claim, that is, forty coins for the judge and twenty coins for his assistant” (article 22 of Section IV of the Third Lithuanian Statute) [4].

The Lithuanian statutes provided for oath as confirmation by the party who requested the postponement of the trial, the fact that he did not abusive the deadlines, did not delay the case, but for objective reasons: “<...> if, in those years and in the short time, he was appointed for, could not really have any, for a valid

and simple reason, letters and witnesses, and would have tolerated (postponed) in such cases and articles until the next years, then the court should allow him to <...>” (article 24 of the Section III of the Third Lithuanian Statutes); “<...> the defendant if <...> could not really have any proper reason to have a decent and well-known reasons, letters or witnesses, and would have been imprisoned for such years and articles in the second years; then the court should allow him to do so, however, in those other years he will have to be ready with everything and before the court clearly show that he received and asked for that year not for the delay of the plaintiff but (that is), that without it (the court)” (article 14 of Section IV of the Second Lithuanian Statute) [1]. If the party refused to swear an oath, it was obliged to pay a fine, determined by the court.

**“Carolina” (Constitutio Criminalis Karolina) 1532** (according to its norms, criminal proceedings were carried out during the period of the Galician lands within the Austrian Empire), did not contain a direct mention of the trial postponing in a criminal case, let alone the existence of a special norm or section that would have been (postponed) devoted to it. Nevertheless, it contained an important imperative norm: “We resolve and punish that all criminal cases contribute to the speedy implementation of justice and avoid harmful procrastination” (LXXVII “On the rapid implementation of justice”) [2, p. 44]. Although, with a thorough examination of other provisions of this legal document we can say about the absence of the law cases that would be considered “harmful procrastination” in a criminal case, or, conversely, – harmless (venerable).

As you can see, even in the 16th century in “Carolina” one of the general provisions of trial i. e. continuity is stated.

According to “Carolina”, the victim was obliged to provide the court with information about the place of his stay and about not leaving this place. This was done so that the court could send a court summons to the victim: “After placing the accused in the prison, the plaintiff should not move away from the judge until he tells him his place in a safe city or settlement, where the judge could send him the necessary litigation in the future” [2, p. 12].



The legislator demanded that the court announced the start of a trial. “The court must be declared in accordance with the good practices accepted in each country” (LXXX “Announcement of the court”) [2, p. 45] and the court “on the day of judgment, at a certain time, let us tell you how to call a criminal court. Following good practices, the judge and court judges must gather in the court where the court should sit. The judge must invite court assessors to sit down and he must also sit holding his rod or naked sword in the hands according to the local custom of the country and must sit together with them until the end of the case” (XXXII “Announcement of the bell on the final court hearing” – we find it in the Criminal Procedure Act of 1532) [2, p. 46].

The court also had the duty to inform the accused of the day of the court session and to provide his case to the court: “Anyone who wishes to punish the plaintiff at the request of a final criminal sentence must be warned about it in three days so that he can think about their sins in advance, repent and confess them” (article LXXIX) [2, p. 44].

Having been acquainted with the meaning of “Carolina”, one can distinguish the following cases of compulsory participation of the victim in court:

1) during the declaration of witness testimony. “First of all, the indicated commissars <...> must set a day for the declaration of witnesses to the parties. On this appointed day, the two parties involved in the case, for a moderate fee, issue copies and appoint a certain time, depending on the nature of the case, for the necessary review and acquaintance” [2, p. 42];

2) during the declaration of the person charged with the commission of a crime. If the accused is found not guilty because the plaintiff did not wish to prosecute, and the accused however requires justice, then no ad will be required (LXXXVII “On the announcement of the accused”) [2, p. 47];

3) during the announcement of the sentence [2, p. 52].

Each court clerk of the criminal courts was obliged to record all judicial actions performed on official duty, or private prosecution, as stated above, with thorough diligence, legible, consistent, and competently. And in any case, during

each legal action must be indicated year, day and hour, when it happened, and who was present at this (LXXXIX “On the protocol”) [2, p. 100].

As we see, “Carolina” contained norms that included the participation of participants in criminal proceedings in court sessions, but did not foresee the consequences (in the case of “harmful” or “harmless” delays) of their failure to appear in court, including the grounds for trial postponement in criminal proceedings.

In the context of the problem we have been investigating, it is worthwhile to focus on the Austrian Criminal Procedure Code of 1873, which worked on the territory of Galicia.

The suspect and the accused were guaranteed the right to protection. In adopting the principle of the right to protection, the Austrian legislator proceeded from the fact that the police, prosecutors and the court were to be as objective as possible in the performance of their professional duties, establishing an objective truth in each criminal case, to investigate and clarify not only the circumstances, who accuse, but also those who justify or mitigate the guilty person [3, p. 167].

The right to protection was to ensure that there were no abuses by law enforcement officials so that no innocent person was accused of a wrong action.

The participation of a lawyer in the criminal proceedings was divided into compulsory and optional. Obligatory participation of the defender took place in the following cases: when considering a criminal case by a jury; when considering a criminal case in the absence of the accused, in the so-called correspondence process; when considering the case by the Military Court; when the accused had not reached the age of 17; when there were sufficient grounds for doubting the accountability of the accused [3, p. 168].

In all other cases, the defense counsel’s participation in the case was not mandatory, but entirely depended on the wishes of the accused. The reason for the participation of a defense counsel in the case was the client’s agreement with the counsel or the decision of the investigating judge, prosecutor or court to involve the counsel in the cause of appointment [3, p. 168].

A significant amount of legislative provisions on the trial postponement of contained the Statute of Criminal Proceedings 1864 (hereinafter referred to as the Statute of 1864). First of all, the Charter of 1864 clearly distinguished between two concepts – “postponement” and “suspension” of the trial: depending on the form of criminal proceedings. Due to the fact that in district courts, unlike the peace courts, the court session was held continuously (article 633). The delay in the trial was considered by the court as a compulsory measure along with ways of avoiding criminal prosecution [5, p. 23].

The failure of the accused and his attorney (representative) is one of the grounds for postponing the trial, which was envisaged by the Statute of 1864. The court could postpone the trial for the purpose of seeking a person, or to order an extrajudicial sentence.

The absence of witnesses or “knowledgeable people” (specialists) is the following reason, which delayed the trial. However, in the absence of “knowledgeable people” (specialists), they were also subjected to a pecuniary punishment: “depending on the importance of the case and the state of the witness” (articles 69, 114). The decision on the pecuniary penalty could be revoked if the “knowledgeable person” (specialist) later provided evidence of valid reasons for non-appearance before the court (article 70) [5, p. 24].

The failure to appear in the prosecutor’s court (article 135) was due either to a “refusal of a complaint” or a postponement. In the latter case, the prosecutor was subjected to a pecuniary charge [5, p. 30].

The impossibility of providing the parties with all the evidence in the case also served as the basis for postponing the trial. The statute obliged the world judge to postpone the consideration and provided such a right “at his own discretion, if he finds it necessary or to make a review, or instruct the parties to deliver or the police to gather any necessary information in the case” (article 74).

The delay in the trial was also foreseen “due to the absence of one of the parties”. The opposite side, in this case, could “request that the expenses incurred by her once again appear before the court, were turned to the defective party, if



the latter does not prove the reputation of the reasons for non-appearance” (articles 75, 196). The application of this norm depended only on the person whose fault was the reason for the court session, regardless of the recognition of whether or not the accused was guilty of committing the incriminated act [5, p. 30].

In cases of illness, a witness that prevented the appearance of a court, as well as in the case of the need to interrogate a large number of witnesses who lived in one place, was subjected to questioning during the on-site court sessions at their place of residence.

Article 388 of the Statute of 1864 contained a list of the importance of the reasons for not appearing in the investigation or in court: imprisonment; cessation of informing during an infection spreading, enemy invasion, unusual river sinking and other similar ineluctable obstacles; sudden damage from an accident; a disease that deprives you of being away from home; death of parents, husband, wife or children, or severe illness that threatens death; unsecure or untimely receipt of a summons.

In the courts of appellate jurisdiction (peaceful congress), the trial was conducted “in the same manner as in the world court <...>, but for the failure to submit evidence and witnesses to the time of the hearing of the case, its consideration is postponed, if from the side asked for the call of witnesses that are not appeared and the congress (Court of Appeal) did not see the obstacles” [5, p. 31].

When considering the cases in the “general court places” adhered to the imposition of immediacy, so “opening of the court” was allowed only after the study of the issue of witnesses and the possibility of starting a trial without their participation (article 583).

“An obstacle to the opening of a court session” could also serve as a defender’s disease, but only if “it is not possible to prepare a newly appointed defender for the short time remaining before the term of the meeting” (article 591) [5, p. 32].

The defendant, who had not appeared before the court without reasonable grounds, was accused. The failure of the private prosecutor or his representative was recognized as “abandonment of a criminal lawsuit” and “had consequences of termination”

of criminal proceedings. The absence of a civil plaintiff did not prevent the opening of a court session, “but civil action was not considered in a criminal court” (article 594) [5, p. 32].

“In case of a trial postponement due to the failure of any of the witnesses whose testimony is significant in the matter of significance, the court shall make an order or a repetition of the call for a witness who did not appear or about the reason for his established order” (article 641) [5, p. 31].

In addition to the serious reasons for not coming to court, established by art. 388 of the Statute, art. 642 dismissed the following categories of persons from the appearance in court:

a) “military officers who are in active service when their military authorities consider it impossible to allow them to be absent from the place of service,

b) in general, witnesses who live in another judicial district, and in addition to such a distance that it is not possible for them to appear in court without a special difficulty” [5, p. 31].

A witness who did not appear in court without a valid reason was subjected to a pecuniary charge four times larger than that of a magistrate, as well as the payment of legal expenses incurred as a result of persons brought to trial and if his absence (witness) was a consequence of the postponement of the meeting [5, p. 31].

**Conclusions.** The norms of the national criminal-procedural legislation of the period from the 9th century till the end of the nineteenth century were much ahead of the legislation of the European states in matters directly related to the institute of the trial postponing in criminal proceedings, since they were already infused with the ideas of the competitive process, the principles of reasonableness of terms and immediacy, the provisions of the continuity of the criminal case. The criminal procedural law contained provisions that disclosed the reasons, procedure and subjects of appeal for the trial postponement.

Meanwhile, in the legal documents there is a real blend of the concepts of “postponement” and “stopping” of a trial (for example, in the Lithuanian Statutes, in the Statute of the Criminal Procedure 1864). For example, when the trial was postponed, the proceedings in the case

always started from the very beginning. As a result, the postponement of the trial in the Statute of the criminal proceedings in 1864 was due to the suspension of the court session, with the restoration of which the meeting began with the action on which it stopped. This, in turn, gives grounds for asserting that it is impossible to assess the meaning of a criminal-procedural concept, based only on its word-formation and everyday understanding.

#### References:

1. Другий (Волинський) статут Великого князівства Литовського 1566 року. URL: <http://litopys.org.ua/statut2/st1566.htm>.
2. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. 118 с.
3. Кондратюк О.В. Судова система та судочинство в Галичині у складі Австро-Угорщини (1867–1918 рр.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Львівський держ. ун-т внутр. справ. Львів, 2006. 203 с.
4. Литовський статут 1588 року. URL: <https://studentu.info/gosudarstvo-i-pravo/istoriya-gosudarstva-i-prava-ukrainy/litovskiy-statut-1588-roku>.
5. Сеньков А.А. Отложение и приостановление судебного разбирательства как общие условия : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2011. 234 с.
6. Статут Великого князівства Литовського 1529 года. URL: <https://nicolaev.livejournal.com/1269730.html>.
7. Правда Руська / пер. В.В.Яременка. URL: <http://litopys.org.ua/oldukr2/oldukr51.htm>.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Senyk Taras Bogdanovich** – Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Ivan Franko National University of Lviv;

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Сеньк Тарас Богданович** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета имени Ивана Франко;

*tarassenyk1993@gmail.com*



UDC 808.51: 34] "652"

## JUDICIAL SPEECH AND ANTIQUITY SPEAKERS

**Dmitry SKOVRONSKIYY,**

PhD in Law,

Associate Professor of the Department of Theory, History and Philosophy of Law  
of the Institute of Law, Psychology and Innovative Education  
of the National University "Lviv Polytechnic"

### SUMMARY

Judicial discourse is a peculiar means of influencing the court, on the basis of which it ultimately makes the relevant conclusions and renders an objective, fair judgment. The content of a court speech depends on the structural construction of the speech. Scientists point out that there exists two kinds of a goal – a specific one, which is to convince the listeners, and a common one that helps to establish the truth. The concept of the judicial discourse has been examined through the lens of studying different historical epochs in combination with culture. On this basis certain features of the court's speech are defined, starting with the interpretation of its concept.

**Key words:** court speech, speaker, oratorical art, oratorical skills, rhetoric.

### СУДЕБНАЯ РЕЧЬ И ОРАТОРЫ АНТИЧНОСТИ

**Дмитрий СКОВРОНСКИЙ,**

кандидат юридических наук,

доцент кафедры теории, истории и философии права  
Института права, психологии и инновационного образования  
Национального университета «Львовская политехника»

### АННОТАЦИЯ

Судебная речь – это своеобразное средство влияния на суд, на основе которого он делает соответствующие выводы и выносит объективный, справедливый приговор. Содержание судебной речи зависит от структурного построения речи. Ученые отмечают, что цель существует двух видов: конкретная (заключается в убеждении слушателей) и общая (которая помогает установить истину). Концепция судебной речи рассматривалась сквозь призму изучения различных исторических эпох в сочетании с культурой. На основе этого определены некоторые особенности судебной речи, начиная от толкования ее понятия.

**Ключевые слова:** судебная речь, оратор, ораторское искусство, ораторское мастерство, риторика.

**Introduction.** Each judicial speech has its own characteristics that distinguish it from other concepts in rhetoric. From a rhetorical point of view, it is believed that judicial discourse has a limited scope, only professionally rendered by the prosecutor and defense counsel. Judicial speech exists only verbally, so the word gained the first place. The court speech is seen as a speech to the audience and is intended to establish contact with them. By its very nature, the speech of the court speaker is a kind of monologue that is tuned to the public, but sometimes it is allowed to make replies, so the court speech during such applications becomes a dialogue.

**The relevance of the research** topic is proved by the fact that the list of participants in the judicial debate is limited and exhaustive. Judicial speech is not limited in time, but the presiding judge may suspend the speaker's speech if the speaker does not speak on the subject of the case, or allows the expression of obscene, offensive nature to other participants in the case. The subject of the court speech is rather limited, but

specific, because the speaker must speak only on the merits of the case. The content depends on the subject of the speech. The conclusions can vary, as they depend on the procedural function of the court speaker and differently affect those present in the courtroom.

**State of the study.** The most common interpretation of the concept of the judicial speech is the suggestions of the scientist V.V. Moldovan, who states that the court speech is a speech addressed to the court and other participants in the judiciary and those present during the criminal, civil and administrative proceedings [1], which contain conclusions on a case, although there is a somewhat simplified version of the court speech interpretation. For example, P.C. Katsavets considers the court speech a purposeful statement that should affect the addressee [2].

A.V. Kaustov states that a court speech is made in criminal cases to explain the circumstances of the case and it is used as a public statement by an authorized party to the trial, addressed to the court and all the participants in the criminal case, pro-

nounced in a court hearing, who is an interpreter of the significance and essential circumstances of the case and its denial to other entities in order to ascertain the truth and to deliver a fair verdict [3]. A speech should be formed according to the laws of logic and grammar. I.V. Mudrak considers the judicial speech to be a part of the judicial debates and notes that it constitutes a procedural activity [4].

There exists many types of speeches that are distinguished depending on the procedural meaning, the construction of the form and the content. According to one of the classifications, the following types of speech may be outlined: prosecutorial, public-prosecutorial, barrister, public-defense and the self-defense speech of the accused. Some scholars recognize the cue as one of a variety of speeches, however, this opinion has not become widespread in connection with a series of studies suggesting that that a cue is delivered to deny a thought, and one needn't to prepare for its pronouncement as an indictment or a defence speech. V.V. Moldovan has developed another typology of court





speeches, so he distinguishes the prosecutor's accusatory speeches in various instances, the defense speeches in different instances, the self-defense speech, the victim's and his representative's speeches, the civil plaintiff's and defendant's speeches, the speeches of the state, the victim's speech in administrative cases and some others [1]. A monologue of a prosecutor or a defense lawyer in a judicial debate is considered to be a separate variant. It would be interesting to know that depending on the speeches' design, the latter are delivered with the help of an abstract, prepared in advance and are not learnt by heart, the speeches prepared in advance and are memorized, as well as the speeches in the form of impromptu.

The scientific sources have stated a few opinions on the structure of the judicial speech. There is an opinion on the 6th-component, 4th-component structure of the court speech, but the common and generally accepted structure of the court speech is the 3d-component, which includes the introduction, the main part and conclusions. Each of these components has its own rules and requirements.

The preparation of a court speech can be done in several ways and in different forms. Prominent speakers called for a stage-by-stage preparation. Depending on the form of expression, a court speech can be written completely, to be made in the form of an imaginary plan and delivered as an impromptu, formed as a written plan, notes or abstracts. In order for a court speech to effectively influence the court and the participants in the courtroom, it must be convincing, clear, logical, relevant, correct, concise, expressive and indicative of a distinctive personality of the speaker who possesses the art of speech.

The purpose and the objective of the article is to investigate the realities of the present, according to which people are able to think independently, to find an original solution to urgent problems in a certain branch of life, to formulate it accurately and clearly for all, to arouse the interest of the relevant persons and make them their like-minded people.

A modern court speaker needs to master the art of an effective linguistic influence, acquire practical rhetorical skills that will allow him to better speak his language and succeed in professional activity, as well as learn the rules of conflict-free communication.

**Presenting main material.** Historically, the notion of the structure of public speaking is understood by its main parts, which rationally complement, develop and synthesize each other. Usually, parts flow smoothly into one another and have no clearly defined borders. Separation of language into parts is necessary for preparatory (home) work on the text of a future speech. Such a breakdown of the material allows you to more rationally build phrases and calculate the power of influence of speech over time, as well as to be able to strategically plan for the placement of semantic accents.

Typically, the structure of the language consists of: introductions, proofs and conclusions. Each of these parts has its own functions. In the introduction – to attract the audience to the speaker, to give the audience to feel the seriousness, importance and sensationality of further presentation. In the process of proving should justify the ideas briefly stated in the introduction, fit them with facts, statistics, logical construction. Well crafted and emotionally saturated phrases. In conclusion – to convey to the minds of the audience the ideas expressed by the speaker, summarize the speech, to leave in the minds of the listeners the necessary impression. Therefore, it takes an individual approach to the composition of the performance.

Public language is first and foremost oral language, it covers a wide variety of purpose and content language genres. Speech at meetings, debates, rallies, report, scientific report, university lecture, accusatory and protective language in court, lecture on legal or other topic – these are all kinds of public speeches that have the character of reflections and comparisons; they consider, analyze and evaluate different points of view, formulate the position of the speaker. Each public speech is intended to give the audience some information, to explain, to help to understand it and to influence the listeners in the formation of their outlook.

The birthplace of judicial eloquence was Ancient Greece. In the period of heyday of Ancient Greece, and its statehood creation, with the increased influence of the democratic groups and the activity of the masses revived in the life of the developed Greek policies, the ability to speak convincingly, and the art of public speaking became vital. Political figures had to publicly defend their

views and interests at the National Assembly or in court and the political fate of many Athens citizens depended largely on their ability to speak in public.

The emergence of eloquence theory was driven by practical needs. In the 4th century B.C. Aristotle wrote the work "Rhetoric", in which he summarized the theoretical foundations of public speaking. Famous speakers of those time were greatly respected. The ability for speaking was in great demand, the training was expensive. The teaching of rhetoric was a higher degree of ancient education.

The practice of oratory was put into practice in Sicily where its main types were originated: political and judicial, which then spread in Athens in the 5th century. B.C. – during the period of public prosperity and the growth of culture [5].

The court speeches were especially common genre of oratorical art. It was not easy to sue in Athens: there was no institute of prosecutors; every Athenian could act as a prosecutor. There were no defenders in court. The well-known laws of Solon provided that every Athenian could personally defend his interests in court. Not all Athenians had the gift of the word, not all were able to speak correctly, to dispute, to defend their own position, to refute the opinion of the opponent. Therefore, those who were sued in the court proceeding, had to seek the help of logographers – people who possessed oratory talent and created texts for defense speeches. The defendant learned the speech by heart and delivered it on his behalf in court. The purpose of such a speech was to arouse the feeling of pity and sympathy from the judges against the accused, but not to prove his innocence.

The form of a speech and the art of speech played no less important role than the content. Therefore, all court speeches had to start with an introduction outlining the essence of the case in order to start influencing the judges in advance. The introduction was followed by a story about the events related to the case. The main purpose of the story was to make the judges believe the truth of the speaker. This part used the artistic elements of language. Next came the proof. The speech ended with an epilogue, which should have caused sympathy for the accused. Accordingly, the conclusion sounded pathetic and sublime.

The court in Athens was a public tribunal, often confronted by people



with different political convictions, so the speaker needed to have persuasion skills. He called this skill “the art of the giants of wisdom” [6].

In this context, it is worth mentioning the first theorists of judicial eloquence – Gorgias, Lysias, Isocrates, Trasimach and so on. Gorgias represented the sophisticated direction in oratory (greek: Sophistes – master, sage). He taught young men from wealthy families practical speaking, the ability to think logically and speak publicly. Gorgias believed the word to be a powerful ruler, because it can both overtake fear, and destroy sorrows, bring joy and instill sympathy. But to use the word to gain power over people, you need to constantly work on it. Gorgias skilfull speeches playing the role of political pamphlets that called for the fight against the tyrants, attracted attention and made his name famous. Gorgias language was full of metaphors, comparisons, antithesis, terms with the same endings. Language separation into equal parts, symmetrically constructed phrases with rhyme at the end are known as gorgias figures.

One of the popular logographers in ancient times was Lysius, a prominent court speaker who wrote over 200 speeches. However, Lysias did not produce his own technique of proof and made little use of logical arguments. He focused mainly on a compelling account of the circumstances of the case, a figurative story.

Demosthenes was also famous Greek speaker, who surpassed all those who competed with him in the courts with the precision of expression, its validity and the splendor of style [5]. Demosthenes himself said that speaking gifts are just skills. All speeches reflect his insistent nature. As a child, when he heard Kalistrat’s court speech, he was struck by the power of a word that could fascinate and subjugate listeners. From then on he began practicing the speeches carefully, hoping to become a real speaker afterwards. He had a number of physical disabilities: a weak voice, bad diction, intermittent breathing, nervous shoulder soreness, but daily strenuous activities and exercises helped to correct and overcome them.

Demosthenes devoted his activity to the Hellenic interests’ protection and never changed his beliefs. He paid special attention to intonational expressive means. As a result of hard work Demosthenes mastered all best features of the speakers of the time.

In ancient Rome, the flowering of judicial eloquence coincides with the last period of the Republic and ends with it. This development was largely facilitated by brilliant examples of Greek oratorical art. The opposition of slaves and slaveholders, patricians and plebeians also made a striking impression on Roman oratorical art. The Forum was the place where every free citizen of Rome was able to speak and the processes of allegations of extortion, violence, passion and betrayal were constantly heard.

We should mention a prominent Roman speaker and author of jurisprudence Mark Portius Cato the Elder. He was a well-known historian and agronomist, commander and statesman and the ancestor of Latin eloquence. The main thing in his speeches is the deep inner content. Being the accuser in court Cato always came out of the merits of the case, clearly and logically expressed his thoughts, gave an objective assessment of the phenomena. Each of his opponents was defeated. Cato spoke with a special exaltation, purposefully gesturing what was considered to be the speaker’s chief virtue. The key qualities of his speeches are precision, brevity and stylistic sophistication. The best means of eloquence were used to penetrate deeper into the issue.

Cicero praised Cato as a speaker: “Everything can be said, both gracefully and with great sophistication, but nothing can be said “with greater force and liveliness” [7].

Galba was also one of the famous court speaker who possessed legal thinking and was able to gather and logically produce evidence in speech. Galba’s oratorical skills fully met Cicero’s demands to the speaker: to be able to convince by means of accurate evidence, to excite the listeners’ souls with a meaningful and effective speech, to incline the judges. Quite often Galba made speeches so vividly that they ended in applause.

One should mention a well-known and popular at that time speaker Hortenzius. Hydrangea’s voice was favorably distinguished by pleasantness and smoothness, the manners – by dignity, gestures – by spiritualization. His every appearance in court aroused the admiration of the listeners.

The intelligibility of his speech was achieved by the fact that the speaker professionally highlighted the main points, analyzed and challenged the arguments of the other party and at the end presented

new, unquestioned arguments. Hortensei introduced two techniques that no one else had: a division where he listed what he would talk about, and a conclusion in which he mentioned all the evidence of the opponent and gave his own arguments.

At the same time, it is worth noting that all the best that the ancient Roman oratorical art achieved was accumulated in the oratory of Mark Tullius Cicero (106-44 BC). He wrote: “There are two arts that can elevate a person to the highest degree of honor: one is the art of a skilled commander, the other is the art of a skilled speaker”. Gifted by nature, he received an excellent education: he studied Roman law with the famous lawyer Scevola, studied dialectics – the art of dispute and argumentation, got acquainted with Greek philosophy, studied the oratorical art of Greek masters of the word Crassus and Antony. The main force of Cicero’s speeches is in their content, able to gather strong evidence, in the logical arrangement of the material. He gradually and purposefully broke all the attacks of the opponents, tried not so much to win, but to convince.

**Conclusions.** Public speaking was a particularly common genre of literature among antiquity people who were great lovers to read. The place that rhetoric occupied in the art of the ancient Hellas artistic word can be compared to genres such as heroic epic or classical Greek drama. It is quite clear that such comparison is only valid for the era when these genres lived and coexisted. But by the degree of influence on the development of later European literature, rhetoric played an even greater role in the Middle Ages, now giving way to other genres that defined the character of national literatures of Europe for centuries to come, if not for millennia. There is a logic here. Of all kinds of artistic words in the ancient world, public speech was most closely connected with political life, social order, life, way of thinking, and finally, with the peculiarities of the character of the people who created this genre. Indeed, love (if not to say passion) for a beautiful, passionate word, lush speech full of epithets, metaphors, comparisons is evident in the earliest works of Greek literature – in the Iliad and the Odyssey. We believe that the study of the above-stated problem should further cover the analysis of literary works of that period.



## References:

1. Молдован В.В. Судова риторика : навчальний посібник. Київ : Кондор, 2008. 328 с.
2. Кацавель Р.С. Ораторське мистецтво як складник професійних якостей юриста. *Вісник Академії адвокатури України*. 2009. № 1(14). С. 137–141.
3. Каустов А.В. Роль риторичних стратегій в організації полемічного дискурсу: зіставний аспект (на матеріалі англійської та української мов). *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія 6 «Філологія»*. 2016. № 21. Т. 2. С. 142–144.
4. Мудрак І.В. Щодо неможливості реалізації права потерпілого на процесуальну комунікацію в силі ч. 9 ст. 224 КПК. *Правові та інституційні механізми забезпечення розвитку України в умовах європейської інтеграції* : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, м. Одеса, 18 травня 2018 р. : у 2 т. / відп. ред. Г.О. Ульянова. Одеса : Видавничий дім «Гельветика». 2018. Т. 2. С. 320–324.
5. Онуфрієнко Г.С. Риторика : навчальний посібник. Київ : Центр учбової літератури, 2008. 592 с.
6. Гузенко І.І. Навчальний посібник з курсів «Основи риторики» і «Професійна риторика». Львів : ЛДУФК, 2006. 76 с.
7. Цицерон М.Т. Избранные сочинения. Москва : Госиздат, 1975. 325 с.
8. Сергеич П. Искусство речи на суде. Киев : Техника, 2005. 368 с.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Skovronskyy Dmitry Nikolayevich** – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory, History and Philosophy of Law of the Institute of Law, Psychology and Innovative Education of the National University “Lviv Polytechnic”;

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Сковронский Дмитрий Николаевич** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории и философии права Института права, психологии и инновационного образования Национального университета «Львовская политехника»;

*sdfortissimo@gmail.com*

UDC 343.3.7:8

## CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF DISCIPLINE BY PRISONERS AND PROVISION OF THE CONVENTION AGAINST TORTURE AND OTHER CRUEL, INHUMAN OR DEGRADING TREATMENT OR PUNISHMENT

Liliya TIMOFEYEVA,

Ph.D. in Law, Assistant Professor of Criminal Law Department of the National University “Odesa Law Academy”

## SUMMARY

Humanism and humanistic ideas are covered in many criminal law works. In this study, the existence of an article describing criminal liability for discipline in prisons is considered a form of inhumane treatment. However, criminal law should not be seen as the sole means of influencing a person's behavior. Other mechanisms are needed to influence convicts who violate the rules of the institution. The provisions of criminal law must comply with the principles of criminal law and international obligations assumed by the state.

**Key words:** humanity, inhuman treatment, Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, disciplinary action, restorative practices, prison system, treatment of prisoners.

## УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ОСУЖДЕННЫМИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Лилия ТИМОФЕЕВА,

кандидат юридических наук,  
преподаватель кафедры уголовного права  
Национального университета «Одесская юридическая академия»

## АННОТАЦИЯ

Гуманизм и гуманистические идеи рассматриваются во многих работах по уголовному праву. В этом исследовании существование статьи, описывающей уголовную ответственность за нарушение дисциплины в местах лишения свободы, рассматривается как форма бесчеловечного обращения. Вместе с тем уголовный закон не должен восприниматься как единственное средство воздействия на поведение человека. Нужны другие механизмы воздействия на осужденных, нарушающих правила пенитенциарного учреждения. Положения уголовного законодательства должны соответствовать принципам уголовного права и международным обязательствам, которые взяло на себя государство.

**Ключевые слова:** гуманность, бесчеловечное обращение, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, дисциплинарные взыскания, восстановительные практики, пенитенциарная система, обращение с осужденными.

**Statement of the problem.** In order to protect the individual from harm by the State for its dignity, the international community has adopted relevant international legal instruments in which the inhuman treatment of a person is considered a crime, in particular the United Nations Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Convention against Tor-

ture), which defines the term “torture”, but does not identify other types of ill-treatment.

**The relevance of the research topic and status of research.** E.V. Shytkina, in her dissertation “The concept of the prohibition of ill-treatment and its evolution in the activities of the Council of Europe” (Kyiv, 2009) suggested to treat the concepts of “cruel” and “inhuman



treatment” as synonyms and “ill-treatment” as designating all types of subject under the qualification of such behavior [8]. G.N. Telesnytsky considered the peculiarities of criminal liability for torture in a comparative legal aspect (Kyiv, 2013) [6]. L.I. Skrekla viewed cruelty as a cross-cutting criminal concept [5]. L.A. Nakonechna considered violence as a cross-cutting criminal concept (Lviv, 2016) [3].

In addition, certain aspects of the issues involved: V.O. Gatselyuk, M.M. Hnatowsky, V.V. Mytsyk, V.O. Tuliakov, M.I. Khavroniuk, E.V. Shishkina. At the same time, there are still some questions, including methodological ones, that need attention and research.

**The purpose of the article** is a formulation of proposals to improve the criminal law.

**Presentation of the main material.** Humanism is a democratic and ethical life stance that affirms that human beings have the right and responsibility to give meaning and shape to their own lives. Humanism stands for the building of a more humane society through an ethics based on human and other natural values in a spirit of reason and free inquiry through human capabilities [10].

The main distinguishing features of a person dedicated to human rights are activism, empathy, impact. *Empathy*: a feel for the humanity of others, an ability to see others in the world as though you were they, a capacity for spontaneous solidarity. *Impact*: the desire to make a difference, to achieve tangible outcomes – a freed prisoner; a humanely treated detainee; the previously hungry now well fed [12]. To be a humanist it means to care about another people [7].

*Criminalization and humanism.* Ya.I. Hilinsky noted: “There is no single behavioral act, which would be “criminal” himself, according to their content, regardless of social context. Thus, the “criminal” use of drugs, in particular, derivatives of cannabis, was permissible, “normal” legal in many Asian countries as well, and in the modern Netherlands. As history shows, even the value of life as the highest value is not absolute. There are an exceptions, due to political necessity. Murder in war does not qualify as murder, but is a violent deprivation of another person’s life. Every crime encroaches on the human freedom and security; state

and society security, and also violates the principles of Criminal Law (justice, equality, legality, humanism). Criminal Code guarantees each person the protection of these rights, and also helps ensure her safety” [1, p. 391].

Because, some actions, which are enshrined in the criminal law over time, lose their social danger.

Under the influence of a number of factors, the outlook and the level of tolerance for violations of the right to life have changed, as well as the understanding of the right to life, not only enshrined in domestic law and international legal instruments, the possibility of certain human behavior aimed at ensuring the integrity of one’s life and freedom to dispose of it (narrow understanding), but also as a human freedom to directly realize the opportunities that it has as a result of belonging to the species *Homo Sapiens*, and to satisfy the necessary biological, social, spiritual, economic and other needs are inseparable from human about objectively due to the achievement of human development (widely understood) [4].

Accordingly, in the sense of the Convention, the violation of the right to life also implies an encroachment on the freedom to directly fulfill the natural needs necessary for the life and human development. In particular, it is important for both the human freedom and security.

In order to ensure the right to life in the broadest sense, the Criminal Code of Ukraine provides for criminal liability for bringing a person to suicide (art. 120 of the Criminal Code), which is the result of ill-treatment, blackmail, systematic humiliation of his human dignity or systematic unlawful coercion to acts that they contradict her will, suicide inclination, and other acts that promote suicide. Under ill-treatment should be understood ruthless, rude acts that cause the victim of physical or mental suffering (torture, systematically causing bodily injury or beating, deprivation of food, water, clothing, housing, etc.). The systematic humiliation of human dignity is the continued humiliation of the victim (constant insults, mockery of him, etc.).

In this context, the individual should be responsible for the freely chosen undesirable behavior, but in the manner prescribed by law. It is impossible to achieve justice by illegal means, as well as by

means that do not comply with the principles of equality, humanism, personal culpability, the presumption of innocence and more.

Some of the crimes, based on their wording, contradict the principles of criminal law and the obligations assumed by the state.

For example, art. 391 of the Criminal Code of Ukraine, establishes criminal liability for malicious disobedience to the legal requirements of the administration of the institution of punishment. Based on the practice of applying art. 391 of the Criminal Code, persons are criminally responsible for refusing to clean, on duty, landscaping, not cleaned the bed, changing the bed in the cell, not performing the command “Lift!”, not holding hands behind his back during a walk, etc.

The possibility of bringing convicted persons for repeated violations of discipline to criminal responsibility is a manifestation of inhumane treatment (within the meaning of art. 3 of the Convention).

Pursuant to art. 3 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (“Prohibition of Torture”), no one may be subjected to torture or to inhuman or degrading treatment or punishment.

V.V. Mytsyk analyses the Convention on the Prevention of Torture concludes that: Convention provides non-judicial system of a preventive character. The task of the committee is not condemning states for violations, and the desire of the spirit of cooperation and consultation to improve where necessary, protection of persons deprived of their liberty. Article 3 of the Convention defines a general provision for cooperation [2, p. 508].

The Committee for the prevention of torture Council of Europe in its reports have repeatedly called Ukraine decriminalization act which described current version of art. 391 of the Criminal Code.

According to the UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, discipline and order shall be maintained with firmness, but with no more restriction than is necessary for safe custody and well-ordered community life; no prisoner shall be employed, in the service of the institution, in any disciplinary capacity; no prisoner shall be punished except in accordance with the terms of such law or regulation, and never twice for the same offence [11, p. 27, 28, 30].





Definitions of torture, inhuman or degrading treatment, treatment or punishment were first introduced by the European Commission on Human Rights (existing until 1998) in the case of Denmark, France, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece (1969), known as the Greek case.

Inhuman treatment or punishment is behavior that intentionally causes a person severe mental or physical suffering.

Degrading or punishing behavior is behavior that grossly humiliates a person in front of others, or compels them to act on their own volition or in good faith.

In the case of the ECtHR Ireland v. The United Kingdom (1978), the definition of these categories has changed.

*Inhuman treatment or punishment* are the acts that caused a person severe physical and mental suffering.

*Dignity-degrading treatment or punishment* is abuse that should cause the victim to feel fear, suffering and inferiority, and to diminish her dignity and, if possible, to break her physical and moral resistance.

In deciding whether a degrading treatment or punishment is to be resolved, the court shall consider whether the suffering was a result of mental anguish or suffering, and then determine whether it intended to humiliate the victim [9, p. 46].

The bill "On amendments to some legislative acts of Ukraine (concerning the elimination of corruption schemes in the prison system by removing art. 391 Criminal Code Ukraine)" № 2079 of 9 June 2019 deleted art. 391 of the Criminal Code "malicious disobedience to the requirements of the administration of the penitentiary institution", as well as references to the this article in paragraphs 2 and 3 of part 1 of art. 140 of the Criminal Executive Code of Ukraine.

Criminal law should not be seen as the single means of influencing a person's behavior. The prison (penitentiary institution) is the same total institution (Michel Foucault) as the school, university, family, church. However, there is no question about criminal liability of students who systematically violate discipline and fail to meet the requirements of the school or university administration.

We need other mechanisms influence to prisoners who violate the rules of the institution. If a person commits

a crime in a penitentiary institution, he or she will be prosecuted in accordance with the Criminal Code. The threat to the safety of prison staff and/or other prisoners can be interpreted through other articles of the Criminal Code (articles 115, 120, 129, 125, 126, 121, 293, 296 of the Criminal Code of Ukraine and others). In addition, the security of staff and other prisoners is provided by other means.

It should also be noted that disciplinary penalties in the prison and so significantly affect the further fate of the prisoners. In particular, the so-called incentive measures (parole, softer punishment) apply to those who are not charged and who are being promoted. This is an internal restriction. However, the Commission of the penitentiary institution, which includes penitentiary institution employees and members of the public (as they usually do not attend or very rarely attend), does not approve the possibility of applying incentive rules to the person being charge.

In addition, now very much paying attention bullying in the school may need to think about bullying in prisons, including by staff and ensure appropriate arrangements for objective verification of the penal institutions of the state. No wonder the teacher is forbidden to raise his voice to the student, to beat on the hands, to expel from the class, to put in a corner, that is, to expose him to the practice of "education", which were in the past. But now they are also partially taking place. However, the behavior of a student in the classroom can also provoke others to mass riots, a massive violation of discipline, a significant threat to the safety of teachers and other students. This is also supported by practice.

The purpose of punishment is not only punishment, but also correction of the person and prevention of committing other crimes (art. 50 of the Criminal Code). But under conditions of hostility and fear, that objective cannot be achieved.

**Conclusions.** It is necessary to align the criminal law of individual States with the provisions of the Convention. In particular, the criminal legislation of Ukraine should be decriminalized the article, which establishes criminal liability for malicious disobedience to the legal requirements of the administration of the penitentiary institution. The provisions of this article are not in conformity with the provisions of the Convention.

Instead of punishment, particularly in this category of cases, it is necessary to promote dialog and mediation practices in the penitentiary institution, nonviolent communication, interest of convicts to perform certain work, and more.

#### References:

1. Гилинский Я.И. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. *Российский ежегодник уголовного права*. 2007. № 2. С. 382–398.
2. Мицик В.В. Зміст та механізм здійснення Європейської конвенції про запобігання катуванням чи нелюдському або такому що принижує гідність, поводженню чи покаранню. *Держава і право*. 2008. Вип. 40. С. 505–509.
3. Наконечна Л.А. Насильство як наскрізне кримінально-правове поняття : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Львівський держ. ун-т внутр. справ. Львів, 2016. 18 с.
4. Рогова О.Г. Право на життя в системі прав людини : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 ; Національна юридична академія ім. Ярослава Мудрого. Харків, 2006. 22 с.
5. Скрекля Л.І. Жорстокість як наскрізне кримінально-правове поняття : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 ; Львівський держ. ун-т внутр. справ. Львів, 2014. 18 с.
6. Телесніцький Г.Н. Кримінальна відповідальність за катування: порівняльно-правове дослідження : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 ; Нац. академія внутр. справ. Київ, 2013. 20 с.
7. Тимофеева Л.Ю. Гуманістична парадигма кримінального права України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 ; Нац. ун-т «Одеська юридична академія». Одеса, 2018. 277 с.
8. Шишкіна Е.В. Концепція заборони неналежного поводження з людиною та її еволюція в діяльності Ради Європи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 ; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. Київ, 2009. 24 с.
9. Шишкіна Е.В. Душевні страждання як один з видів порушення статті 3 Європейської конвенції з прав та основоположних свобод людини. *Вісник Львівського університету. Серія «Юридична»*. 2007. Вип. 44. С. 45–50.



10. The Minimum Statement on Humanism. *Humanists International: Website* IHEO International Humanist and Ethic Union. URL: <http://iheu.org/humanism/what-is-humanism>.

11. Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners Adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolutions 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977. URL: [https://www.unodc.org/pdf/criminal\\_justice/UN\\_Standard\\_Minimum\\_Rules\\_for\\_the\\_Treatment\\_of\\_Prisoners.pdf](https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/UN_Standard_Minimum_Rules_for_the_Treatment_of_Prisoners.pdf).

12. The Right Rights' Future. URL: <http://therightsfuture.com/t20-enforcement-nine-tenths-of-the-law/>.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Timofeyeva Liliya Yuryevna** – Ph.D. in Law, Assistant Professor of Criminal Law Department of the National University “Odesa Law Academy”;

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Тимофеева Лилия Юрьевна** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Национального университета «Одесская юридическая академия»;

[l.ju.t@ukr.net](mailto:l.ju.t@ukr.net)

УДК 342.95:615.2

## СУЩНОСТЬ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ УКРАИНЫ

**Руслан ФИЛЬ,**

кандидат юридических наук,  
начальник отдела Государственного научно-исследовательского института  
Министерства внутренних дел Украины

#### АННОТАЦИЯ

В статье на основе анализа научных подходов к пониманию понятий «механизм», «правовое регулирование» и «механизм правового регулирования» определяется понятие механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины, раскрываются его особенности. Охарактеризованы составляющие механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины: административно-правовые нормы, административные правоотношения, акты реализации норм права, акты понимания норм права, правовое сознание; правовая культура; режим законности оборота фармацевтической продукции. Установлено, что сущность исследуемого механизма раскрывается через определение целей, задач, направлений, субъектов, объектов, форм и методов обеспечения фармацевтической деятельности.

**Ключевые слова:** механизм административно-правового регулирования, правовое регулирование, фармацевтическая деятельность, нормы права.

#### CONTENT OF THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY OF UKRAINE

**Ruslan FIL,**

Candidate of Law Sciences,  
Head of Department of State Research Institute  
of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine

#### SUMMARY

In the article based on the analysis of scientific approaches to understanding the concepts of “mechanism”, “legal regulation” and “legal regulation mechanism”, the article defines the concept of the administrative-legal regulation mechanism of the pharmaceutical industry of Ukraine and reveals its features. The components of the mechanism of administrative regulation of the pharmaceutical industry of Ukraine are characterized: administrative legal norms, administrative legal relations, acts of the implementation of legal norms, acts of understanding the rules of law, legal consciousness; legal culture; rule of law for the circulation of pharmaceutical products. It is established that the content of the mechanism under study is revealed through the definition of goals, objectives, directions, subjects, objects, forms and methods of ensuring pharmaceutical activity.

**Key words:** administrative legal regulation mechanism, legal regulation, pharmaceutical activity, legal norms.

**Постановка проблемы.** Сегодня в мире производство фармацевтических препаратов является одной из самых перспективных отраслей. В течение нескольких последних лет мировой рынок фармацевтики демонстрирует устойчивую тенденцию роста. Фармацевтическая отрасль занимает ведущую позицию и в экономике нашей страны, поскольку является весьма

важной составляющей национального рынка и безопасности страны. Фармацевтическая отрасль Украины включает в себя: разработку и производство лекарственных средств и медицинских изделий; оптовую и розничную торговлю, специализированное хранение и распределение с помощью аптек и аптечных пунктов; подготовку кадров для фармацевтических предприятий



и учреждений; научные разработки и инновационные подходы к созданию новых лекарств; оперативное информирование работников о новшествах фармацевтической отрасли. Фармацевтическая отрасль в развитых странах относится к числу наиболее динамичных и рентабельных, но в то же время выступает как особый сегмент рынка, регулируется государственными органами власти.

В контексте реформирования здравоохранения Украины актуальность приобретает вопрос о совершенствовании механизма административно-правового регулирования обращения лекарственных средств и медицинских принадлежностей. Исследование его понятия и сущности также имеет важное практическое значение для дальнейшего совершенствования законодательства Украины и развития науки административного права, наполнения правоприменительной практики в этой сфере.

**Актуальность темы исследования** подтверждается тем, что наличие в Украине эффективного механизма административно-правового регулирования фармацевтической деятельности позволит обеспечить должное развитие этой отрасли и осуществить контроль над оборотом фармацевтической продукции.

**Состояние исследования.** Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные методологические наработки ученых, среди которых: С. Алексеев, Ю. Бытак, В. Гарашук, В. Горшенев, О. Дьяченко, Б. Железнов, В. Колпаков, О. Малько, М. Матузов, Л. Морозова, А. Олийник, О. Скакун, С. Стеценко, В. Сухонос, И. Фролов, Н. Шевчук, И. Шопина и другие ученые. Проблемы административно-правового регулирования оборота фармацевтической продукции в Украине были предметом исследования таких ученых: Н. Волк, З. Гладуна, А. Светличного, В. Ширшова и других исследователей. Ученые в своих работах изучали вопросы государственной политики в сфере фармацевтической деятельности, однако механизм административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины остается в научной литературе нераскрытым, что детерминирует актуальность темы статьи.

**Целью и задачей статьи** является исследование сущности механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины и определение его составляющих элементов.

**Изложение основного материала.** В общепринятом понимании слово «механизм» трактуется как внутреннее строение, систему чего-либо, совокупность состояний и процессов, из которых складывается определенное физическое, химическое и другие явления [1, с. 695]. Однако самостоятельно понятие непосредственно в юридической литературе не приводится, оно используется только как составляющая юридических терминов для обоснования определенных правовых явлений в теоретико-исследовательских трудах ученых [2, с. 540–789].

А. Олейник, рассматривая научные источники, характеризующие различные правовые динамические процессы и явления, пришел к выводу, что большинство авторов в научных трудах пользуются термином «механизм». Такую дефиницию, например, используют, когда анализируют понятие «механизм государства», обосновывая понятие «механизм правового воздействия», а также как «механизм управления», раскрывая сущность термина «механизм правового регулирования». Общим для этих категорий является то, что термин «механизм» осознается как способ функционирования и система средств воздействия [3, с. 154].

Под понятием «регулирование» (от лат. *regulare* – правило) понимают упорядочение, налаживание, согласование чего-либо с чем-нибудь, а «правовое регулирование» – это процесс воздействия государства на общественные процессы с помощью юридических норм (норм права) [4, с. 1440]. Поэтому правовое регулирование любой группы, совокупности общественных отношений является ответом на определенный уровень развития этих отношений, который требует новых средств воздействия на них, их упорядочения. Правовое регулирование, по мнению О. Скакун, – это осуществляемое государством с помощью права и совокупности правовых средств упорядочение общественных отношений, их юридическое закрепление, охрана и развитие [5, с. 487].

Под правовым регулированием фармацевтической деятельности в Украине предлагаем понимать совокупность правовых норм, которыми регулируются общественные отношения, возникающие при обороте фармацевтической продукции.

Заметим, что в научной среде не хватает единодушия относительно осознания понятия «механизм правового регулирования». Так, С. Алексеев механизм правового регулирования рассматривает как взятую в своем единстве систему правовых средств, с помощью которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения, – систему норм права, юридических фактов и актов применения права, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей [6, с. 246]. Н. Матузов и А. Малько понимают это как систему юридических средств, организованных наиболее последовательно с целью упорядочения общественных отношений, содействие удовлетворению интересов субъектов права [7, с. 516]. Л. Морозова считает, что выделенные стадии и элементы механизма правового регулирования общественных отношений, по сути, составляют матрицу исследования процесса правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства, а также системы используемых для этого юридических средств [8, с. 27]. О. Скакун понимает этот термин как взятую в единстве систему правовых средств, способов и форм, с помощью которых нормативность права переводится в упорядоченность общественных отношений, удовлетворяются интересы субъектов права, устанавливается и обеспечивается правопорядок [5, с. 498–499]. Отличительным для механизма правового регулирования является то, что он: является составляющей механизма социального регулирования; объединяет все явления правовой действительности (средства – нормы права, субъективные права и юридические обязанности, решения судов и т.п., объективирован в правовых актах, способы – дозволения, обязательства, запрет, формы – использование, выполнение, соблюдение, применения), представляет собой систему правовых средств, способов, форм, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии; является



динамичной частью правовой системы общества, представляет собой целостность правовой действительности, определяется закономерностями эволюции общества, уровнем развитости экономики, культуры; при этом результатом его деятельности является установление правопорядка в обществе. И. Фролов отмечает, что механизм правового регулирования позволяет понять механизм трансформации требований норм права, правовых установок в правомерное поведение субъектов, понять, из каких стадий состоит этот процесс [9, с. 44].

Акцентируем, что важным признаком каждой отрасли права является ее метод, которым регулируются общественные отношения и осуществляется воздействие на субъектов. Методы правового регулирования подразделяются на императивные и диспозитивные. Императивный метод объединяет способы властного воздействия на субъект конкретных общественных отношений, а диспозитивный – отношения административно-правового характера, связанные с фармацевтической деятельностью.

Что касается структуры механизма правового регулирования понятия, то он, по мнению О. Скакун, состоит из таких элементов, как: принципы права, нормы права, нетипичные правовые предписания, объективированные в нормативно-правовых актах; правоотношения, субъективные юридические права и обязанности в их индивидуализации; акты непосредственной реализации прав и обязанностей; акты применения норм права [5, с. 499]. Эту же позицию ученого разделяет и С. Алексеев, который выделяет такие структурные элементы этого механизма, как: нормы права; правоотношения; акты реализации прав и обязанностей; акты применения права и индивидуальные акты [10, с. 216].

Однако С. Стеценко считает, что механизм административно-правового регулирования состоит из органических и функциональных элементов. К органическим он относит нормы права; правоотношения, акты реализации норм права, к функциональным – юридические факты, то есть фактические составы, правовое сознание, правовую культуру, акты толкования норм права, законность, акты применения

норм права [11, с. 65–67]. Такой подход к разделению структурных элементов механизма, исследуя управление органами внутренних дел, разделяет И. Шопина, которая к органическим элементам механизма относит нормы права, правоотношения, акты реализации норм права, а к функциональным – принципы деятельности публичной администрации, юридические факты, акты толкования норм права, правовое сознание, правовую культуру и режим законности [12, с. 112]. Учитывая мнение И. Шопиной, которая считает, что к элементам указанного механизма следует отнести органические, наличие которых является обязательным, и функциональные, которые не являются обязательными, однако существенно влияют на функционирование механизма, – сделаем попытку выделить основные структурные элементы механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли. В нашем случае к органическим отнесем: административно-правовые нормы; административные правоотношения, акты реализации норм права, а к функциональным – акты толкования норм права; правовое сознание; правовую культуру; режим законности в отношении оборота фармацевтической продукции. Рассмотрим их более подробно.

Нормы права, безусловно, являются основополагающей составляющей исследуемого механизма, которая определяет общее обязательное правило поведения, устанавливает для субъекта как возможный вариант поведения – субъективные юридические права, так и необходимый вариант поведения – субъективные юридические обязанности [5, с. 500]. Внешнее выражение нормы права приобретает в нормативно-правовом акте.

С целью четкого функционирования фармацевтического рынка в Украине государство закрепляет в нормах административного права свои требования к деятельности государственных органов власти и их взаимоотношения с производителями. Бесспорно, все работники этих органов при выполнении своих функциональных обязанностей должны действовать только в пределах своей компетенции и в соответствии с определенным государством порядке. Им запрещено все, что

не разрешено нормативно-правовыми актами, которые определяют их компетенцию. Первичными элементами административного права, на базе которых формируется система отрасли, и являются административно-правовые нормы.

Отметим, что особенность административного законодательства заключается в том, что в нем имеются материальные, процессуальные и процедурные нормы. Так, материальные административно-правовые нормы закрепляют объем прав и обязанностей, ответственность субъектов административных правоотношений. Процессуальные определяют порядок реализации юридических обязанностей и прав, установленных нормами материального административного права. Процедурные административно-правовые нормы устанавливают порядок различных действий. В соответствии с функциями права выделяют регулятивные и правоохранительные административно-правовые нормы. Регулятивные административно-правовые нормы определяют субъективные права и юридические обязанности субъектов таможенных правоотношений, условия их возникновения и действия. Правоохранительные административно-правовые нормы – условия применения к субъекту мер государственно-принудительного воздействия, характер и содержание этих мероприятий.

В исследуемом механизме правоотношения занимают главное место. Правоотношения в механизме административно-правового регулирования образуют определенную систему для обеспечения перевода общих предписаний норм права в субъективные юридические права и обязанности, полномочия и юридическую ответственность для конкретных лиц. При этом центром общих юридических связей, составляющих основу правоотношений, является правовой статус. Выделение отраслевого правового статуса позволяет проявиться специфике прав и обязанностей субъектов их реализации.

В качестве основных участников административно-правовых отношений выступают, с одной стороны, государственные органы власти, которые контролируют фармацевтический рынок, а с другой – производители фармацевтической продукции. Допол-





нительными субъектами правоотношений в этой сфере являются другие участники, которые могут выступать в разной организационно-правовой форме и иметь особый статус.

Акты толкования норм права в исследуемом механизме являются одним из видов правовых актов. Они в рамках рассматриваемого механизма способствуют более качественной реализации правовых норм, в целом обеспечивая эффективное функционирование этого механизма и реализацию им своих задач.

Наличие правового сознания и правовой культуры в данном механизме имеет дискуссионный характер. Одни ученые отмечают, что хотя эти две категории не относятся к правовым средствам, они играют большую роль в качественном функционировании механизма административно-правового регулирования, а другие – что в юридической науке существует много сторонников утверждения, что правовое сознание и правовая культура являются правовыми явлениями, которые следует рассматривать вне механизма административно-правового регулирования. Однако мы разделяем позицию ученых, которые указанные правовые категории относят к элементам механизма. Достижение необходимого для общества и государства уровня правового сознания человека позволяет получить желаемый результат – правовую культуру.

В общелитературном смысле сознание – это ясное понимание, осознание чего-либо; мнение о чем-либо, ощущение чего-то; процесс отражения действительности мозгом человека, который охватывает все формы психической деятельности и обуславливает целенаправленную деятельность человека. Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством на протяжении его истории; уровень развития общества в определенную эпоху; то, что создается для удовлетворения духовных потребностей человека [1, с. 77, 394–395]. Эти понятийные категории взаимосвязаны и дополняют друг друга.

По сути, правовая культура является отражением общей культуры каждого народа, которая отражает уровень ее развития, а правовое сознание – одна из форм общественного сознания, которая побуждает гражданина участвовать

в процессах создания правовой регламентации механизма, его реформирования и совершенствовании. Кроме того, фармацевтический рынок контролируется государственными органами власти, которые обязаны осознавать значение своей деятельности при его регулировании.

Следующий элемент механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли – режим законности оборота фармацевтической продукции – является обязательным условием достижения цели создания и функционирования этого механизма.

Режим законности В. Колпаков трактует как представление о правовом бытии, как результат осуществления права, сущность связей государства с гражданским, институтами гражданского общества и обществом в целом [13]; С. Стеценко понимает как правовой режим общественной жизни, который характеризуется неуклонным соблюдением норм права всеми субъектами правовых отношений [11, с. 67]. Ю. Битяк, В. Гаращук и О. Дьяченко рассматривают режим законности в трех измерениях: 1) законность как принцип деятельности государства, суть которого заключается в обязанности государственных органов, других физических и юридических лиц действовать в соответствии с требованиями законов; 2) с точки зрения практического применения законность понимается как решение государственных и негосударственных органов, уполномоченных на то лиц, которое не должно противоречить действующему законодательству, должно быть принято в пределах компетенции органа или должностного лица, которое его принимает, с соблюдением необходимой процедуры, должно способствовать созданию, закреплению или развитию полезных для общества отношений; 3) законность как метод государственного управления, то есть как совокупность приемов, способов, с помощью которых государство обеспечивает надлежащее поведение своих субъектов [14, с. 237–239].

Однако для рядовых граждан законность представляет собой средство, с помощью которого они защищаются от нарушения своих прав, свобод и законных интересов.

**Выводы.** Таким образом, механизм административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины раскрывается через определение целей, задач, направлений, субъектов, объектов, форм и методов обеспечения фармацевтической деятельности. Содержательный признак этого механизма предусматривает определение задач такого регулирования, в частности содействие обороту качественных и доступных лекарственных средств и медицинских изделий.

Аргументированно к структурным элементам механизма административно-правового регулирования фармацевтической отрасли Украины можно отнести: 1) органические составляющие (административно-правовые нормы; административные правоотношения, акты реализации норм права); 2) функциональные составляющие (акты толкования норм права; правовое сознание; правовую культуру; режим законности в сфере обращения фармацевтической продукции).

#### Список использованной литературы:

1. Словник української мови : в 11 томах / Ред.-уклад. І.К. Білодід, А.А. Бурячок, В.О. Винник та ін. 4-й том. Київ : вид-во Наукова думка, 1973. С. 695.
2. Юрична енциклопедія: В 6 т. / Ред. кол.: Ю.С. Шемшученко та ін. Київ : Укр. енциклопед. ім. М.П. Бажана, 2001. Т. 3. С. 540–789.
3. Олійник А.Ю. Конституційно-правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадянина в Україні : монографія. Київ : Алерта. КНТ. Центр навчальної літер., 2008. С. 154.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови. / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Ірпінь : Перун, 2003. 1440 с.
5. Скаун О.Ф. Теорія держави і права : підручник. Київ : Алерта; КНТ; ЦУЛ, 2009. С. 620.
6. Проблеми теорії государства и права : учебник / С.С. Алексеев, В.М. Корельский, В.Д. Первалов и др. ; под ред. С.С. Алексеева. Москва : Юрид. Лит., 1987. С. 246.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник.



2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист. 2009. С. 516.

8. Морозова Л.Я. Механизм правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства. *История государства и права*. 2011. № 17. С. 27.

9. Фролов И.В. Административно-правовой механизм государственного управления в сфере финансового оздоровления, несостоятельности (банкротства) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010. С. 215.

10. Алексеев С.С. Теория права. Москва : Издательство БЕК, 1995. С. 216.

11. Стеценко С.Г. Адміністративне право України : посібник. Київ : Атіка, 2008. С. 351.

12. Шопіна І.М. Адміністративно-правове регулювання управління органами внутрішніх справ України : монографія. Київ : МП Леся, 2011. С. 112.

13. Колпаков В.К. Законність та дисципліна в умовах реформування органів внутрішніх справ. *Форум права: електрон. наук. фах. вид.* 2006. № 2. С. 80. URL : [http://nbuv.gov.ua/j-pdf/FP\\_index.htm\\_2006\\_2\\_12.pdf](http://nbuv.gov.ua/j-pdf/FP_index.htm_2006_2_12.pdf).

14. Адміністративне право України : підруч. / Ю.П. Битяк, В.М. Гарашук, О.В. Дьяченко та ін. ; за ред. Ю.П. Битяка. Київ : Юрінком Інтер, 2007. С. 237–239.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Филь Руслан Сергеевич** – кандидат юридических наук, начальник отдела Государственного научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Украины;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Fil Ruslan Sergeevich** – Candidate of Law Sciences, Head of Department of State Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine;

[ruslan.sn111@gmail.com](mailto:ruslan.sn111@gmail.com)

УДК 343.97

## THE REASONS AND CONDITIONS FOR THE SPREAD OF CREDIT CRIMES

**Gabriella Eva KHAYRUTDINOVA**

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Process of Uzhhorod National University,  
Prosecutor of the Kiev local prosecutor's office № 8

#### SUMMARY

The article presents different views of scientists on determining the determinants of crime, on the basis of which we propose our own term causes of crime in the sphere of credit relations. We analyze the classification of such reasons, among which we distinguish economic, political-ideological, social-psychological, legal, organizational-administrative, law-enforcement. In the plane of such classification, we continue to investigate the causes of crime in credit relations.

**Key words:** credit relations, causes of crime in credit relations, determinants.

#### ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**Габриэлла Ева ХАЙРУТДИНОВА,**

аспирант кафедры уголовного права и процесса  
ГВУЗ «Ужгородский национальный университет»,  
прокурор Киевской местной прокуратуры № 8

#### АННОТАЦИЯ

В статье приводятся различные взгляды ученых на определение детерминант преступности, на основе которых предлагаем собственное определение причин преступности в сфере кредитных отношений. Анализируем классификацию таких причин, среди которых выделяем экономические, политико-идеологические, социально-психологические, правовые, организационно-управленческие, правоохранительные. В плоскости такой классификации исследуем в дальнейшем причины преступности в кредитных отношениях.

**Ключевые слова:** кредитные отношения, причины преступности в кредитных отношениях, детерминанты.

**Introduction.** Our state has not the best times in political, legal and economic areas. The instability of the specified spheres leads to social tension, and as a result growth of crimes in general. The sphere of the credit relations is not an exception as well. Unfortunately process of criminalization permeates all branches of economy. Now our state gets financial support from the international organizations. The last provide such assistance for the purpose of overcoming the crisis phenomena in economy, Ukraine has enough potential to become the full-fledged, solvent member of the European Union. However, all our reforms and assistance by the European community can be leveled because of the absence of effectively working state institutes of criminalization opposition of the economic sphere. Consequently, the reasons of existence and crime increasing in the economic sphere is nearly the most important phenomena which need to be investigated for development not only

methods of fight against crime, but also for realization of preventive measures.

**Relevance of a research subject.** The main problem for Ukraine development as economically stable state is the crime rate growing in various spheres of economy, including also the sphere of the credit relations. The significant role for stabilization a financial system and economic security of the country should be given to a credit system. In a balance and linkage, the financial and credit sphere influences at condition of unemployment, exchange rate and inflation, investment processes and a condition of the payment balance. Constant criminal intervention to the specified sphere has been a braking factor for development and stabilization of credit and financial systems. Besides, it should be noted that crimes in the sphere of the credit relations have high degree of latency. Criminality in the investigated by us relations rapidly acquire new methods and schemes of crimes commis-



sion. The computer in XXI century is not only the equipment for work, developing, holding many useful household and personal operations, but also one of the main assets of crimes commission in the credit relations sphere. In order to develop effective methods of fight against crimes in the credit relations, at first it is necessary to investigate and analyze the reasons because of which the last exists and grows.

**Research status.** The methodological basis of this work is made of general scientific and special methods of scientific knowledge among which: dialectic, systematically – structural, formally logical, a method of generalization and forecasting.

The following problem has been tackled in writings of such scientists: P.P. Andrushko, V.S. Batirgareivoi, A.M. Boyko, V.I. Borisova, V.V. Vasilevicha, I.O. Glushkova, V.V. Golini, N.A. Gutorovoi, I.M. Danshina, A.N. Dzhuzhi, V.M. Dremina, A.A. Dudorova, A.P. Zakalyuka, A.F. Zelinskogo, O.G. Kalmana, A.V. Kozachenka, A.N. Kostenka, O.G. Kulika, A.N. Litvinova, A.N. Litvaka, M.I. Melnika, T.V. Melnichuk, V.M. Popovica, A.P. Ryabchenko, E.L. Streltsova, V.Ya. Tatiya, I.O. Tulyakova, V.F. Ushchapovskogo, V.I. Shakuna, E.Yu. Shostko, S.S. Yatsenka.

Objective of article is definition of the reasons existence and crime increasing in the sphere of the credit relations. And develop the own term of the reason's existence of crime in the sphere of crediting.

**Submission of the base material.** It is necessary to understand set of the social phenomena and processes as the reasons and conditions of crime that determine crime as a result. The reasons of crime represent such phenomena of public life which generate crime, support its existence, cause its growth or decrease. Spheres of activity of the reasons is first of all stages of motivation and decision-making, when talking about motive formation, the purpose, definition of it achievement ways as criminal. The condition is that what itself does not generate crime, but influence on the generation processes, participates in crime determination [1, p. 45].

So, N.F. Kuznetsova specifies that the crime reasons from the point of view of dominating public relations is a system of socially negative phenomena and processes that determine crime as the consequence. As for the crime reason it carries social and psychological determinants which include elements of economic,

political, legal, household psychology at the different levels of public consciousness [2, p. 44].

M.D. Shargorodsky notes that the reasons of crime are those active forces which by their action cause its existence [3, p. 30].

According to I. B. Meditsky a certain system of the social phenomena, negative for the state, which determine crime as the investigation is the reasons of the crime [4, p. 12].

So, community of all above-mentioned terms is in the fact that reasons of crime are the phenomenon through which actually and there is the last.

The reasons of crime can be divided into two parts- general (on a type of crime) and special (on specific offence).

Scientists carry the following general reasons of economic crimes commission:

- modernization of privatization processes which is the defining generator of criminalization of economy in Ukraine, these processes create conditions for economic crime and corruption;

- raiding as it is closely related with an activity corrupted politician from state structures, and quite often bases also on the interests of the international criminal investors;

- the established habit of the most part of the population working bad, but receive the solid salary and to live at the expense of others;

- professional inability to deal with economy issues, non-fulfilment of an obligations often combined with bad manners, lack of the precise life codes;

- the Ukrainian youth generally brought up on personal irresponsibility, involved in alcoholism and drug addiction;

- discrepancy between economic requirements and economic opportunities of their satisfaction;

- inconsistency the interests of development of the separate economy branches, the separate economic entities, individuals and society [5, p. 259–260].

Not all reasons determined above by the author we agreed with. Thus, we could not specify that youth of Ukraine irresponsible and inclined to deviant behavior. In fact, if we investigate statistics of crime that is reflected in reports of the Ukrainian Prosecutor General's Office, then it is clearly seen that crimes in the sphere of the credit relations were committed most often by persons at the age of 25–60 years. As well we do not agree with

a conclusion that the workable population of Ukraine, in the majority, badly works, but want to receive the decent salary. Because of our state insolvency to provide worthy working conditions, including the salary to workable population, youth left the country and work hard abroad. O.G. Kalman offered such determinant classification of economic crimes: economic, politically ideological, social-psychological, legal, organizationally administrative and factors which related to law enforcement and enforceable activity [6, p. 142].

We completely share the scientist's view for such classification of the reasons and conditions of crimes commission.

Thus, to the economic reason it is possible to carry a GDP of Ukraine which was dropped by 17,5% in 2014–2015. Besides, the rupture of the long-term economic relations with the Russian Federation led to catastrophic consequences for a significant amount of the enterprises in east regions of Ukraine focused on east market. At the same time reorientation of the industry and agriculture of Ukraine to demands which are put forward to products in the countries of the European Union, goes quite low rates. Only since 2016 slow GDP growth of Ukraine began: in 2016 for 1,5% and in 2017 for 2,1% [7]. In 2019 situation went better. So, in the II quarter 2019 the economy of Ukraine grew by 4.6% in annual measurement (y/y), having accelerated from 2,5% of y/y in the I quarter 2019 [8].

K.V. Yurtayeva notes that among the economic reasons of crime the most significant place is taken by the low level of the population income in the country that directly influences at the formation of mercenary motivation. According to the UN for 2017, 80% of the Ukraine population living below the poverty line. Besides the actual living wage more than twice exceeds official. So, if in the African countries the threshold of poverty is at the level of 1,25 US \$ per day, then in Ukraine the living wage makes 1,5 US \$ per day. Thus, tendency to impoverishment of the population and further increase of the gap between the rich and the poor are remained [9, p. 114].

We suggest to distinguish a difficult political situation from the political-ideological reasons, through the military conflicts in the east of our state, failure economic reforms, lag of the state from technological development, a good example



of it is digital money ignoring on which top there a bitcoin is, because of what the specified currency is the platform for illegally money laundering. High level of corruption in public authorities, mistrust to the last from the population of the country.

R.A. Zaporozhets allocates such social-psychological factors of commission, for example, of fraud with financial resources:

- ability of property requirements to outpace in their development formation of the economic reason for their satisfaction;
- low level of following criminal-law norms by the population which establish responsibility for profit crimes in general and in the bank sphere, crediting in particular;
- negligence to the probability of criminal prosecution for mercenary crime;
- critically low level of citizens' sense of justice, among other things in aspect of delimitation of prosecution for commission of economic crimes;
- lack of modern traditions of honest business;
- low level of credit culture;
- unpopularity of the respectable debtor status;
- a provocative role of the state concerning distribution in public economic consciousnesses of stereotypes, evasion from performance of their own responsibilities for debts;
- create the illusion of impunity of the organizations and persons who evade from repayment of debt;
- high level of mistrust to the law enforcement agencies authorized to protect legitimate interests of creditors;
- lack of public information about credit stories of legal and natural persons and so forth [10, p. 62].

The legal reasons of crime in the sphere of the credit relations can be considered the following: since 1995 the Supreme Council of Ukraine have not adopted the law "About Prevention of Crimes" and "About Fight against Economic Crime". Inefficiency of some norms of procedural law and substantive law. Inappropriate legislative stability of natural and legal entities lending, online credits, those the same digital currency Bitcoin. Also, weak legislative base. Now credit-financial activity of banks and other non-bank financial institutions is resolved by a significant amount of legislations among which there are laws of Ukraine "About Banks and Bank Activity",

"About the National Bank of Ukraine", "About a Mortgage", "About securing the claims of creditors and registration of encumbrances", "About mortgage lending, operations with consolidated mortgage debt and mortgage certificates", "About financial leasing", the Civil Law of Ukraine, the Economic Law of Ukraine, the resolutions of the National Bank of Ukraine, etc. At the same time, these normative legal acts discordant to laws of Ukraine "About National Police", "About organizational and Legal Bases of Fight against Organized Crime", "About the SBU of Ukraine", "About Prosecutor's Office", "About Operational Search Activity", "About the Public Control and Auditing Service in Ukraine" in aspect of providing information about financial transactions of institutions and clients of a credit and financial system.

Also, to the legal reasons of crimes commission in the credit sphere R.A. Zaporozhets classify the following:

- existence of gaps and contradictions in the financial, tax, budgetary, currency law concerning regulation of the economic relations;
- improper level of official interpretation of criminal justice norms in relation to responsibility for causing material damage as a result of commission of fraudulent crimes in the bank crediting sphere;
- unduly soft punishment for certain profit crimes of economic orientation, including the crimes in sphere of bank mortgage lending that makes impossible effective counteraction against them at a preparation phase (regarding preparation for crime of a misdemeanour not involve criminal liability). For example, preparation for commission of the crime provided by art. 222 of the Crimes Act of Ukraine "Fraud with financial resources";
- ambiguity of sanctions, set of rules concerning responsibility for crimes in the sphere of bank crediting that deprives the guilty persons and persons applying legal rules opportunities to determine public danger of crimes;
- terminological inconsistency of the criminal and civil legislation concerning determination of blanket signs of separate types of crime;
- a lack of effective legal regulation of criminal liability of entities for the crimes committed in the sphere of bank crediting [10, p. 65].

Concerning the reasons, related to law-enforcement activity we need to note that now the new authority which will be engaged in fight against economic crime – Bureau of financial investigations is created. We agree with O.V. Dobrovolsky who noted that the pluses of Bureau of financial investigations creation are accumulation of authorities on investigation of economic crimes only in one authority and submission to The Cabinet of Ministers of Ukraine and to the Ministry of Finance. Such subordination gives hope on the objectivity of this authority and efficiency of its work [11].

We hope that the new created entity will carry all its duties, investigation of financial crimes, including also the credit sphere, faithfully, fair and professionally.

**Conclusions.** Thus, on the understanding basis of the of crime general reasons, we suggest formulating definition of the crime reasons in the credit relations sphere. Thus, the crime reasons in the credit relations are economic, political ideological, social and psychological, legal, organizational and administrative-enforcement factors which on the existence act as certain provokers of crime, causing not only emergence of the last, but also remain with it in dependent from each other dynamics. Among the most widespread and the most powerful, in our opinion, reasons of crimes in the credit sphere the legal nihilism of the population, lack of severe punishment on some standards of the Criminal code of Ukraine (art. 222), an inadequate legal resolution of all aspects of credit activity, corruption in public authorities and among workers, and among heads of banking institutions, inefficiency of preventive measures, the low standard of living of citizens are.

#### References:

1. Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології : у 3 кн. Київ : Ін Юре, 2007. Кн. 1 : Теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. 424 с.
2. Кузнецова Н.Ф. Проблемы кримінологической детерминации. Москва, 1984. 238 с.
3. Преступность и ее предупреждение : сборник статей / под ред. Н.П. Кена, М.Д. Шаргородского. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1971. 224 с.





4. Медицький І.Б. Вплив соціальних факторів на злочинність в умовах становлення незалежної Української держави. Івано-Франківськ, 2007. 214 с.

5. Кримінологія : підручник / заг. ред. : І.Г. Богатирьова, В.В. Топчія. Київ : ВД «Дакор», 2018. 352 с.

6. Кальман О.Г. Злочинність у сфері економіки України: теоретичні та прикладні проблеми попередження : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. Харків, 2004. 431 с.

7. Коментар Національного банку України щодо зміни реального ВВП у 2017 році. URL: [https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art\\_id=66364139&cat\\_id=55838](https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=66364139&cat_id=55838) (дата звернення: 17.11.2019).

8. Коментар НБУ щодо зміни реального ВВП у II кварталі 2019 року. URL: <https://bank.gov.ua/news/all/komentar-nbushodo-zmini-realnogo-vvp-u-ii-kvartali-2019-roku> (дата звернення: 19.11.2019).

9. Юртаєва К.В. Сучасні тенденції економічної злочинності в Україні. *Вісник Кримінологічної асоціації України*. 2018. № 2(19). С. 109–119.

10. Запорожець Р.А. Причини й умови вчинення шахрайств у сфері іпотечного кредитування. *Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ*. 2017. № 1(13). С. 60–71.

11. Добровольський О.В. Ліквідація підрозділу МВС, що здійснює боротьбу з економічною злочинністю. Що далі? URL: [https://jurliga.ligazakon.net/experts/218/910\\_lkvdatysya-pdrozdlymvs-shcho-zdysnyu-borotbu-z-ekonomichnoyu-zlochinnstyu-shcho-dal](https://jurliga.ligazakon.net/experts/218/910_lkvdatysya-pdrozdlymvs-shcho-zdysnyu-borotbu-z-ekonomichnoyu-zlochinnstyu-shcho-dal) (дата звернення: 19.11.2019).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR  
**Khayrutdinova Gabriella Eva Olegovna** – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Process of Uzhhorod National University, the Prosecutor of the Kiev local prosecutor's office number 8;

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ  
**Хайрутдинова Габриэлла Ева Олеговна** – аспирант кафедры уголовного права и процесса ГВУЗ «Ужгородский национальный университет», прокурор Киевской местной прокуратуры № 8;

*khairutdinova.eva@gmail.com*

УДК 342.951:351.82

## ПОНЯТИЕ СИСТЕМЫ ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРОЦЕДУРНОГО ПРАВА

**Анна ШАРАЯ,**

кандидат юридических наук, докторант,  
доцент кафедры административного и хозяйственного права  
Запорожского национального университета

### АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование сущности понятия системы принципов административно-процедурного права. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию понятия системы принципов административно-процедурного права. Проанализированы теоретические подходы к определению содержания понятия «система» и ее соотношение с понятием «структура». Предложено авторское понимание дефиниции «система принципов административно-процедурного права».

**Ключевые слова:** система, принципы, административно-процедурное право, системный подход, структура.

### THE CONCEPT OF THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL LAW

**Anna SHARAIA,**

Ph.D. in Law, Doctoral Student,  
Assistant Professor of the Department of Administrative and Commercial Law  
of Zaporizhzhia National University

### SUMMARY

The article is a theoretical study of the essence of the concept of the system of principles of administrative and procedural law. An analysis of the legal literature is carried out to study the concept of a system of principles of administrative procedural law. Theoretical approaches to the definition of the content of the concept “system” and its relation with the concept of “structure” are analyzed. The author’s understanding of the definition of “system of principles of administrative procedural law” is proposed.

**Key words:** system, principles, administrative procedural law, systematic approach, structure.

**Постановка проблеми.** Всесторонній аналіз сутності і значення принципів административно-процедурного права буде неповним і необ'єктивним без характеристики їх системи. Побудова сбалансованої системи принципів административно-процедурного права являється основою любых процесів реформування в сфері взаимоотношень частних і публичних лиц, при наявності которых забезпечується баланс частних і публичних інтересів. Особенностю регулюючого впливу принципів административно-процедурного права являється те, що функціональне призначення кожного окремого принципу залежить не тільки від його змісту, але і від властивостей і сутності всіх інших принципів, которые об'єднані в одну систему.

**Актуальность темы исследования** подтверждается недостаточной степенью исследованности темы и достаточно новаторским пониманием административно-процедурного права как подотрасли административного права.

**Состояние исследования.** Научный анализ проблем системы принципов административно-процедурного права осуществляется отечественными учеными в пределах изучения административного права, его составляющих, среди которых административно-процедурное право. Также в отечественной науке исследуются принципы административных процедур, которые не являются синонимическим понятием, но влияют на формирование системы принципов административно-процедурного права.



**Целью и задачей статьи является исследование** понятия «система принципов административно-процедурного права» и его авторское формулирование.

**Изложение основного материала.** Исследование системы принципов административно-процедурного права предполагает сосредоточение внимания на системном подходе. Системный подход признан как научный конце 40-х – начале 50-х годов XX в. (основатель – австрийский биолог Л. фон Бергалафни) [1, с. 68]. Системный подход к объекту любой сложности «дает возможность выявить взаимосвязь и взаимозависимость его компонентов, конкретизировать его связи и на этой основе разработать практические рекомендации по оптимизации функционирования этого объекта» [2, с. 115]. Безусловно, системный подход необходим для полного и точного анализа процессов, происходящих при реализации принципов административно-процедурного права. В практическом аспекте системный анализ позволяет выявить характерные свойства принципов административно-процедурного права, определить влияние на систему отдельного принципа зависимости от его сущности, разработать предложения по законодательному закреплению содержания принципа таким образом, чтобы могла эффективно и оптимально функционировать вся система.

Анализируя систему принципов административно-процедурного права, прежде всего, следует проанализировать содержание и сущность понятия «система». И.М. Дудник отмечает, что «первые представления о системе возникли в античной философии, где встречается онтологическое толкование системы как формы упорядоченности и целостности бытия. Древнегреческие философы, в частности Аристотель и Платон, обосновали идеи системного содержания: аксиоматические, геометрические, логических построений. Системные представления античности были восприняты и нашли продолжение в системно-онтологических концепциях Б. Спинозы и Т. Лейбница, а также в конструкциях научной систематики XVII – XVIII вв., которые стремились к системному толкованию окружающего мира» [3, с. 10]. Стоит заметить, что система – это «не классификация

по определенным признакам на группы и порядок расположения взаимосвязанных частей. Обусловленность расположения частей в системе свидетельствует об их совокупности как единого целого» [4, с. 24]. В.Ф. Оболенцев обращает внимание на то, что, «как это ни парадоксально, но до сих пор среди специалистов нет единого подхода к ее видению» [5, с. 9]. В свою очередь, В.Н. Садовский отмечает «использование 40 наиболее распространенных определений» [6, с. 93–99] системы. Трудно определить указанную дефиницию, ведь, как утверждает И.М. Дудник, «понятие «система», как и любое научное понятие, является результатом логического абстрагирования и выступает в значительной степени как идеальный объект, который формируется в сознании (воображении) исследователя» [3, с. 13]. Так, в научной, учебной, публицистической литературе можно встретить различные подходы к пониманию «системы», например:

1) «целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое» [7, с. 297];

2) «определенная реально существующая структурированная целостная совокупность элементов, соединенных между собой внутренними связями. Именно эти связи могут предоставлять внутреннюю организованность всем элементам любой системы, превращая ее в дифференцированную целостность» [8, с. 71];

3) «упорядоченная совокупность элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом, которая имеет относительную самостоятельность и органическое единство, характеризуется внутренней целостностью и автономностью функционирования» [9, с. 63];

4) «целостная совокупность (комплекс) закономерно расположенных и взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. К основным признакам системы, как правило, относят: комплексность (совокупность) элементов; упорядоченность и делимость элементов; наличие связей между ними; наличие целостных свойств» [10, с. 48];

5) «совокупность взаимозависимых элементов, образующих единое

целое и имеющих единственное назначение или цель» [11, с. 84] и др.

В связи с большим количеством попыток определить содержание и сущность «системы» В.Ф. Оболенцев на основании обобщения различных источников обосновывает наличие трех основных («базовых») уровней понимания такой категории:

1) первый уровень, «упрощенный», который заключается в понимании системы как совокупности элементов [5, с. 9];

2) второй уровень, «более сложный», что определяет понимание системы «не только как констанции существования определенной совокупности элементов, но и упоминание связей между ними» [5, с. 10];

3) третий уровень, «сложный», на котором в определение как дополнительный признак вводится также аспект цели существования [5, с. 11].

Все эти положения в полной мере присущи и принципам административно-процедурного права и их системе. Учитывая такой подход, можно предложить условно определить уровни понимания и системы принципов административно-процедурного права:

1) первый уровень, упрощенный: [элемент] + [элемент] + [элемент] ...

2) второй уровень, более сложный: [элемент] → (связи) ← [элемент] → (связи) ← [элемент] ...

3) третий уровень, сложный: [элемент] → (связи) ← [элемент] → (связи) ← [элемент] = цель

Так, в частности, система не является простой совокупностью определенных элементов, а предполагает появление нового качества, которое не сводится к свойствам отдельных ее элементов. В ней есть общие законы и закономерности, не сориентированы в каждом отдельном таком элементе, но руководят ими. То есть системный подход основывается, прежде всего, на положении о том, что специфика сложного объекта (системы) не исчерпывается особенностями элементов, которые ее составляют, а связана, прежде всего, с характером взаимодействия между элементами. Поэтому на первый план выходят задачи познания характера и механизма этих связей и отношений [12, с. 3]. Именно поэтому для исследования системы принципов административно-проце-



дурного права целесообразным является выбор третьего (т.н. «сложного») уровня понимания системы, по которому обязательным является выделение совокупности элементов, связей между ними и единой цели. Хотя имеют место и другие научные взгляды на построение системы. Так, И.М. Дудник отмечает, что «в структуре (в составе) системы выделяются качественно отличающиеся друг от друга части: элемент – компонент – подсистема. Под составной частью системы обычно понимают определенную пространственную, содержательную, материальную, функциональную обособленность. Элемент – это первооснова системы, исходная, неделимая в условиях данной системы ее часть, из которой состоят другие части системы. Элемент (элементарный) означает конечный, неделимый, последний. Компонент – это часть системы, выделяется по определенным признакам (общностью свойств элементов или их формой), это взаимодействующие структуры, подчиняющиеся тем же законам, что и вся система. Подсистема – это целостное образование в составе определенной системы, подсистема – это система в системе более высокого порядка (надсистеме)» [3, с. 18]. Такое построение вполне можно применять и к принципам административно-процедурного права. Таким образом, можно считать, что система принципов административно-процедурного права – это интегрированная, структурно упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих ее элементов (отдельных принципов, которые следует рассматривать в качестве подсистем), образующих единое целое и ориентированных на формирование фундаментального основания для отношений субъектов публичной администрации с частными и другими лицами при решении индивидуальных административных дел в сфере публичного администрирования.

Можно утверждать, что каждый из принципов системы играет самостоятельную роль и в то же время характеризует подотрасль административно-процедурного права, отдельные его институты, но между ними существует связь и взаимодействие, которые определяются единством целей и задач административно-процедурного права,

действие одного принципа обуславливает действие других. Каждый из принципов не может существовать отдельно от принципов системы, а только во взаимодействии с ними, содержание отдельных принципов раскрывается с учетом содержания иных принципов подотрасли. Система принципов административно-процедурного права позволяет «лучше узнать» его сущность и способствует применению соответствующих правовых норм. Система принципов административно-процедурного права не является простой абстрактной категорией, а является реальной составляющей механизма регуляторного воздействия на общественные отношения между публичными и частными лицами.

При рассмотрении вопросов, связанных с системой тех или иных понятий, объектов или явлений, в научных источниках можно встретить нередкое использование похожих по содержанию категорий. Так, например, в исследованиях совместно используются такие понятия, как «система» и «структура», в связи с чем следует выяснить их соотношение. В своем этимологическом значении «структура» – это «взаиморазмещение и взаимосвязь составных частей целого; строение; устройство, организация чего-нибудь» [13, с. 1405]; «строение и внутренняя форма организации системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами» [14, с. 432]. И.М. Дудник утверждает, что «нужно различать понятия «структура» и «организация» системы. Понятие «структура» отражает состав, связи, взаимодействие элементов, а понятие «организация» – определенный порядок, процесс и результат упорядочения взаимодействия элементов в соответствии с интересами системы» [3, с. 17]. И.В. Болокан, обобщая итоги по соотношению этих понятий, отмечает, что «системе присущи свойства иерархичности ... структурность является одной из характеристик системы, (состоит из элементов, между которыми существуют определенные связи)» [15, с. 183]. Д.С. Припутень обосновывает основания утверждать, что структура – это «устройство, построение, организация чего (в том числе и системы как сложного многоуровневого явления)» и соотносится с понятием «система» как часть

и целое [16, с. 163]. Таким образом, можно считать, что понятие «система» и «структура» не являются тождественными понятиями, они сопоставимы между собой и взаимодействуют как целое и часть, то есть структура является составной частью системы. К тому же, Д.С. Припутень считает необходимым исследовать понятие «система» наряду с исследованием понятия «систематика», содержание которого представляет в классическом понимании как «упорядочение, приведение в систему, системная классификация предмета изучения» [16, с. 164]. В этом случае понятие «система» и «систематика» можно соотносить как статику и динамику, а систематикой принципов административно-процедурного права следует считать их классификацию в рамках системы, которую они образуют, структурно упорядочиваясь.

Несложно заметить, что все определения понятия системы построены по принципу «иерархичности» (многоуровневости, соподчиненности), то есть рассмотрения любой системы (нулевой уровень) как совокупности взаимосвязанных подсистем (первый нижний уровень иерархии) и как элемента более сложной надсистемы – мегасистемы (первый верхний уровень иерархии). Принцип иерархичности является одним из универсальных принципов организации сложных систем [17]. Учитывая, что система принципов административно-процедурного права является составной частью более глобальной «надсистемы», «мегасистемы» (система принципов административного права). Стоит отметить утверждение Р.С. Мельника о том, что «система принципов административного права находится в процессе трансформации, что вызвано, прежде всего, внедрением «человекоцентристского» подхода в сферу административно-правового регулирования общественных отношений. В Украине пока не разработана единая система принципов административного права. В то же время следует избегать попыток подмены понятия «система принципов административного права» их перечнем, закрепленным в том или ином нормативном акте» [18, с. 65]. Следовательно, отсутствие единого доктринального подхода к системе принципов административного права усложняет и попытки



формирования системы принципов административно-процедурного права (как производной системы), которая сейчас также находится на этапе своего становления, ведь принципы административного права и принципы административно-процедурного права находятся в постоянной системной взаимосвязи.

Кроме того, следует заметить, что нередко в теории систем можно встретить позицию относительно выделения самостоятельных принципов, на которых основывается ее построение. «Поскольку понятие системы имеет чрезвычайно широкую область применения (практически любой объект можно рассматривать как систему), то для обоснования общих правил ее познания необходимо построение адекватных категорий как содержательного, так и формального характера. Эти категории должны быть отражением существенных изоморфных свойств системы и могут быть выражены в соответствующих принципах исследования системы:

1) принцип целостности – принципиальная невозможность сведения свойств системы к простой сумме свойств элементов, ее составляющих. Зависимость каждого элемента, свойства от его места, роли, функций внутри целого;

2) принцип структурности – возможность познания (описания) свойств и параметров системы через выявление ее структуры, т.е. связей и отношений между ее частями. Обусловленность поведения системы поведением ее отдельных элементов и свойствами ее структуры;

3) принцип взаимозависимости системы и среды – проявление свойств системы происходит в процессе и под влиянием ее взаимодействия с окружающей средой, которое является одним из главных факторов развития системы;

4) принцип иерархичности – каждый элемент системы является, в свою очередь, системой низкого ранга (порядка), а исследуемая система является одновременно элементом системы более высокого порядка;

5) принцип множественности описания – в силу относительной сложности любой системы ее адекватное отражение требует построения множества различных познавательных моделей, каждая из которых описывает

лишь определенный аспект системы» [3, с. 19]. Эти положения также следует учитывать при построении системы принципов административно-процедурного права.

В своем исследовании, посвященном принципам административных процедур, И.В. Криворучко отмечает, что «принципы образуют систему» [19, с. 23]. Системность принципов проявляется в том, что для человека, который принимает решение, важно в зависимости от ситуации придерживаться соответствующего набора принципов, прежде всего тех, которые являются обязательными для определенной ситуации, и использовать другие только в случае необходимости [20, с. 39–40]. Кроме того, каждый принцип также выступает как системное образование, поскольку имеет «сложное строение, каждый из них представляет собой набор элементов, то есть различных юридических императивов, требований, которые тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой» [21, с. 50]. Отмечая систему принципов, как правило, в научных и доктринальных источниках ее связывают с классификацией на определенные виды или ограничиваются простым перечислением принципов (например, характерных для административных процедур). Система принципов административно-процедурного права имеет свое собственное построение. Такое построение отражает определенные взаимосвязи, взаиморасположение составных частей системы принципов административно-процедурного права. Под компонентом системы принципов административно-процедурного права следует понимать базовый, простейший ее элемент, являющийся фундаментом ее образования, то есть принцип. Прототипом формирования системы принципов является классификация. Однако классификация лишена обязательных признаков системы – связей (внешних и внутренних) и цели. Внешние связи отражают взаимодействие между системой и внешней средой, системой и над системой (в частности, принципами административного права). Внутренние взаимосвязи сочетают элементы системы (ее подсистемы).

При объединении принципов в одну систему возникает качественно новое образование, в котором его составные элементы, находясь в посто-

янном взаимодействии, «передают» друг другу часть своих свойств, создавая тем самым взаимообусловленную «целостную основу» для нормального регулирования всех процедурных правоотношений. В то же время это не означает фактического поглощения принципов друг другом. Каждый из принципов имеет свой собственный смысл, который отличается от других. При этом как каждый отдельно взятый принцип, так и вся система в целом должны быть направлены на достижение задач административно-процедурного права. Если при реализации требований, которые «вытекают» из содержания того или иного принципа, цель административно-процедурного права не будет достигнута, то такая реализация носит «негативный» характер. Только вся система принципов может гарантировать достижение задач административно-процедурного права. Именно в этом и заключается ее свойство, которое не присуще ни одному отдельно взятому принципу.

К тому же, стоит отметить отсутствие необходимости выделять в системе принципов административно-процедурного права отдельный принцип или группу принципов как «главных» или «доминирующих» по сравнению с другими элементами системы. Ведь предполагая возможность «неравнозначности» принципов, неотвратимо тем самым признается «более весомый» характер одних принципов наряду с другими, а также объединение различных по содержанию явлений. Не отрицая вообще различия между принципами административно-процедурного права, следует отметить, что они (отличия) отражают специфику нормативно-правового закрепления того или иного принципа, времени его возникновения, сферы соответствующих отношений, особенности формулировки и реализации. В то же время такие различия никоим образом не влияют на качественные характеристики. Ни один из принципов не объединяет другие принципы вокруг себя, ни один из принципов не является отражением или воплощением другого. Правда, особое место занимает принцип верховенства права как «основа» всех принципов вообще. Именно поэтому нельзя говорить о разделении принципов на главные и вто-





ростепенные, основные и неосновные, важные или не важны.

В доктринальной административно-правовой литературе при рассмотрении отдельных положений теории с применением системного подхода неоднократно акцентируется внимание на динамичности и открытости как особым характеристикам системы. К системе принципов административно-процедурного права также следует применять характеристики мобильности и ощущение перемен в среде. Так, например, появление новых административных процедур или изменение их содержания связано с изменением принципов административно-процедурного права, что, соответственно, отражается и на изменении всей системы.

Исследуя взаимосвязи между элементами принципов административно-процедурного права, следует отметить, что природа связей между элементами системы имеет свою особую специфику. Поэтому стоит говорить о наличии особой системной связи, которая фактически формирует структуру самой системы. Стоит отметить, что система принципов способна адаптироваться к новым условиям функционирования, при необходимости изменяя свою структуру. Однако системе принципов административно-процедурного права присуща и относительная стабильность (способность оставаться неизменными под влиянием внешних и внутренних факторов).

Для достижения эффекта системности принципов административно-процедурного права необходима не только качественная взаимосвязь между ними, но и оптимальное их количественное соотношение. «Лишние» элементы будут создавать в системе «деструктивный» эффект, что в конечном счете не позволит ей получить интегративные свойства и достичь оговоренной цели в виде регулирующего влияния на процедурные отношения. Необоснованное «расширение» круга принципов, которые включаются в систему, имеют следствием «осложнение» и формирование «громоздкой», немобильной системы. Поэтому нет необходимости включать в перечень принципов административно-процедурного права мировоззренческие идеи, которые имеют несколько общий характер (справедливость, толерантность, гуманизм и т. д.). В то же

время следует предостеречь и от попыток значительного «сужения» перечня принципов административно-процедурного права и «поглощения» одного принципа другими, что также «обесценивает» тем самым роль отдельных принципов.

**Выводы.** Таким образом, система принципов административно-процедурного права – это интегрированная, структурно упорядоченная совокупность взаимозависимых и взаимосвязанных ее элементов (отдельных принципов, которые следует рассматривать в качестве подсистем), образующих единое целое и ориентирующихся на формирование фундаментальной основы для отношений субъектов публичной администрации с частными и другими лицами при решении индивидуальных административных дел в сфере публичного администрирования. Система принципов административно-процедурного права присущи такие характерные признаки: 1) множественность и разнообразие ее составляющих элементов – принципов, которые формируют подсистемы всей системы; 2) иерархичность ее построения, то есть размещение в системе и роль в ней должно, четко определенного места, что имеет свое обоснование; 3) элементы, которые образуют систему, находятся во взаимосвязи и взаимодействии между собой (внутренние, внешние, горизонтальные, вертикальные); 4) наличие непосредственной связи элементов системы с правовыми институтами подотрасли административно-процедурного права; 5) единство и целостность как системы в целом, так и ее составляющих; 6) наличие специальной цели – формирование фундаментального основания для отношений субъектов публичной администрации с частными и другими лицами при решении индивидуальных административных дел в сфере публичного администрирования. Для характеристики принципов административно-процедурного права именно их системный анализ позволяет реально выявить потенциал этого феномена.

#### Список использованной литературы:

1. Антонова О.С. Застосування системного підходу у побудові моделі обдарованості. Професійна педаго-

гічна освіта: системні дослідження : монографія / за ред. О.А. Дубасенюк. Житомир : Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2015. С. 68–91.

2. Паламарчук В.Ф. Як виростити інтелектуала. Тернопіль : «Навчальна книга-Богдан», 2000. 152 с.

3. Дудник І.М. Вступ до загальної теорії систем. Полтава, 2010. 129 с.

4. Советский гражданский процесс : учебник / В.И. Аргунов, А.А. Добровольский, С.А. Иванова, П.В. Логинов ; под ред. М.К. Треушникова. Москва : Изд-во МГУ, 1989. 462 с.

5. Оболенцев В.Ф. Базові засади системного аналізу системи держави України : монографія. Харків : Право, 2018. 98 с.

6. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. Москва : Наука, 1974. 280 с.

7. Спиркин А.Г. Философия : учебник. Москва : Гардарики, 1999. 816 с.

8. Шаганенко В.П. Сутнісні характеристики системи права. *Часопис Київського університету права*. 2012. № 2. С. 69–74.

9. Оніщенко Н.М. Загальна характеристика правової системи як інтегруючої категорії юридичної науки. *Правова держава: Щорічник наукових праць Інституту держави і права ім. В.М. Корецького НАН України*. Вип. 2. Київ : Вид. дім «Юридична книга», 2000. С. 62–76.

10. Луць Л. Критерії системного аналізу – методологічні основи дослідження правової системи. *Вісник Львівського університету. Серія юридична*. 2001. Вип. 36. С. 48–50.

11. Методы исследования и организации экспериментов / под ред. К.П. Власова. Харьков : Гуманитарный Центр, 2002. 125 с.

12. Козловський Ю.М. Наукова діяльність вищого навчального закладу: Випуск 3: Системний підхід до наукової діяльності вищого навчального закладу: Науково-методичні рекомендації. Львів : Сполом, 2011. 30 с.

13. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і гол. ред. В.Т. Бусел. Київ ; Ірпінь : Перун, 2009. 1736 с.

14. Новий тлумачний словник української мови у чотирьох томах / уклад. В. Яременко, О. Сліпущко. Т. 4. Київ : Аконті, 1999. 944 с.



15. Болокан І.В. Реалізація норм адміністративного права: проблемні питання теорії та практики : дис. ... д.ю.н. : 12.00.07. Запоріжжя, 2017. 549 с.

16. Припутень Д.С. Теорія примусу у службовому праві : монографія / Д.С. Припутень; Запоріж. нац. ун-т. Херсон : Гельветика, 2018. 425 с.

17. Попечителей Е.П. Методы медико-биологических исследований. Системные аспекты : учебное пособие. Житомир : ЖИТИ, 1997. 186 с.

18. 100 ответов на 100 вопросов по Общему административному праву: учеб. пособие / под ред. Р.С. Мельника. Киев : Юринком Интер, 2017. 240 с.

19. Криворучко І.В. Визначення поняття принципів адміністративної процедури в науці державного управління. *Вісник НАДУ при Президентіві України*. 2016. № 1. С. 20-25.

20. Державне управління : курс лекцій / за заг. ред. Д.І. Дзвінчука. Івано-Франківськ : Місто НВ, 2012. 616 с.

21. Уварова О.О. Принципи права у правозастосуванні: загальнотеоретична характеристика : монографія. Харків : Друкарня МАДРИД, 2012. 196 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Шарая Анна Анатольевна** – кандидат юридических наук, докторант, доцент кафедры административного и хозяйственного права Запорожского национального университета;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Sharaya Anna Anatolyevna** – Ph.D. in Law, Doctoral Student, Assistant Professor of the Department of Administrative and Commercial Law of Zaporizhzhia National University;

[indz2012@gmail.com](mailto:indz2012@gmail.com)

УДК 349.6

## КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ РАЗВИТИЕ ФАУНИСТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

**Владимир ШЕХОВЦОВ,**

кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры экологического права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

#### АННОТАЦИЯ

Статья посвящена концептуализации геополитических факторов, влияющих на формирование системы законодательства о животном мире, дается их определение и приводится классификация. В связи со сложным характером этих факторов и неодинаковым значением для развития фаунистического законодательства в статье исследуется влияние эколого-геополитических факторов через призму физико-географических параметров. Обосновывается, что выгодное географическое расположение и богатство природных ресурсов Украины создают правовой фундамент не только для внесения корректив в национальное экологическое законодательство, но и для вхождения Украины в европейское правовое пространство, развития международных правоотношений в отрасли охраны окружающей среды.

**Ключевые слова:** фаунистическое законодательство, охрана диких животных, государственная экологическая политика, сохранение биоразнообразия, охрана путей миграции животных, естественная среда обитания фауны.

## CONCEPTUALIZATION OF ECOLOGICAL AND GEOPOLITICAL PARAMETERS DETERMINING THE DEVELOPMENT OF THE WILDLIFE LEGISLATION IN UKRAINE

**Vladimir SHEKHOVTSOV,**

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department  
of Environmental Law of Yaroslav Mudryi National Law University

#### SUMMARY

The article is devoted to conceptualization of geopolitical factors that influence of formation the system of wildlife legislation. Due to the complex nature of these factors and unequal role for the development of wildlife legislation, in the article examines the influence of ecological factors through the prism of physic-geographical parameters. It is proved that the favorable geographical location and natural richness of Ukraine create the legal basis not only for making amendments on national environmental legislation, but also for Ukraine's entry into the European legal framework, the development of international legal relations in the field of environmental protection.

**Key words:** wildlife legislation, wildlife protection, state environmental policy, biodiversity conservation, protection of animal migration, habitats.

**Постановка проблемы.** Фаунистическое законодательство Украины, как подсистема экологического законодательства, является комплексом правовых норм, направленных на нормативное регулирование рационального использования дикой фауны, обеспечение ее охранного режима, а также восстановление объектов животного мира.

Тем не менее, сегодня фаунистическое законодательство не отображает

всех тенденций развития фактических отношений в сфере охраны и использования диких животных, политико-правовых реалий, а также фрагментарно учитывает принцип устойчивого развития природно-ресурсного потенциала, который сформировался как доминирующая парадигма современности. А поэтому возникает практическая необходимость доктринального осмысления факторов, которые не только



пронизывают внутреннюю сущность и отображают идею фаунистического законодательства, но также являются юридическим фундаментом для правового регулирования фаунистических правоотношений.

**Состояние исследования.** Специфика объекта данной статьи содействовала обращению к доктринальным наработкам таких представителей эколого-правовой науки, как: В.И. Андрейцев, А.В. Анисимова, А.П. Гетьман, И.И. Каракаш, В.В. Костицкий, М.В. Краснова, Н.Р. Малышева, А.К. Соколова и др. В работе были использованы методологические концепции геополитики, разработанные такими учеными, как: Дж. Слоун, Дж. Гриджил, Р. Коллинс, М. Спраут, Н. Спайкмэн, Х. Маккиндер и др.

Учитывая комплексность проблемы, связанной с обоснованием геополитических координат, их влияния на развитие фаунистического законодательства Украины, а также невозможностью их теоретического осмысления в рамках одной работы, автор **целью статьи предусматривает** исследование влияния эколого-геополитических факторов через призму благоприятных природно-климатических условий и богатого природного наследия в контексте реформирования фаунистического законодательства в Украине.

Для достижения цели и заданий статьи автором использована совокупность таких **методов** научного познания, как: диалектический, герменевтический, формально-юридический, системно-структурный, формально-логический и др. **Материалами** исследования стали экологическое законодательство Украины, международно-правовые акты, законодательство ЕС в сфере охраны дикой фауны, а также энциклопедические источники и статистические данные.

**Изложение основного материала.** Векторность развития фаунистического законодательства на всех его эволюционных этапах обуславливается как доминирующими тенденциями динамики глобального и регионального (европейского) законодательства (объективный аспект), так и сменой ценностно-ориентационных парадигм общества (субъективный аспект).

В связи с этим следует согласиться с проф. А.П. Гетьманом, который

справедливо указывает, что при определении состояния экологического законодательства Украины и особенно перспектив его развития в условиях евроинтеграции важно учитывать факторы, влияющие на него. Эти факторы разнообразны по характеру и времени действия, результатам последствий (позитивных или негативных), основаниям их возникновения, изменениям, прекращению и т. д. [1, с. 271].

Представляется, что целесообразно определять геополитические параметры в контексте развития фаунистического законодательства в Украине как конгломерат стержневых факторов, влияющих на а) политико-правовую реальность государства, б) состояние развития системы нормативно-правовых актов, в) место и авторитет Украины на международной арене. Прежде всего это факторы, обуславливающие устойчивость (или же динамичность) фаунистического законодательства, предпосылки его обновления и пересмотра, трансформацию современных правовых парадигм в отрасли охраны, рационального использования и восстановления объектов животного мира.

На процесс трансформации фаунистического законодательства со времен его зарождения и до сегодняшнего дня влияла вариативность геополитических факторов, которые можно классифицировать по разным критериям: внешние и внутренние геополитические параметры, объективные и субъективные, а также по видовой специфике: политико-правовые, экономические, пространственно-географические, экологические, демографические, социально-культурные, идеологические и т. д.

При этом основное значение при характеристике государства и его правовой системы имеют экологические (пространственно-географические) параметры, которые определяют место и роль государства в мире, привлекательность перспективы для других субъектов международного права укреплять сотрудничество с этим государством.

Обнаружение новых и эксплуатация существующих природных ресурсов, по мнению Дж. Гриджила, продолжает оставаться основным источником геополитических изменений [2, с. 32]. Географические факторы, которые влияют на политику, являются результатом

того, что определяющие политику лица ставят конкретные цели и пытаются реализовать их с помощью сознательных стратегий [3, с. 11].

Необычайное богатство природных ресурсов, богатый генофонд видов флоры и фауны, доступ Украины к двум морям, уникальные запасы водных, лесных и земельных ресурсов – факторы, обуславливающие вовлеченность Украины в международные процессы и актуализирующие вопрос о сотрудничестве с другими государствами в сфере охраны окружающей среды, в том числе и сохранения животного мира.

Кроме того, экологическими факторами, влияющими на зарождение фаунистического законодательства, его дальнейшего развития и обновление, являются: плодотворность почв, сохранность на территории Украины старовековых деревьев и другой природной растительности, а также буковых лесов, включенных в список ЮНЕСКО, богатые минеральные ресурсы и т. д.

Говоря об уникальном географическом расположении Украины, следует отметить то, что занимая менее 6 процентов площади Европы, Украина владеет около 35 процентами её биологического разнообразия. Биосфера Украины насчитывает более 70 000 видов флоры и фауны, в частности флоры – более 27 000 видов, фауны – более 45000 видов. В последние годы наблюдается увеличение количества видов растений и животных, занесенных в Красную книгу Украины [4].

Так, Украина является неотъемлемой частью уникального природного сокровища невероятной красоты и экологической ценности – Карпатского горного региона, который богат удивительными ландшафтами и генофондом редких видов флоры и фауны. В связи с этим между Украиной и другими государствами, через которые проходят Карпаты, достигнут консенсус относительно сохранения этой природной жемчужины путем подписания и ратификации Рамочной Конвенции об охране и устойчивом развитии Карпат в 2003 г. В частности, особое значение для эффективной охраны дикой фауны сыграли положения Конвенции, которые обязуют государства реализовывать политику, направленную не только на сохранение биоразнообразия,



охрану исчезающих и эндемических видов, больших хищников, но и на обеспечение целостности и высокого уровня сохранности естественных и полустественных мест их обитания. Реализация указанной стратегической цели способствовала разработке нового и улучшению существующего законодательства, которое регулирует общественные отношения в сфере охраны диких животных и мест их обитания. Принятый в 2004 г. Закон Украины «Про экологическую сеть Украины» закрепил необходимость формирования единой территориальной сети, которая направлена в том числе на сохранение биологического разнообразия, мест обитания ценных видов животного мира, генетического фонда, путей миграции животных.

В дальнейшем были ратифицированы и Протоколы к Конвенции, которые также свидетельствуют о влиянии удачного географического расположения Украины в горном регионе, где сохранены и ищут спасение представители дикой фауны.

Именно благодаря уникальному географическому расположению и наличию природного наследия, которое сохранилось на территории Украины и представляет эксклюзивную научную, природоохранную и духовную ценность, Украиной были ратифицированы такие международные нормативно-правовые акты, как: Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г., Конвенция об охране дикой флоры и фауны и природных сред обитания в Европе 1979 г., Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. и многие другие.

Положения этих документов были адаптированы в законодательство об охране животного мира, и для их дальнейшей имплементации принимаются качественно новые нормативно-правовые акты. На данный момент ведутся работы касательно разработки планов аппроксимации Директивы 79/409/ЕЕС о сохранении диких птиц и Директивы 92/43/ЕЕС об охране естественной среды обитания дикой флоры и фауны.

Учитывая комплексный характер охраны животного мира, то есть необходимость разработки мер по всеохватывающей охране не только диких животных, но и мест их обитания,

в Украине успешно внедряются концептуальные положения законодательства ЕС, которое предусматривает усиленный правовой режим сохранности природно-заповедного фонда, формирование экологической сети и правовое обеспечение ее составляющих компонентов. Так, согласно положениям Закона Украины «О Красной книге Украины» пребывание на определенной территории редких и исчезающих видов животного мира, которые занесены в Красную книгу Украины, является основанием оглашения ее объектом природно-заповедного фонда общегосударственного значения [5].

Осознание неповторимости и невозможности восстановления некоторых ценных экосистем, а также тенденций нарастающего антропологического давления на них, содействовало появлению на европейском континенте феномена экологической сети Natura 2000 и соответствующего законодательного обеспечения ее функционирования. Аналогичным механизмом защиты биоразнообразия и мест обитания диких животных в государствах, которые окончательно не интегрированы в европейское сообщество, а только выявили такое намерение, является Изумрудная сеть (Emerald Network). Важным судьбоносным документом, который способен обеспечить реализацию формирования указанной сети, является проект Закона Украины «Об изумрудной сети».

Расположение на территории Украины значительного количества водно-болотных угодий, которые имеют ключевое значение для сохранения биоразнообразия и поддержки охранного режима мигрирующих видов диких животных, птиц и рыб, стало основанием для присоединения государства к Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитания водоплавающих птиц 1971 г. На исполнение обязательств, предусмотренных Рамсарской конвенцией, было принято Постановление Кабинета Министров Украины от 23.11.1995 г. «О мерах об охране водно-болотных угодий, которые имеют международное значение», которым утверждено 22 водно-болотных угодья, в том числе Шацкие озера, озеро Синевир и озеро Сиваш, Днестровский

и Молочный лиманы, Ягорлыцкий залив, пойма р. Припять и т. д.

Таким образом, выгодное месторасположение Украины с политико-экономической точки зрения, существенные земельные ресурсы, плодородность почвы и богатое природное наследие, в том числе произрастание редких видов флоры и пребывание редких популяций фауны – создают уникальный географическо-экологический фундамент не только для внесения корректив в национальное экологическое законодательство, но и для вхождения Украины в европейское правовое пространство, развития международных правоотношений в отрасли охраны окружающей среды, где Украина является активным субъектом.

Исследование геополитических факторов, прямо или косвенно влияющих на развитие фаунистического законодательства Украины, имеет важнейшую социальную обусловленность, учитывая факт взаимосвязи всех природных ресурсов и экосистем, а также неотъемлемости динамики развития одних природных объектов от состояния других. Обосновывая данный тезис, необходимо обратить внимание, что количественное популяционно-видовое измерение фауны обусловливается состоянием земельных ресурсов, почв, качеством водных объектов, степенью безопасности качества атмосферного воздуха и т. д.

Следует также учесть, что одна из существенных характеристик фауны как живого компонента природы детерминирует потенциальные возможности их свободного передвижения (миграции) не только в пределах границ Украины, то также и за ее пределы, что, в свою очередь, обуславливает исследование вопроса о трансграничном сотрудничестве государств с целью всеобъемлющей и комплексной охраны диких животных, которые находятся в естественной среде обитания. Для реализации указанных целей суверенные государства заключают двусторонние или многосторонние договоры и соглашения, в которых определяют основополагающие требования к охране диких животных и условий их обитания, предусматривают организационно-правовую, институциональную и экономический механизмы осуществления охранных по отношению к фауне обязательств.





Так, Украина расположена на пересечении миграционных путей многих видов фауны, через ее территорию проходят два основных глобальных маршрута миграции диких птиц, а некоторые места гнездования имеют международное значение [4].

Сегодня правовой режим миграционных маршрутов видов, которые находятся под охраной Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г., частично отображен в Законе Украины «О животном мире» (статьи 3, 9, 39, 41), который устанавливает требования недопустимости ухудшения среды обитания, путей миграции и условий размножения животных.

Необходимо обратить внимание, что по результатам Конференции Сторон Конвенции мигрирующих видов, которая проходила 4-9 ноября 2014 г. в городе Кито (Эквадор), был принят «Стратегический план для охраны мигрирующих видов на 2015–2023 гг.». В рамках этого плана приоритетное значение имеет реализация цели определения причин сокращения популяций мигрирующих видов, а также улучшения охранного статуса мигрирующих видов и экологической связи, устойчивости мест их обитания [6].

Помимо указанного, важнейшими результатами Конференции Сторон являются: подтверждение дальнейшего внедрения экосети, необходимость исследования влияния инвазивных чужеродных видов (Резолюция 11.28), побуждение Сторон учитывать жизненные циклы и поведение мигрирующих видов в условиях развития экотуризма, в частности принять надлежащие меры, такие как разработка и применение соответствующих национальных руководящих принципов, кодексов поведения, в случае необходимости – национального законодательства, правил, других регуляторных инструментов для содействия экологически сбалансированного наблюдения за объектами дикой природы [7, с. 129].

Очевидно, что всё вышеуказанное стимулирует активизацию правотворческих действий законодателя по внесению изменений в фаунистическое законодательство Украины с тем, чтобы усилить охранный режим не только диких животных и мест их обитания,

но и путей их миграции как составляющей части ключевых экосистем.

Благоприятные природные ресурсы на территории Украины и их привлекательность для редких видов фауны способствовали тому, что Украина взяла на себя обязательства по реализации охранных мер в отношении дикой фауны согласно таким документам, как: Соглашение о сохранении европейских популяций летучих мышей (EUROBATS), Соглашение по охране афро-евразийских мигрирующих водно-болотных птиц (AEWA), Соглашение о сохранении китообразных Черного моря, Средиземного моря и прилегающей акватории Атлантического океана (ACCOBAMS).

Также Украина является участницей существенных для охраны фауны Меморандумов: о взаимопонимании по сохранению и менеджменту среднеевропейской популяции дроф *Otis tarda*; о взаимопонимании о мерах сохранения камышевки вертлявой *Acrocephalus paludicola*; о взаимопонимании относительно мер по охране кроншнепа тонкоклювого и т.д. [8, с. 8].

Завершая исследование экологических факторов в контексте предложенной темы, следует обратить внимание, что в литературе высказывается мнение о том, что географические факторы остаются неизменными; учитывая динамику политических и технологических изменений, меняется лишь влияние географических факторов на международную политику [9, с. 46].

Между тем концептуализация геополитических параметров, обуславливающих правотворческий процесс в сфере реформирования фаунистического законодательства Украины, дает представление об их динамическом характере. Последний определяется видоизменениями природно-климатических условий и состояния земельных, водных, лесных ресурсов, растительного мира, разрушением естественной среды обитания диких животных как под действием природных факторов, так и вследствие нарастающей интенсификации хозяйственной деятельности с использованием природных ресурсов и комплексов. Кроме того, перманентное изменение климатических условий также оказывает влияние на состояние почв, лесов, флористических ресурсов и водных

объектов, которые жизненно необходимы для выживания дикой фауны.

**Выводы.** В статье проанализированы лишь некоторые аспекты определения факторов, обуславливающих законодательный процесс в сфере фаунистических правоотношений с учетом влияния на него географическо-пространственных и экологических геополитических параметров. В работе констатируется их ключевая роль, поскольку, являясь юридическим фундаментом для государственных трансформаций, они существенно влияют на политику страны, позволяя Украине успешно интегрироваться в мировое сообщество, в частности европейское правовое пространство, что является особо актуальным на данном этапе векторности развития Украины.

В то же время для целостного понимания закономерностей развития фаунистического законодательства представляется рациональным исследовать и другие факторы как объективного и субъективного характера, так и внешние и внутренние, свидетельствующие о политико-правовой и ментальной реальности общества (правовые, политические, экономические, социально-идеологические, культурно-духовные), что является предметом последующих исследований автора.

#### Список использованной литературы:

1. Гетьман А.П. Доктрина екологічного права та законодавства України : монографія. Харків : ТОВ «Обе-ріг», 2019. 336 с.
2. Grygiel, J. J. (2006). Great powers and geopolitical change. Johns Hopkins University Press, Baltimore. 277 pp.
3. Sloan, G. (2017) Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory. Routledge, Abingdon, UK, pp. 272. ISBN 9780714653488 Available at URL : <http://centaur.reading.ac.uk/47837/>.
4. Про Основні засади (стратегію) державної екологічної політики на період до 2030 року : Закон України № 2697-VIII від 28.03.2019 р. *Відомості Верховної Ради України від 19.04.2019*. № 28. С. 29. Ст. 980.
5. Про Червону книгу України : Закон України від 7 лютого 2002 р. № 3055-III. *Відомості Верховної Ради України від 26.07.2002*. № 30. Ст. 201.



6. Strategic plan for migratory species 2015-2023. Resolution 11.2. URL : [https://www.cms.int/sites/default/files/document/Res\\_11\\_02\\_Strategic\\_Plan\\_for\\_MS\\_2015\\_2023\\_E\\_0.pdf](https://www.cms.int/sites/default/files/document/Res_11_02_Strategic_Plan_for_MS_2015_2023_E_0.pdf) (дата обращения 05.12.2019).

7. Домашлинець В.Г. Підсумки 11-ї наради Конференції Сторін Конвенції про збереження мігруючих видів диких тварин (Кіто, Еквадор, 4-9 листопада 2019 року). *Вісник Національного науково-природничого музею*. 2014. Том 12. С. 123–133.

8. Енциклопедія мігруючих видів диких тварин України / під загальною редакцією к.б.н., с.н.с. Полуди А.М. Київ, 2018.

9. Halden, P. The Geopolitics of Climate Change: Challenges to the International System. *Swedish Defense Research Agency*. Sweden. 2007. 172 p.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Шеховцов Владимир Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Shekhovtsov Vladimir Vladimirovich** – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Environmental Law of Yaroslav Mudryi National Law University;

*shehovtsov2004@ukr.net*

УДК 347.962:159.9

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРОРА С ПОТЕРПЕВШИМ ВО ВРЕМЯ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УКРАИНЕ

**Вадим ЮРЧЕНКО,**

аспирант кафедры юридической психологии  
Национальной академии внутренних дел

#### АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены и проанализированы психологические основы взаимодействия прокурора с потерпевшим во время досудебного расследования преступлений в ходе допроса и следственного эксперимента как процессуальных действий, проводимых с участием указанного участника уголовного производства. Описаны ключевые моменты и психология потерпевшего до, в момент и после совершения уголовно наказуемого деяния, обнаружены и установлены психологические особенности успешного и должного взаимодействия процессуального руководителя с потерпевшим в уголовном производстве с целью восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов последнего. Установлена и определена методика допроса прокурором потерпевшего с целью определения истины, действительных обстоятельств по делу с участием специалиста-психолога.

**Ключевые слова:** прокурор, взаимодействие, потерпевший, психологические основы, преступление, допрос, следственный эксперимент.

#### PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF INTERACTION OF THE PROSECUTOR WITH THE INJURED INVESTIGATION OF CRIMINAL OFFENSES IN UKRAINE

**Vadim YURCHENKO,**

Master of Law, Postgraduate Student of the Department of Legal Psychology  
of the National Academy of Internal Affairs

#### SUMMARY

There are discussed and analyzed the following points in this article: the psychological bases of the prosecutor's interaction with the victim during the pre-trial investigation of crimes during the interrogation and investigative experiment, as procedural actions conducted with the participation of the said criminal proceedings participant. The key points and psychology of the victim are described before, at the moment and after the commission of the criminal offense, the psychological peculiarities of successful and proper interaction of the procedural head with the victim in the criminal proceedings are revealed and established in order to restore the violated rights, freedoms and legitimate interests of the latter. The procedure of interrogation by the prosecutor of the victim is established and determined in order to find out the truth, the real circumstances in the case with the participation of such specialist, as psychologist.

**Key words:** prosecutor, interaction, victim, psychological background, crime, questioning, investigative experiment.

**Постановка проблемы.** Положения уголовно процессуального кодекса Украины определяют, что сторонами уголовного производства со стороны обвинения являются следователь, руководитель органа досудебного расследования, прокурор, а также потерпевший, его представитель и законный представитель в случаях, установленных

Кодексом (пункт 19 части 1 статьи 3 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины) [1].

Оценивая европейский и международный опыт принципов расследования преступлений, который нашел свое выражение в действующем УПК Украины, можно утверждать, что одной из основных задач, определенных указан-



ным законодательным актом, которую обязано решать уголовно-процессуальное законодательство и которая возлагается на уполномоченных лиц государства в лице органов правопорядка, является защита лица, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в частности потерпевшего.

Исследовав и проанализировав научную литературу, мы установили, что вопросы психологических особенностей взаимодействия субъектов уголовного производства, в том числе прокурора – процессуального руководителя, с потерпевшим исследованы не в полном объеме и поверхностно, что приводит к нарушению прав, свобод и законных интересов потерпевшего в ходе уголовного юрисдикционного процесса.

**Актуальность темы исследования** подтверждается установлением психологических особенностей и надлежащего психологического взаимодействия процессуального руководителя с потерпевшим в уголовном производстве в ходе проведения таких процессуальных действий, как допрос и следственный эксперимент, с целью восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов последнего.

**Состояние исследования.** Проблематика взаимодействия участников уголовного судопроизводства при расследовании преступлений была предметом исследования таких ученых: Г. Бондарь, В. Ковалева, Ю. Аленина, С. Альперта, А. Бандурки, Е. Блаживского, Р. Белкина, Л. Грицаенко, А. Каплина, П. Каркача, Е. Коваленко, В. Маляренко, И. Марочкина, В. Сухоноса, А. Татарова, Л. Удаловой и многих других.

**Целью и задачей статьи** является изучение личности потерпевшего, тактики и психологии его допроса и следственного эксперимента с его участием и участием специалиста-психолога с целью надлежащего предварительного расследования и правосудия в дальнейшем.

**Изложение основного материала.** Проведенный опрос работников местных прокуратур, которые занимаются организацией и процессуальным руководством досудебным расследованием, показал, что чаще всего специальные психологические знания используются

при взаимодействии с пострадавшими (71% респондентов), защитником и подозреваемым (35%), следователем (19%), следственным судьей (24%).

Согласно положениям части 1 статьи 55 УПК Украины потерпевшим в уголовном производстве может быть физическое лицо, которому уголовным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред, а также юридическое лицо, которому уголовным правонарушением причинен имущественный вред [1].

Р. Белкин указывал, что эффективность расследования и предупреждения преступлений во многом зависит от успешного взаимодействия субъектов уголовного преследования и лиц, которые своими действиями способствуют такой деятельности правоохранительных органов [7, с. 493].

Итак, потерпевший – это одна из центральных фигур во время проведения досудебного расследования, налаживания психологического взаимодействия между последним и процессуальным руководителем является залогом установления истины в уголовном производстве.

Потерпевший, вследствие совершенного в отношении последнего преступления, приобретает признаки виктимности, а это как следствие негативно влияет на его психологическое состояние.

Кроме этого, со стороны потерпевшего (членов его семьи и других родственников) проявляются такие же симптомы, как и у первичных жертв, поэтому речь идет о виктимности широкого круга пострадавших от правонарушения лиц, и указанное в обязательном порядке необходимо принимать во внимание при проведении следственных действий с вышеуказанными лицами [9].

В отношении потерпевшего стоит отметить, что юридическая психология изучает указанное лицо, факторы формирования и развития его личности, поведение до, во время и после совершения уголовного преступления, а также дает практические рекомендации по взаимодействию субъектов уголовного производства, в том числе и на психологическом уровне.

Изучение прокурором (процессуальным руководителем в уголовном производстве) психофизиологических

качеств потерпевшего, силы, подвижности нервных процессов, типа высшей нервной деятельности помогает определить возможность совершения потерпевшим тех или иных действий, достоверность и правдивость показаний последнего, а в целом – создать правильную картину события, которая имела место в прошлом и которая формируется в сознании прокурора на основании показаний последнего.

Анализируя действующее уголовное-процессуальное законодательство Украины, можно прийти к выводу, что психологические особенности взаимодействия потерпевшего с прокурором ярко выражены в ходе проведения следственных действий с участием последнего, в частности в ходе допроса и следственного эксперимента.

Как показывает практика, действия преступника, последствия уголовного преступления часто приводят потерпевшего в состояние сильного душевного волнения, возбуждения, страха, тяжелой депрессии, возмущения, гнева, отчаяния, растерянности. Без учета этих особенностей, их правильного психологического анализа, снятия стрессового состояния потерпевшего трудно рассчитывать на полноту и правильность его показаний [4, с. 55].

Процессуальному руководителю следует иметь в виду, что в случае совершения преступных действий против жизни и здоровья личности, собственности, имущества, нарушения общественного порядка пострадавший получает статус центральной фигуры как досудебного расследования, так и, в дальнейшем, судебного разбирательства.

Психологическое изучение личности потерпевшего является одним из самых актуальных аспектов, так как способствует решению целого перечня вопросов, в частности определению правильной правовой квалификации преступления, глубокому исследованию причин и условий, всестороннему, полному и беспристрастному расследованию уголовных производств, надлежащему получению и фиксации полученных доказательств.

Перед проведением такого следственного действия, как допрос, процессуальным руководителям необходимо детально изучить личность



потерпевшего, которую можно рассматривать в двух измерениях:

1) статистическом – возраст, образование, пол, гражданство, прочность социальных связей, место работы и жительства, принадлежность к религии. Некоторые данные могут прямо повлиять на квалификацию преступления (в частности, совершение преступления в отношении лица пожилого возраста, несовершеннолетнего, в зависимости от расовой, национальной принадлежности, религиозных убеждений, инвалидности и т. д.);

2) динамическом – поведение потерпевшего в период, непосредственно предшествовавший событию преступления, и в период совершения преступления, связь поведения (виктимного) с совершением преступления [7, с. 271].

Во время допроса необходимо обязательно учитывать, что поведение потерпевшего в момент совершения преступления зависит от влияния внешней среды, в данном случае – преступного нападения или иного воздействия; индивидуальных особенностей личности. Эти особенности личности характеризуются типом высшей нервной деятельности потерпевшего, чертами его характера.

Следует иметь в виду, что жизненный опыт имеет определяющее значение в поведении потерпевшего в делах о половых преступлениях, преступлениях в сфере безопасности, движения и эксплуатации транспорта, в области нарушения правил техники безопасности, так как с возрастом лица приобретают навыки, знания, умения, которые могут в той или иной степени охарактеризовать преступное деяние.

В ходе допроса потерпевшего с целью надлежащего психологического взаимодействия прокурору необходимо учитывать физическое и психическое состояние последнего, стараясь не причинить ему лишних психологических травм, выяснить, убежден ли он в правильности своих показаний, попытаться формулировать вопросы таким образом, чтобы потерпевший как можно более четко давал соответствующие показания.

Необходимо отметить, что частые упоминания события уголовного правонарушения и связанных с ним переживаний активизируют мыслительные

процессы потерпевшего, усиливают его стремление найти виновных. Поэтому пострадавшие склонны часто выдвигать самостоятельные версии о том, кто именно, с какой целью, мотивами и почему совершил преступление.

Нужно учитывать, что многие из таких предположений не основаны на каких-либо фактических данных, которые необходимо принимать во внимание, однако они помогают установлению психологического контакта. Кроме того, версия пострадавшего может иметь логическое содержание, ее необходимо в дальнейшем подробно проверить [6, с. 362].

Психология потерпевшего характеризуется определенными особенностями. Его психические состояния могут определяться «обвинительной доминантой», негативно-эмоциональным состоянием, возникшим в результате преступления и его последствий. Эти конфликтные состояния часто бывают связанными с общей конфликтностью личности потерпевшего [6, с. 363–365].

В соответствии с положениями, изложенными в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений, к жертвам следует относиться с состраданием, уважать их достоинство [5].

Международный опыт правоприменения свидетельствует, что всем органам правопорядка необходимо проходить подготовку, что позволит обеспечить понимание ими потребностей жертв и руководящих принципов оказания им надлежащей помощи. Предоставляя услуги жертвам, следует, прежде всего, уделять внимание тем, кто имеет особые потребности, обусловленные характером причиненного преступлением вреда [5].

В ходе проведения досудебного расследования прокурору в зависимости от уголовного преступления по своему усмотрению следует самостоятельно допрашивать потерпевшего, наладить с ним психологический контакт, подробно разъяснить последнему его права и обязанности.

Как показывает практика, прокуроры не используют предоставленную им законом возможность самостоятельно допрашивать потерпевших во время досудебного расследования, что негативно влияет на дальнейшее движение уголовного производства

в будущем, то есть в ходе судебного разбирательства.

Налаживание психологического контакта и должного взаимодействия прокурора с потерпевшим во время досудебного расследования фактически делает невозможным возникновение противоречий в ходе судебного рассмотрения уголовных производств, однако не всеми прокурорами это учитывается.

Допрашивая потерпевших и оценивая полученные от них показания, необходимо иметь в виду, что возникающее в результате боли психическое состояние зависит от предыдущего психического состояния.

В ходе допроса следует принимать во внимание, что усталость и бессонница повышают чувствительность человека к боли, однако при глубокой усталости боль притупляется. На холоде ощущение боли усиливается, а тепло, наоборот, способствует ослаблению болевых ощущений.

Тяжелые психические переживания, состояние нервного напряжения часто притупляют чувство боли. Страх, например, может не только усиливать болевые ощущения, но и иметь прямо противоположное действие. Поэтому в период борьбы и сопротивления, которое оказывает потерпевший, ощущение боли может показаться во времени порой отсроченным с момента ее причинения, поскольку внимание потерпевшего сосредоточено в это время на защите.

Часто по этим причинам показания потерпевших о времени причинения телесных повреждений могут быть неточными и противоречить другим доказательствам, полученным в ходе расследования уголовного производства. Возникающие в результате преступления страх, боль, физические страдания, желание освободиться от преступного нападения и быстрее его прекратить, возбуждение и напряжение, обусловленные борьбой, а при половых преступлениях, кроме того, еще и личные, интимные переживания, создавая совокупность различных, взаимосвязанных между собой эмоций и чувств, образуют сложное, своеобразное психологическое состояние пострадавшего.

В момент совершения преступления поток информации об окру-





жающей обстановке и действиях преступника может быть ограничен эмоциями и чувствами, которые переживает потерпевший, а также связанными с ними сигналами раздражения, которые доминируют в настоящее время в психической жизни. Круг сознания становится суженным, логическая, умственная переработка информации подавлена и искажена разнородностью и количеством раздражителей, поступающих из внутренних и внешних органов. Внимание только в отдельных случаях концентрируется на деталях события, возвращается к страху и опасности, связанным с действиями преступников.

Итак, процесс восприятия и переработки сознанием полученной информации может продолжаться у пострадавших и через несколько месяцев после проведения досудебного следствия, что часто влияет на их показания в суде. Допрашивая потерпевших, необходимо учитывать возможность возникновения противоречивых желаний.

В частности, непропорциональное поведение потерпевшего в связи с событием преступления может вызвать у него стремление исказить информацию. Часто при этом он избегает показаний, связанных с интимной стороной жизни. В связи с этим возможны как необдуманные, так и произвольные искажения отдельных сторон преступления.

Частые воспоминания о течении событий правонарушения и связанные с этим переживания активизируют процессы мышления потерпевшего, усиливают его стремление найти виновных, побуждая самостоятельно выдвигать многочисленные причины и фигурантов (в том числе заказчиков) совершения правонарушения.

Экспериментально доказано, что чувство страха, гнева, стыда, обиды и другие, которые испытывает пострадавший, могут способствовать искажению восприятия, сужая его объем, привести к неправильной оценке ряда фактов, признаков, деталей. При физиологическом аффекте, который часто случается в ходе преступного посягательства на личность, у потерпевшего ухудшается самоконтроль, верная оценка своих действий, ухудшается восприятие реальной обстановки [9, с. 25].

Пребывая в указанных состояниях, потерпевший может ошибаться, переоценивать физические данные преступника, количество правонарушителей, тип действий нападающих. Однако сильные переживания, которые испытывает пострадавший в момент совершения по отношению к нему уголовного преступления, часто делают его восприятие более глубокими, яркими, позволяют надолго запомнить многие незначительные детали события, детали внешности правонарушителя.

Поскольку уголовное преступление наносит сильную душевную травму потерпевшему, последний мысленно часто возвращается к трагическим событиям, вспоминая мельчайшие обстоятельства и детали противоправного посягательства.

Достаточно часто с течением времени пострадавшему удается вспомнить обстоятельства, которые он не помнил в процессе допроса или следственных действий.

Учитывая вышеизложенные положения психологии, следует указать, что прокурору необходимо сразу после совершения уголовного преступления самостоятельно допросить потерпевшего, используя специальные психологические знания, наладить с ним психологический контакт и подробно допросить его об обстоятельствах совершенного деяния.

В дальнейшем, через соответствующий промежуток времени, в зависимости от обстоятельств преступления необходимо провести повторный допрос с участием специалиста-психолога.

Согласно положениям ч. 1 ст. 71 УПК Украины специалистом в уголовном производстве является лицо, обладающее специальными знаниями и навыками применения технических или иных средств, которое может предоставлять консультации во время досудебного расследования и судебного разбирательства по вопросам, требующим соответствующих специальных знаний и навыков [1].

Так, уголовно процессуальный закон предоставляет возможность процессуальному руководителю привлечь специалиста-психолога для проведения процессуальных действий, в частности допроса.

Исходя из положений действующего законодательства по обращению участников уголовного процесса, психолог может принимать участие в каких-либо процессуальных действиях. Но несмотря на это, алгоритмов привлечения психологов и требований к самим специалистам не существует.

Возможности привлечения психолога-специалиста к уголовному процессу имеют гораздо большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Отсюда следует, что психолог может влиять на ход досудебного и, в дальнейшем, судебного производства. На этапе досудебного производства следователь или прокурор часто привлекают психолога путем вынесения соответствующего постановления, при этом функция психолога сводится к простому наблюдению за процессом допроса.

Подготовкой и проведением первичного допроса, определением круга вопросов занимается процессуальный руководитель, который не всегда имеет достаточные знания.

В ходе повторного допроса потерпевшего с участием специалиста-психолога можно установить психологическое состояние самого потерпевшего, определить правдивость показаний и сопоставить с предыдущими показаниями с целью установления истины в производстве и с возможностью применения ко всем участникам юрисдикционного процесса надлежащей правовой процедуры.

Ярко выражено взаимодействие прокурора с потерпевшим во время следственного эксперимента. Практически доказано, однако используется редко, что указанное процессуальное действие следует проводить сразу после проведения повторного допроса с участием специалиста-психолога с целью проверки и уточнения сведений, имеющих значение для установления обстоятельств уголовного правонарушения.

Следственный эксперимент представляет собой типичный образец реального динамического моделирования обстоятельств происшествия или его отдельных фрагментов, позволяет не только понять ход событий, но и понять, насколько соответствующая информация является надежной [8, с. 323].



Стоит отметить, что главная цель привлечения психолога к следственному эксперименту – это установление правдивости информации и предотвращение влияния со стороны других лиц. Анализируя процесс воспроизведения событий, пострадавший начинает переживать все события, и именно психолог может повлиять на недопущение психотравматизации лица, установление искренности и правдивости показаний, предоставленных во время проведения указанного процессуального действия, и в дальнейшем сообщить прокурору необходимую информацию для проведения дальнейшего досудебного расследования.

**Выводы.** Защита прав, свобод и законных интересов потерпевшего в уголовном производстве невозможна без обладания прокурором специальными психологическими знаниями и, как следствие, ненадлежащего психологического взаимодействия с потерпевшим в ходе проведения досудебного расследования.

С целью установления истины в уголовном производстве, для того чтобы к каждому участнику уголовного судопроизводства была применена надлежащая правовая процедура, процессуальному руководителю необходимо самостоятельно допрашивать потерпевшего сразу после совершения уголовного преступления, а в дальнейшем – повторно уже с участием специалиста-психолога с целью оценки психологического состояния потерпевшего, правдивости его показаний. Одновременно после повторного допроса следует, опять же с участием психолога, провести следственный эксперимент, что в настоящее время на практике используется редко.

Стоит отметить, что действующие законодательные акты Украины в полной мере не отражают реальные возможности участия специалиста-психолога расследование.

Можно констатировать, что в ходе проведения досудебного расследования потерпевший является одной из центральных фигур расследования. С целью качественного, надлежащего проведения досудебного расследования процессуальному руководителю необходимо постоянно принимать во внимание показания потерпевшего, его

психоэмоциональное состояние, взаимодействовать с последним во время проведения следственных (розыскных) действий, в том числе и на психологическом уровне.

Предложение относительно решения данной проблемы заключается в обязанности привлечения специалиста-психолога в конкретных категориях уголовных преступлений, в том числе преступлений против жизни и здоровья, общественного порядка, безопасности движения и эксплуатации транспортного средства, преступлений с участием несовершеннолетних.

#### Список использованной литературы:

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 года, ред. от 18.10.2019. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция». [5-е изд., доп. и перераб.]. Санкт-Петербург : Питер, 2004. 654 с.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология. Санкт-Петербург, 2000. 624 с.
4. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. 156 с.
5. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 года / ООН. URL: [https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995\\_114](https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_114).
6. Костицкий М. В. Судовая психология : уч. пособ. Черновцы : Чернов. нац. ун-т, 2013. 498 с.
7. Криминалистика : учеб. для вузов / под. ред. заслуженного деятеля науки РФ, про П.С. Белкина. 2-е изд. перераб. и доп. Москва : Норма, 2005. 992 с.
8. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. Москва : Юриформ, 2001. 350 с.
9. Потерпевший от преступления. Междисциплинарное правовое исследование : монография / Ю.В. Баулин и др. ; за. ред. Ю.В. Баулин, В.И. Борисов. Харьков : Кроссроуд, 2008. 364 с.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Юрченко Вадим Васильевич** – магистр права, аспирант кафедры юри-

дической психологии Национальной академии внутренних дел;

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**Yurchenko Vadim Vasilyevich** – Master of Law, Postgraduate Student of the Department of Legal Psychology of the National Academy of Internal Affairs;

*yurchenko\_vadym@ukr.net*



УДК 343.122(477)

## РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА ЗАЩИТУ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

**Максим ЮХНО,**

соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

**Александр ЮХНО,**

доктор юридических наук, профессор,

заведующий кафедрой уголовного процесса и организации досудебного расследования

Харьковского национального университета внутренних дел

### АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование международных и национальных законодательных, научных и прикладных положений по вопросам защиты прав человека и гражданина в уголовном производстве. Проанализированы различные научные точки зрения по исследованным вопросам и материалы правоприменительной деятельности, по которым изложены научные позиции авторов. По результатам научного исследования выявлены некоторые проблемные вопросы в действующем национальном уголовном процессуальном законодательстве и изучен позитивный опыт законодательства некоторых зарубежных стран, на основании чего внесены конкретные предложения и рекомендации по усовершенствованию отдельных положений уголовного процессуального законодательства и правоприменительной практики, использования международных правовых актов и опыта зарубежных стран в Украине.

**Ключевые слова:** досудебное расследование, права личности, международные акты, национальные законы, международный опыт, зарубежные страны, правовая помощь, защитник, участники процесса, научная позиция.

## REGULATION OF THE PERSONAL RIGHT FOR PROTECTION IN INTERNATIONAL LAWS AND IN THE LEGISLATION OF SOME FOREIGN COUNTRIES

**Maksim YUKHNO,**

Applicant

of Kharkiv National University of Internal Affairs

**Aleksandr YUKHNO,**

Doctor of Law, Professor,

Head of the Department of Criminal Procedure and Organization of Pre-trial Investigation

of Kharkiv National University of Internal Affairs

### SUMMARY

The authors of the article made a theoretical study of international and national legislation, scientific and practical provisions on the protection of human and civil rights in criminal proceedings. The authors also studied various scientific points of view on the issues and materials of law enforcement activity on which some scientific positions were presented. According to the results of a scientific study, the authors identified some problematic issues in the current national criminal procedural legislation. The authors of the article studied the positive experience of the legislation of some foreign countries and made specific proposals and recommendations to improve certain provisions of the criminal procedural law and law enforcement practice, the use of international legal acts and the experience of foreign countries in Ukraine.

**Key words:** pre-trial investigation, personal rights, international acts, national laws, international experience, foreign countries, legal assistance, counsel, participants in the process, scientific position.

**Постановка проблемы.** Институт защиты личности в Украине занимает важное место в системе правовых гарантий страны, связанной с обеспечением эффективного механизма защиты конституционных прав и свобод. Законодательное совершенствование таких правовых гарантий и их обеспечение невозможны без учета общепризнанных международных правовых актов и решений Европейского суда по

правам человека (далее – ЕСПЧ), которые в Украине, как и в других странах, являются источниками национального законодательства. Ранее Украина подвергалась острой критике со стороны различных международных институций за недостатки в правовом и прикладном обеспечении защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства. Однако, подписав ряд международно-правовых актов, Украина взяла на

себя обязательства по законодательному закреплению положений, обеспечивающих эффективное обеспечение прав, свобод и законных интересов личности. Украина внедряет в законотворческую и правоприменительную деятельность нормы международно-правовых актов и решений ЕСПЧ. Учитывая вышеизложенное, отдельные несовершенные нормы Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК), а также



внесение после его принятия с 2012 года более чем 580 изменений, возникает необходимость проведения дальнейших исследований по поднятым вопросам с целью усовершенствования законодательства Украины.

**Актуальность темы исследования.** Система защиты личности на международном уровне несколько отличается от той, которая существует в Украине, несмотря на принятие в 2012 году концептуально нового УПК, с новеллами, касающимися и этих вопросов. В кодексе расширены отдельные права участников уголовного производства по защите прав и свобод, однако не в полном объеме, который требуется для их эффективной защиты, что вызывает нарекания как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, а также отражено в решении ЕСПЧ. В связи с указанным исследованием международно-правовых актов и опыта отдельных зарубежных стран по поднимаемым проблемным вопросам предоставит возможность использования их при усовершенствовании законодательства Украины. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования этого направления уголовного процесса Украины как в теоретическом, так и в прикладном направлениях.

**Состояние исследования.** Поднимаемые в статье вопросы рассматривались в работах таких ученых: С.Е. Абламского, А.М. Бандурки, Ю.В. Баулина, В.П. Божьева, В.И. Борисова, Т.В. Варфоломеевой, Б.Л. Вашук, В.И. Галагана, И.М. Гальперина, Л.В. Головки, В.И. Гончаренко, Ю.М. Грошевого, Н.И. Гошовского, Е.В. Диденко, М.В. Духовского, В.В. Ерохина, Ю. Зайцева, Я.П. Зейкана, Д.Ю. Кавуна, С.А. Ковальчука, О.А. Калганова, О.В. Каплиной, Г.К. Кожевникова, А.Ф. Кони, В.В. Лысенко, Л.Д. Кокорева, Н.И. Клименко, О.П. Кучинской, А.А. Кочуры, В.Г. Лукашевича, Е.Д. Лукьянчикова, В.Т. Маларенко, А.В. Мельниченко, М.М. Михеенко, Т.В. Омельченко, В.Т. Нора, О. Павлюченко, Н.А. Погорещкого, Т.И. Присяжнюк, В.М. Савицкого, А.В. Сачко, Н.В. Сенаторова, М.С. Строговича, В.М. Тертишника, Л.Д. Удаловой, Т.Г. Фоминой, П.В. Цимбала, В.П. Шибки, О.Г. Шило, Н.Е. Шумило, А.А. Юхно, Ю.П. Яновича и др. После принятия в 2012 году КПК Украины в кандидатской диссер-

тации эти вопросы частично исследовались С.Е. Абламским – «Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном производстве» (2014 г.); Уваровым В.Г. в монографии «Международно-правовые стандарты в уголовном процессе Украины» (2014 г.) и в докторской диссертации по этим вопросам; Кавуном Д.Ю. – «Уголовно-процессуальный механизм обеспечения прав потерпевшего (физического лица) при досудебном расследовании» (2016 г.); Ковальчуком С.А. в монографии «Учение о вещественных доказательствах в уголовном процессе: теоретико-правовые и практические основы» (2017 г.) и в докторской диссертации по этой тематике; Мельниченко А.В. – «Обеспечение прав личности на досудебном расследовании» (2018 г.); в монографии эти вопросы изучались Ерохиным В.В. (2018 г.); Сачко А.В. – в монографии «Обеспечение верховенства права при применении особых порядков и режимов уголовного производства» (2019 г.) и в докторской диссертации по этой тематике, а также эти вопросы исследовались фрагментарно и другими учеными. За указанный период к действующему УПК Украины по состоянию на конец 2019 года было внесено более 580 изменений, дополнений и поправок, а также заключен ряд международных договоров, нормы которых еще не нашли своего отражения в исследованиях ученых и, как следствие, требуют отдельного дополнительного научного изучения.

**Цели и задачи.** Необходимость дальнейшего исследования международно-правовых актов и опыта законодателей отдельных зарубежных стран по вопросам защиты прав личности в уголовном судопроизводстве вызвана несовершенством, а в отдельных случаях и отсутствием синхронизации между ним и действующим уголовно-процессуальным законодательством Украины, а также между отдельными законами и практикой его применения. В целях исследования этих вопросов и выработки предложений и рекомендаций по внесению соответствующих дополнений и изменений в УПК и законодательство Украины авторы этой статьи поставили указанную задачу.

**Изложение основного материала.** Институт правовой защиты личности в Украине имеет существенное значе-

ние, учитывая поступательные и настойчивые шаги по укреплению демократических принципов в деятельности государства, в том числе в судебных и правоохранительных органах, и усовершенствование этих вопросов в Конституции и законодательных актах Украины, а также имплементацию международных правовых актов в национальное законодательство по этим вопросам. Характеризуя такую тенденцию, К.С. Тищенко подчеркнул, что в современных условиях права человека стали объектом не только отдельной страны, но и международного социума. Поэтому все государства при конструировании и использовании юридических инструментов обеспечения прав человека должны учитывать определенные классификации, которые непосредственно отображают специфику этих прав [1, с. 328], что мы поддерживаем. На законодательном уровне права личности на защиту представлены в уголовных и уголовно-процессуальных кодексах (законах) государств всех правовых систем современности и закреплены посредством индивидуальной для каждого из них системы уголовно-правовых и процессуальных категорий. Несмотря на различный инструментарий правовых категорий, которые используются национальным и зарубежными законодателями при нормативном закреплении института уголовно-процессуальной защиты, они не всегда могут в полном объеме раскрыть сущность этого института или же охарактеризовать его законодательные особенности. Поэтому путем проведения компаративистского анализа категорий этого института можно сформулировать характерные закономерности и особенности его правовой географии [2, с. 5], что мы поддерживаем. Следует отметить, что в современной доктрине национального уголовного процессуального и международного права нет единства во взглядах на перечень источников этих областей права, как и обобщающего нормативно-правового акта (закона), в котором бы помещался их исчерпывающий перечень. Для полного понимания указанного вопроса необходимо определить иерархию законов, которые регулируют уголовно-процессуальную деятельность, и их взаимоотношение с международным





правом [3, с. 105]. Начало XXI столетия, по определению Сопельник Р.Л., ознаменовалось демократическими изменениями, в том числе и в Украине: начали формироваться новые рыночные отношения, совершенствоваться духовная сфера, расширяться права и свободы человека и др. Изменения, которые произошли после Второй мировой войны, в том числе и в социальных отношениях, повлекли за собой необходимость переосмысления роли государства и его органов в жизни общества. Наиболее существенной предпосылкой развития гражданского общества в таких условиях является вопрос о качественном, стабильном законодательстве и эффективном правосудии, способных обеспечивать надежную защиту прав и свобод человека, интересов общества и государства, исключить произвол и беззаконие [4, с. 47]. Это потребовало поисков концептуальных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве Украины в целях недопущения репрессивных методов проведения дознания и досудебного расследования, которые достались в наследство от бывшего СССР, что привело к активности в научных исследованиях ученых и практических работников. Исследуя этот процесс, Д.П. Письменный очень метко заметил, что со времени, когда Украина стала самостоятельным государством, актуальным остается вопрос: каким должно быть уголовно-процессуальное законодательство Украины, чтобы одновременно соответствовать европейским стандартам и вместе с тем служить надежным средством защиты прав, свобод и законных интересов конкретной личности нашего государства [5, с. 39], что мы поддерживаем, а также можем охарактеризовать этот процесс как постоянный и динамичный. Следует охарактеризовать тенденции совершенствования права на защиту в Украине. Так, более 15 лет назад, 29.06. 2004 г., был принят Закон Украины «О международных договорах Украины», в котором учтены нормы Венской конвенции 1969 г. В частности, в ст. 2 этого закона закреплено, что под международными договорами Украины следует понимать договор, соглашение, конвенцию, пакт, протокол и др. (независимо от его конкретного названия). В международной практике

ссылаются на ст. 38 Устава Международного суда ООН от 26.06.1945 г., в соответствии с которым к источникам международного права относятся: 1) международные договоры; 2) международные обычаи; 3) общие принципы права, признанные цивилизованными народами; 3) судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов в сфере публичного права различных наций как дополнительный способ для определения правовых норм [6]. Кроме этого, в п «а» ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров понятие «договор» определяется как международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме, регулируемое международным правом, независимо от того, составлено оно в одном, двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного названия [7]. В законодательстве отдельных зарубежных стран закреплены нормы, которые признают доминирующее значение международных договоров. Так, в нормах ст. 98 Конституции Японии закреплено, что все договоры, которые уже заключены или будут заключены в последующем, являются наивысшими законами государства, и национальные суды обязаны их выполнять, если даже в конституции или во внутренних законах встречаются противоречивые положения. Аналогичные положения закреплены в Конституции Аргентины (ст. 31), Болгарии (ст. 5), Египта (ст. 151), Киргизии (ст.12), Литвы (ст. 138), Нидерландов (ст. 93), Румынии (ст. 10), Швейцарии (ст. 113), Венесуэлы (ст. 128), бывшей Югославии (ст. 124). В то же время в других зарубежных странах предусмотрены несколько иные варианты определения статуса международного договора. Так, в некоторых из них закреплены нормы о том, что международные договоры, надлежащим образом ратифицированные, имеют преимущество перед внутринациональными законами с момента их опубликования, однако при условии их выполнения другой стороной. Такие нормы предусмотрены в конституциях Франции (ст. 55), Мали (ст. 116), Того (ст. 23), Туниса (ст. 23), Буркина-Фасо (ст. 151), Гвинеи (ст. 79) [8, с. 178]. Начиная с 1989 года Совет Европы уделяет особое внимание

построению «общего европейского дома», приглашая к членству те европейские государства, которые освободились от ярма тоталитарных режимов, стараясь обеспечить соблюдение демократического плюрализма, верховенства права и защиты прав человека [9, с. 2], в члены которого 31 октября 1995 года принята и Украина, после того, как Верховный Совет Украины провозгласил решение о присоединении к Уставу Совета Европы, таким образом взяв на себя обязанности привести национальное законодательство в соответствие с европейскими нормами и стандартами, которые признаются международным сообществом юридически обязательными, в том числе предусмотренными Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [10]. Путь к Европейскому выбору, который осуществляет Украина, требует от нее признания общепризнанных принципов и норм международных договоров. В связи с этим в Украине консолидируется зарубежный опыт и инновационные гуманистические идеи, закрепление которых осуществляется в законодательстве по рассматриваемым вопросам. С 90-х годов XX столетия, по мнению В.Г. Уварова, значительно усилилась интенсивность контактов представителей Украины с международной правовой системой, а после подписания множества международно-правовых актов, в том числе и по вопросам обеспечения прав и свобод личности, возникла определенная зависимость от нее в позитивном аспекте [11, с. 6]. Мы считаем, в дополнение к сказанному следует добавить, что национальное законодательство должно быть динамичным и постоянно совершенствоваться, учитывая реформирование административно-территориальной, государственной, правоохранительной и судебной систем, а также требования сегодняшнего дня. Одним из основных международно-правовых актов по вопросам защиты прав личности является Общая декларация прав человека ООН от 10 декабря 1948 года (далее – Декларация), в которой впервые было отражены основные права и свободы личности. Она принята во всем мире как правовой стандарт по этим вопросам [12]. Кроме этого, в ст. 7 Декларации закреплено, что все являются свободными и равными перед



законом и имеют право на защиту, а в ст. 8 говорится, что каждый человек имеет право на восстановление прав национальными судами в случаях их нарушения [13, с. 10]. Указанная Декларация представляет собой четкий механизм контроля и защиты прав человека. Ее особенностью является то, что человек или юридическое лицо, которые считают, что их права нарушены, в соответствии с нормой Конвенции могут направить жалобу в ЕСПЧ в случае, если все возможности защиты прав в своем государстве использованы. Это право закреплено и в ст. 55 Конституции Украины [14]. Учитывая важность Декларации, внедрение ее в законодательство государств-участниц, а также недостатки, 4 ноября 1950 года была принята Конвенция о защите прав и основоположных свобод (далее – Конвенция) [15], которая странами-участницами и Украиной ратифицирована. Далее в нее были внесены изменения и дополнения 14 Протоколами, с расширением перечня прав и свобод личности, усовершенствованы полномочия контролирующих органов и правовой механизм рассмотрения заявлений о нарушениях. Оценивая данную Конвенцию, С. Гончаренко заметил, что она имеет особое значение для европейских, в том числе украинских юристов, поскольку закрепляет права человека, которые в современных странах определяют характер отношений между человеком и государством... При этом действия публичной власти должны ориентироваться на благо человека и создание таких условий его существования, которые бы соответствовали его автономии и свободе как наивысшим ценностям. Государство существует для людей, а не наоборот [16, с. 251]. К этому мы можем добавить, что указанное должно реализовываться в жизнь любой страны независимо от изменения власти и ее политической окраски. Следующим актом, который исторически усилил защиту прав личности, стал Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г., где закреплено, что все люди равны перед законом и любое ограничение или уменьшение прав не допускается, при этом государство должно обеспечить человеку эффективную правовую защиту независимо от его процессуаль-

ного статуса. Был принят и Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (далее – Международный пакт), который определил механизм рассмотрения жалоб отдельных лиц по конкретным обстоятельствам. Вместе с ним был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г., которые были ратифицированы Украиной в 1973 г. [17; 18]. Исследуя указанные международно-правовые акты по защите прав личности, следует акцентировать внимание на том, что в ст. 2 Международного пакта закреплено, что государство должно гарантировать лицам, чьи права и свободы нарушены, эффективную защиту, и это право должно устанавливаться судебным или иным компетентным органом, предусмотренным правовой системой страны. Статья 6 Конвенции предусматривает право каждого обвиняемого защищать себя лично или использовать правовую помощь выбранного защитника. Более полно право на защиту закреплено в «Основных принципах, которые касаются роли юристов». В первом принципе предусмотрено, что каждый имеет право обратиться к любому юристу за защитой своих прав на всех стадиях уголовного процесса [19]. Однако в Украине защитником может быть лишь определенное законом лицо, что противоречит вышеуказанному документу и что следует устранить на законодательном уровне. Значение и роль указанных международно-правовых актов для нашей страны подтверждается тем, что в Конституции закреплено, что таковые являются частью национального законодательства. В ее частях 1 и 2 ст. 24 определено, что граждане имеют равные права и свободы, а в ст. 29 предусмотрено равенство всех участников судебного процесса перед законом и судом. Ст. 59 Конституции закрепила право каждого на правовую помощь, а в предусмотренных законом случаях она должна предоставляться бесплатно [14]. Наблюдается тенденция к унификации международных правовых норм в сфере уголовного процесса и гармонизации УПК Украины, других законов, их адаптации к европейским правовым стандартам. При этом существенная роль в их усовершен-

ствовании принадлежит Европейскому суду по правам человека (далее – ЕСПЧ). Как указывается учеными, в процессе сближения национальных правовых систем в контексте европейского правового поля практика ЕСПЧ служит объединяющим фактором, проводником общеевропейских идей в различные национальные правовые порядки [20, с. 535]. В дополнение к этой правовой характеристике Ю.Ю. Попов определил, что решения ЕСПЧ, хотя и не являются практикой национальной судебной системы, все же являются судебной практикой убедительного прецедента (*persuasive precedent*), который является общим для обеих правовых семей: отдельные судебные решения, которые сами по себе не создают прецедента ни в англо-саксонском, ни в континентальном значении, с позиции авторитетности суда, который их принял, существенно влияют на практику других судов, хотя и не являются обязательным для них [21, с. 357]. С. Ковальчук, О. Демьянова, Т. Войтенко сделали вывод о том, что преобладающей сферой определения деятельности ЕСПЧ является соблюдение принципа пропорциональности справедливого баланса между общими интересами общества и требованиями защиты фундаментальных прав физических лиц, на необходимость соблюдения которого ЕСПЧ неоднократно обращал внимание: в п. 78 решения от 28.11.1999 г. в деле «Брумареску против Румынии», в п. 54 решения ЕСПЧ от 02.11.2004 г. в деле «Трегубенко против Украины», в п. 32 решения ЕСПЧ от 24.03.2005 г. в деле «Фризен против Российской Федерации» [22, с. 591]. Исследования показали, что решения ЕСПЧ представляют из себя смешение различных юридических традиций, а касательно криминально-правовой – при принятии ним решений в соответствии со ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное рассмотрение». Такая «смесь» традиций, систем, школ признается многими рациональной и единственно возможной «гармоничной конвергенцией» [23, с. 827]. Правовой особенностью решений ЕСПЧ является то, что в отдельных из них трактуются положения Конвенции. Так, одно из ключевых решений-толкований ЕСПЧ раскрыто в деле «Бельзюк против Польши» от 25.03.1998 г., где



определено, что элементом понятия справедливого судебного рассмотрения является принцип равенства сторон в суде, что включает также и состязательность в уголовном производстве, в соответствии с чем сторона обвинения и защиты наделены правом оспариваться с предоставленными другой стороной замечаниями и доказательствами, давая соответствующие ответы на них [24, с. 462]. Кроме этого, решения ЕСПЧ оказывают значительное влияние на национальное законодательство, правовые институты и области права государств Европы, в связи с чем следует привести примеры, когда государства – участники Совета Европы изменили свое законодательство, выполняя решения ЕСПЧ. Так, Бельгия внесла изменения в законодательство об образовании; Греция – о предварительном заключении; Италия дополнила уголовное процессуальное законодательство положением об обязательном присутствии защитника, в том числе и в кассационной инстанции; Нидерланды внесли уточнения в военный уголовный кодекс и в законы, которые регулируют особенности общения с психически больными в уголовном процессе; Великобритания запретила телесные наказания в государственных школах и др. [25, с. 81]. В свою очередь, для Украины обращения ее граждан в ЕСПЧ имеют существенное значение, поскольку они проявляют, как лакмусовая бумага, какие в национальных правоохранительных органах и судебных инстанциях имеются недостатки по выполнению норм Конвенции в вопросах обеспечения прав и свобод личности. Так, в соответствии со статистическими данными по состоянию на 31 декабря 2012 года на рассмотрении в ЕСПЧ находилось 10450 дел против Украины (8,2% от общего количества, которое было в производстве); в 2013 году – 13700 (13,3% соответственно от общего количества); в 2014 году – 13600 дел (13,3% от общего количества); в 2015 году – 13850 дел (21,4% от общего количества); в 2016 году – 18150 дел (22,8% от общего количества); в 2017 году – 7100 дел (12,6% от общего количества) [26]. Исследуя законодательство зарубежных стран по поднятым в статье вопросам, С.М. Смоков отметил, что в Европе оно постоянно

совершенствовалось, нарабатывался опыт в вопросах обеспечения прав личности. При этом соблюдалась сбалансированность гарантий и интересов правосудия и личности. Например, в Англии уделяется значительное внимание соблюдению законов со стороны полицейских при аресте лица путем введения в структурных подразделениях полиции специальной должности – «офицера по надзору» (custody officers), к которому обязательно доставляются все задержанные и который осуществляет контроль за сроками задержания лиц и реализацией их прав на защиту во время кратковременного ареста. Законы этой страны дифференцированно подходят к соблюдению сроков кратковременного полицейского ареста до 24 часов с возможностью его продления руководством полиции до 36 часов и судом – до 96 часов. Законом регулируется ограниченный срок судебного приказа об аресте до 8 суток с возможностью продления этого максимально срока ареста. Законодательство Франции усиливает гарантии законности за счет введения должности специального судьи по свободам, который принимает участие при решении вопросов об аресте. Другой пример – Италия и Франция, где предусмотрен специальный судья по предварительному расследованию. В Германии законом закреплено обязательное участие задержанного, арестованного и их защитников в судебном рассмотрении при избрании, отмене и продолжении сроков ареста, тем самым обеспечиваются гарантии проверки законности и обоснованности ареста лица [27, с. 96]. Мы считаем необходимым закрепить этот опыт на законодательном уровне и в Украине. Конституция Украины является достижением в развитии правового механизма защиты прав участников уголовного процесса. Здесь уместно привести научную позицию Г.В. Гребенькова и Д.П. Фиолевского, что в ее нормах подтверждено намерение государства следовать путем гуманизации и демократизации правовых институтов к международным правовым стандартам, и как бы прекрасно ни звучали все декларации, их недостаточно. Следует наступательно их закреплять, создавая реальные условия для введения законодательных положений в практику и судебный кон-

троль [28, с. 87]. Эффективную защиту прав и свобод личности в уголовном процессе можно обеспечить при выработке единого четкого, эффективного правового механизма на законодательном уровне. Осуществление комплекса мероприятий Украиной в переориентации на правовые международные стандарты потребует не только совершенствования указанного механизма, но и реформирования всей системы досудебного расследования, органов прокуратуры и судебных инстанций, что позволит обеспечить гарантии и эффективную защиту личности.

По результатам исследования следует сделать следующие **выводы**: 1) ратификация вышеназванных в статье международно-правовых актов является частью национального законодательства Украины; закрепление таких норм в Конституции Украины, действующем УПК Украины (ч. 1 ст. 7), Законе Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» и других законах; 2) их ратификация способствовала утверждению в Украине принципов верховенства права и законности, повышению эффективности защиты прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства, а также недопущению репрессивного направления в деятельности правоохранительных органов и судов, который был унаследован от бывшего СССР; 3) частью 4 статьи 55 Конституции Украины закреплено положение международно-правовых актов, в соответствии с которым гражданин имеет право, после использования всех национальных средств правовой защиты, обращаться за защитой своих прав и свобод в ЕСПЧ и к соответствующим международным судебным инстанциям или к соответствующим органам международных организаций, членом или участником которых является Украина; 5) деятельность Украины в исследованном направлении должна продолжаться и совершенствоваться на законодательном уровне, в том числе с учетом принятия новых международно-правовых актов, подписания новых договоров, внесения изменений в УПК и др. В то же время вопросы исследования, рассмотренные в статье, не являются исчерпывающими и подлежат дальнейшему изучению.



### Список использованной литературы:

1. Тищенко К.С. Міжнародні стандарти прав людини: поняття та класифікація. *Молодий вчений*. 2017. № 12(52). (грудень). С. 328.
2. Орловський Б.М. Кримінально-правовий захист фізичної особи: національна та зарубіжна регламентація: монографія. Одеса: Гельветика, 2018. 428 с.
3. Дрозд В.Г., Пономаренко А.В., Абламський С.Є. та ін. Забезпечення прав, свобод і законних інтересів особи на стадії досудового розслідування: монографія / Держ. наук. досл. ін-т. Харків. нац. ун-т внутр. справ. Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2019. 498 с.
4. Сопільник Р.Л. Сучасна судово-правова реформа України: концептуальні особливості. *Развитие гуманитарных наук. Проблемы и перспективы / Rozwoj nauk humanistycznych. Problemy perspektywy*. 28-30.09.2012. Катовице. Katowice, 2012. С. 47.
5. Письменний А.П. Удосконалення кримінального процесуального законодавства України: стан і перспективи. *Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ*. 2013. № 2. С. 39.
6. Про міжнародні договори України: Закон України від 29.06.2004 р. № 1906-IV. *Відомості Верховної Ради України (ВВР)*. 2004. № 50. Ст. 540.
7. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. *Ведомости Верховного Совета Украинской ССР*. 1986. № 17. Ст. 343.
8. Нарбутаев Э., Сафаев Ф. Курс международного уголовного права. Ташкент: Мехнат. 2006. 289 с.
9. Нурулаев І.С. Міжнародно-правове співробітництво в системі Ради Європи у боротьбі з корупцією: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.11 – Міжнародне право. Харків, 2008. 20 с.
10. Закон України «Про приєднання України до Статуту Ради Європи». *Відомості Верховної Ради України*. 1995. № 38. Ст. 287.
11. Уваров В.Г. Міжнародно-правові стандарти у кримінальному процесі України: монографія. Харків: НикаНова, 2014. 416 с.
12. Загальна декларація прав людини: прийнята та проголошена Генеральною Асамблеєю ООН 10.12.1948 р. *Офіційний вісник України*. 2008. № 93. Ст. 3103.
13. Литвин В. Роль юридичної науки в удосконаленні механізмів гарантій належної реалізації Європейської конвенції про захист прав людини. *Вісник Академії правових наук України*: зб. наук. пр. / редкол.: В.Я. Тацій та ін. Харків: Право, 2010. № 4(63). С. 3–13.
14. Конституція України: зі змінами. Харків: Право, 2019. 56 с.
15. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 04.11.1950 р. *Офіційний вісник України*. 1998. № 13. Ст. 270.
16. Гончаренко С. Методика викладання положень Європейської Конвенції з прав людини прецедентного права Європейського Суду з прав людини у юридичних вищих навчальних закладах. *Право України*. 2011. № 7. С. 251–252.
17. Міжнародний пакт про економічні, соціальні і культурні права від 16.12.1966 р. URL: [http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995\\_042](http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_042).
18. Про ратифікацію Міжнародного пакту про економічні, соціальні і культурні права та Міжнародного пакту про громадянські і політичні права: Указом Президії Верховної Ради Української РСР № 2148-VIII від 19.10.1973р. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2148-08>.
19. Основні принципи, що стосуються ролі юристів від 07.09.1990. URL: [http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995\\_313](http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_313).
20. Стандарти справедливого правосуддя (міжнародные и национальные практики) / Коллектив авторов под ред. Т.Г. Моршакковой Москва: Мысль, 2012. С. 34.
21. Попов Ю.Ю. Прецедентне право у контексті загальнообов'язковості судових рішень та українські перспективи. *Форум права*. 2010. № 3. С. 357.
22. Ковальчук С.О. Вчення про речові докази у кримінальному процесі: теоретико-правові та практичні основи: монографія. Івано-Франківськ: Супрун В.П., 2017. 618 с.
23. Amman D.M. Harmonic convergence. *Constitutional criminal procedure in an international context*. 75 – Indiana L. J. 809, 2000, p. 827.
24. Європейська конвенція про захист прав людини і основоположних свобод від 04.11.1950 р. Вибрані рішення Європейського суду з прав людини (в двох томах) / Уклад. Ю. Зайцев, О. Павліченко. Київ: Фенікс, 2005. С. 462.
25. Манукян В.И. Международная защита прав человека: право, прецеденты, комментарии. Научно-практическое пособие. Киев: Истина, 2010. 480 с.
26. Звіт про результати діяльності Урядового уповноваженого у справах Європейського суду з прав людини. Офіційний веб-сайт Міністерства юстиції України. URL: [https://minjust.gov.ua/cat\\_9329](https://minjust.gov.ua/cat_9329).
27. Смоков С.М. Запобіжні заходи та кримінально-процесуальні гарантії їх застосування: навч. посіб. Одеса: Одеський держ. ун-т внутр. справ. 134 с.
28. Гребеньков Г.Н., Фіолевський Д.П. Юридична етика: навч. посібник. Київ: Алерта, 2004. С. 87–88.

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Юхно Максим Александрович** – соискатель Харьковского национального университета внутренних дел;

**Юхно Александр Александрович** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и организации досудебного расследования Харьковского национального университета внутренних дел;

### INFORMATION ABOUT AUTHORS

**Yukhno Maksim Aleksandrovich** – Applicant of Kharkiv National University of Internal Affairs;

**Yukhno Aleksandr Aleksandrovich** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Organization of Pre-trial Investigation of Kharkiv National University of Internal Affairs;

*u-kafedra@ukr.net*